ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 5-й.

1926 г.

Книга восьмая—десятая

кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА—34,
Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

Коопер. Изд-во „ПРАВО и ЖИЗНЬ".

Москва—34, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1—63—64.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

6-й год издания — **на 1927 г.** — **6-й год издания**

НА ЖУРНАЛ

„ПРАВО и ЖИЗНЬ".

Под редакцией профессоров

А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

Журнал посвящен вопросам права и экономического строительства.

ТРИ НОВЫХ ОТДЕЛА:

1. Систематические обзоры кассац. практики по гражд. делам. Авторы обзоров: проф. Н. Г. Вавин, проф. А. М. Винавер, проф. В. Ю. Вольф и проф. А. Э. Вормс.
2. Систематические обзоры кассац. практики по угол. делам. Авторы обзоров: проф. М. Н. Гернет, проф. М. М. Гродзинский, проф. П. И. Люблинский, проф. Н. Н. Полянский, А. С. Тагер и проф. А. Н. Трайнин.
3. Обзоры работы судов, коллегий защитников и юрисконсультов.

В выпущенных №№ журнала помещены статьи авторов: проф. М. М. Агаркова, И. И. Аншелеса, Ю. Ю. Бехтерева, И. Л. Брауде, проф. Н. Г. Вавина, проф. П. В. Верховского, проф. А. М. Винавера, проф. В. Ю. Вольфа, Н. Н. Гедеонова, проф. М. Н. Гернета, В. П. Голубева, проф. Н. Н. Голубева, проф. А. В. Горбунова, А. Н. Граниной, проф. М. М. Гродзинского, Н. П. Дмитревского, проф. А. А. Жижиленко, проф. Н. А. Захарова, проф. М. Д. Загряцкого, Д. И. Иваницкого, проф. М. М. Исаева, Я. А. Канторовича, А. Д. Кейлина, проф. Г. М. Колоножникова, акад. А. Ф. Кони, проф. С. А. Котляревкого, проф. А. Э. Кристера, проф. К. А. Кузнецова, В. И. Куфаева, проф. Liepmann (Гамбург), проф. А. М. Ладыженского, проф. П. И. Люблинского, проф. А. Н. Макарова, проф. И. А. Малиновского, В. С. Малченко. проф. А. А. Мануилова, проф. Э. Я. Немировского, проф. И. Б. Новицкого, А. Н. Одарченко, проф. М. Я. Пергамента, Л. И. Поволоцкого, проф. Н. Н. Полянского, проф. Б. В. Попова, проф. Б. Д. Плетнева, Н. Н. Рейнке, Д. П. Родина, проф. В. И. Серебровского, А. С. Тагера, проф. Л. С. Таля, А. А. Тарнопольского, проф. Н. М. Тоцкого, проф. А. Н. Трайнина, проф. В. С. Трахтерова, И. Н. Трепицына, Л. И. Фишмана, В. В. Хижнякова, проф. Б. Б. Черепахина, И. В. Шерешевского, проф. В. Н. Ширяева, проф. Т. М. Яблочкова, проф. А. И. Яковлева, В. Р. Якубсон и др.

Условия подписки:

На 1 год с доставкой и пересылкой . . . . . 10 руб.

„ 1/2 года „ „ . . . . . 6 „

Оставшиеся комплекты журнала: за 1922 г. книги 2 и 3—1 руб.; за 1923 г. (без первой книги)—3 руб.; за 1924 г. (без первой книги)—4 руб.; за 1925 г.—5 р.; за 1926 г.—6 руб.

МАЙ 2008

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 5-й.

1926 г.

Книга восьмая—десятая

Ордена Трудового Красного Знамени Государственный Ордена

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА—34,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

Главлит № 73903 Москва. Тираж—2.000 экземп.

Р Ж Е В.
Типография Общего Отдела Уисполкома
1926.

Приобретательная давность.

I.

Гр. Кодекс устанавливает правила только относительно погасительной давности, ни словом не обмолвившись о давности приобретательной.

Между тем, вопрос о приобретательной давности является весьма существенным; при наличии правил только о погасительной давности непредъявление иска в установленный срок погашает только процессуальное право на предъявление иска, право на обращение к суду для охраны гражданином своих интересов; но материальное право не погашается и сохраняется за собственником; поэтому, согласно ст. 47 ГК, в случае исполнения должником обязательства по истечении давностного срока, он не в праве требовать обратно исполненное, как неосновательное обогащение. В соответствии с этим право собственности не переходит к новому владельцу. Согласно же правилам законодательств, признающих приобретательную давность, погашение права на иск влечет за собою погашение и права материального; одновременно с этим погашение материального права собственника соответствует возникновению права нового владельца.

Столь существенное различие и приводит к вопросу о том, можно ли из толкования правил Гр. Код. прийти к выводу о допустимости по ГК и приобретательной давности, и, в случае отрицательного ответа на этот вопрос, соответствует ли положение о приобретательной давности принципиальным положениям советского хозяйственного права.

Прежде, чем остановиться на разрешении поставленного вопроса, необходимо выяснить, с какой целью введены в ГК правила об „исковой давности". В комментарии к ГК, изданном Институтом Советского Права под редакцией А. Г. Гойхбарга, мы находим указание, что „давность установлена для упрочения гражданского оборота" [1]). Навряд ли можно согласиться с таким взглядом; ГК в отличие от соответствующих законодательных актов капиталистических государств меньше всего придает самостоятельное значение нуждам гражданского [2]) оборота; не фетишизируя этого оборота, законодатель в ГК дает очертание максимума прав, предоставляемых гражданам, в целях привлечения их к участию в хозяйственном обороте. Во всем хозяйственном праве превалирует социальная его сторона, соответствие нуждам и интересам государства трудящихся; хозяйственный оборот интересует законодателя постольку, поскольку он необходим для

---

[1]) Стр. 85.

[2]) Считая, что советское право не знает разделения на гражданское и торговое право, а знает только единое хозяйственное право, мы считаем более правильным говорить о хозяйственном обороте. См. по этому поводу мою статью „Система изложения Гр. Кодекса" (Вестник Сов. Юстиции 1926 г. № 24).

восстановления промышленности и укрепления государства; поэтому, и вопрос о давности, как и все институты хозяйственного права, подлежит рассмотрению с точки зрения соответствия их этой социальной стороне вопроса.

Согласно ст. 4 ГК, права предоставляются гражданам для участия их в хозяйственном обороте исключительно в целях развития производительных сил государства. Этой социально-хозяйственной целью и должны руководствоваться граждане в своей деятельности в хозяйственном обороте.

Противоречие социально-хозяйственному назначению хозяйственных прав может найти себе выражение как в неправильном, антисоциальном осуществлении прав, так и в неосуществлении прав, вообще. К числу таких случаев неосуществления своих прав, влекущих за собою по ст. 1 ГК лишение охраны законом, должно отнести также неосуществление гражданином своих процессуальных прав по обращению к суду за защитой.

Неправильное, в противоречии с их социально-хозяйственным назначением осуществление своих прав лишает гражданина возможности обратиться к защите закона, при чем истечение каких-либо сроков здесь значения не имеет; по вопросу же о неосуществлении своих прав на обращение к защите суда необходимо установление определенного срока, по прошествии которого такое неосуществление становится уже доказательством нарушения социально-хозяйственного назначения прав, доказательством антисоциального отношения гражданина к принадлежащим ему правам. Поэтому, истечение установленного ст. 44 трехгодичного давностного срока влечет за собою погашение процессуальных прав гражданина.

По этому поводу проф. Б. В. Поповым высказано было соображение, что „духу ГК (ст.ст. 1 и 4) вполне соответствовало бы обоснование института погасительной давности идеей кары за бесхозяйственное отношение к правам“ [1]). Но навряд ли это соображение правильно, так как советское законодательство не проводит принципа кары за неосуществление гражданином своих прав или осуществление таковых в противоречии с их социально-хозяйственным назначением.

Если бы советским законодательством признавалась и проводилась в ГК идея кары за неправильное осуществление или неосуществление гражданином предоставленных ему прав, то и редакция 1 ст. ГК была бы иной; тогда ст. 1 должна была бы быть редактирована в том смысле, что неосуществление или неправильное осуществление хозяйственных прав влекло бы за собой погашение не только процессуальных, но и материальных прав, влекло бы за собой полное лишение гражданина неправильно осуществляемых им прав. Но законодатель в целях стимулирования социального осуществления прав устанавливает только отсутствие охраны этих прав законом; гражданин, не лишаясь своих прав, не имеет средств защиты на случай чьего-либо покушения на эти права; но если никто на эти права не покушается, или же если гражданин против нарушений его прав мер защиты не принял, то законодатель не лишает его этих хозяйственных прав.

Институтом приобретательной давности, как уже указывалось, устанавливается приобретение новым владельцем права собственности

---

[1]) См. реферат о докладе проф. Б. В. Попова „Об исковой давности по ГК“ („Вестн. Сов. Юст.“ № 10/1925 г. 441 и след).

на имущество по истечении определенного срока. Следовательно, этот институт защищает фактическое владение, защищает фактические отношения гражданина к имуществу. И в законодательствах капиталистических государств приобретательная давность является одним из способов приобретения права собственности. ГК не дает перечня способов приобретения права собственности; с другой стороны, ГК не дает специальных правил о владении имуществом. Объясняется это тем, что Советское законодательство не может признать обычного различия между правом вещным и обязательственным. Сохранение этого различия—в интересах господствующей буржуазии [1]); в то время, как по утверждению буржуазных юристов, право собственности есть особое отношение человека к вещи, а вещные права направлены на самую вещь, на самое имущество, — социальные функции права сводятся к отношениям людей между собою, а этими социальными функциями права только и надлежит руководствоваться.

Если обратиться к способам приобретения права собственности, то мы увидим, что по ст. 66 ГК право собственности может быть приобретено и на основании договора, путем соглашения сторон, т. е. право собственности может быть приобретено в результате отношений людей между собой. Об особых же отношениях людей к вещам в условиях советского строя говорить не приходится: во-первых, согласно ст. 4 ГК, хозяйственные права предоставляются в целях развития производительных сил; во-вторых, и это является самым существенным,—хозяйственные права предоставлены гражданам для участия в хозяйственном обороте *временно*, на данной ступени производственных отношений; во что выльется хозяйственное право на следующей ступени развития производственных отношений сказать сейчас нельзя. Резко поставлен был вопрос о соотношении между степенью развития производственных отношений и принадлежащими гражданам хозяйственными правами на последнем XIV партийном съезде в связи с развившейся дискуссией о значении госкапитализма.

А раз правовые отношения находятся в зависимости от отношений экономических, от степени развития производительных сил и состояния производственных отношений, то о незыблемости отношений лица к вещи, к имуществу, о незыблемости права собственности говорить не приходится. И в силу этого отпадает главное основание для разделения хозяйственного права на отдельные области вещного и обязательственного права.

Советское законодательство охраняет право собственности постольку, поскольку это имеет значение для развития промышленных сил; но самостоятельного значения ни праву собственности ни владению оно не придает; в ГК мы совершенно не находим правил, регламентирующих фактическое владение. Законодатель при издании ГК имел в виду наметить те права, которые могут быть предоставлены гражданам в целях участия их в развитии производительных сил, при чем эти права должны явиться границей, дальше которых в своих уступках в интересах социальных государство итти не может. Поэтому в вводном законе устанавливается, что правила Гр. Код., вообще, не подлежат распространительному толкованию; таковое допускается лишь в виде исключения, в целях охраны интересов государства и трудящихся масс. А отсюда вывод должен быть такой: 1) лицо, осуществляющее свои права в соответствии с их социально-

---

[1]) См. А. Г. Гойхбарг „Основы частного имущественного права", стр. 68.

хозяйственным назначением, имеет право на охрану этих прав законом против всяких его правонарушителей; 2) лицо, осуществляющее свои права в противоречии с этим хозяйственным назначением или вовсе их не осуществляющее, правом на охрану не пользуется; 3) не осуществление своего права на обращение к суду в течение 3 лет лишает права на охрану законом, не создавая *никаких прав* для фактического владельца.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что исковая давность погашает процессуальные права истцов по всякого рода искам; приобретательная же давность создает только право собственности, превращает фактическое владение в право собственности. Следовательно, область применения исковой (погасительной) давности значительно шире применения давности приобретательной; между тем, меньше всего советское законодательство может и станет охранять право собственности.

Кроме того, в законодательствах, не интересующихся социальными функциями права, вопрос становится чрезвычайно прямо и элементарно: истечение исковой давности лишает собственника права собственности и права на предъявление иска против правонарушителя, и одновременно с этим возникает право собственности нового владельца. При этом государство не предъявляет своих прав на имущество. Поэтому, если найденное имущество не было востребовано в течение давностнаго срока, то, вследствие истечения исковой давности, собственник теряет и право на предъявление иска и право собственности, а нашедший это имущество вправе защищаться от всяких покушений ссылкой на истечение срока приобретательной давности и приобретение, вследствие этого, права собственности на находку; то же и в других случаях.

Иное дело в советском законодательстве; в одних случаях неосуществление или неправильное осуществление своих прав лишает истца только права на иск, не лишая его права материального, в других же случаях интересы государства требуют признания его права на это имущество; напр., Наркомвнуделом УССР издан был циркуляр, в силу коего денационализированные домостроения подлежали переходу обратно в собственность государства, если лица, в пользу которых домостроение было денационализировано, неосуществили своих прав в течение определенного периода времени.

Согласно ст. 68 ГК, бесхозяйное имущество является собственностью государства, при чем, как указано пленумом Верхсуда РСФСР от 29 июня 25 г., „по законам РСФСР создается общее предположение о том, что всякое спорное имущество на территории РСФСР является государственным, пока не установлено противоположное; иначе, при отсутствии у нас института приобретательной давности, значительное количество имущества осталось бы ничьей собственностью“. Еще рельефнее это выражено в опр. ГКК ВС РСФСР по делу Симбирского Губпродкома с Якуниным [1]). Приведенная в этом определении точка зрения Верхсуда совершенно отвергает положение об институте приобретательной давности, ибо последняя презюмирует право собственности фактического владельца, каковое из фактического, вследствие истечения давностного срока, превращается в юридически обоснованное.

---

[1]) Это определение рассмотрено нами в ст. „Вопросы материального гр. права в практике ВС“ („Право и Жизнь“ 1925 г. № 9—10, стр. 26).

Согласно же циркуляра Версуда УССР № 43/24 г., только те бывшие собственники не могут оспаривать владение имуществом, перешедшим в руки трудящихся до 24 августа 1922 г. [1]) в процессе революции, права которых подвергались экспроприации в процессе революции, т. е. буржуазия. Государство же и другие трудящиеся, если из их владения незаконно вышло имущество, никакими сроками, кроме срока исковой давности, не ограничены в отыскании своего имущества из чужого незаконного владения".

Таким образом, во многих случаях установлению права собственности фактического владельца препятствует презумпция принадлежности имущества государству. И, следовательно, только в тех случаях, когда государство на это имущество прав своих не предъявляет, могла бы возникнуть мысль о признании права собственности за фактическим владельцем.

II.

На практике возникают вопросы о принадлежности домостроений фактическим владельцам; это обстоятельство дает основание гр. Нежданову утверждать, что „институт исковой давности, парализуя иски бездеятельных лиц, лишая их права судебной защиты, создает фактического владельца, права которого не нормированы законом, но который по своему положению на практике, в водовороте жизненных отношений, от собственника ничем не отличается: фактический владелец приобретает не только одну выгоду, но и юридическую оболочку своего отношения к вещи. Фактические отношения превращаются в отношения юридические" [2]).

На такое утверждение действующее законодательство, на которое ссылается указанный автор, никаких оснований не дает. Нежданов в подтверждение этого своего утверждения ссылается на то, что „примечание 1 к ст. 59 ГК защищает права тех фактических владельцев (из числа трудящихся), к которым перешли по тому или иному основанию (титулу) до 22 мая 1922 г. Бывшие собственники лишаются права требовать возвращения своего имущества от фактических владельцев, а последние тем самым превращаются в собственников. Действие означенной статьи ГК имеет не общее, а частное значение, приуроченное к определенному сроку: закон санкционирует и признает юридические последствия за тем фактическим положением, которое совершилось к известному моменту — 22 мая 1922 г. Перед нами частный случай приобретательной давности, неизвестный Кодексу в качестве самостоятельного юридического института".

С такой точкой зрения согласиться нельзя; прим. 1 к ст. 59 меньше всего имеет отношения к приобретательной давности, т. е. к юридическому институту, создающему право собственности в силу истечения определенного, заранее установленного промежутка времени осуществления права на это имущество. Примечание 1 к ст. 59 устанавливает переход права собственности не в силу истечения времени, а как исключение из общего правила, в силу революционного права; правило, изложенное в этом примечании, является выра-

---

[1]) Дата опубликования в УССР декрета „о частных имущественных правах граждан".

[2]) „Исковая давность и фактическое владение" („Право и Жизнь" 1925 г. № 1).

2824 сер. 47.

Гос. Ордена Ленина Университет
БИБЛИОТЕКА
Юридический факультет

жением классового права, при чем имущество признано было собственностью трудящихся вне зависимости от того, за сколько времени до 22 мая 1922 г. произошел переход имущества.

Это правило является исключением из правила ст. 59, предоставляющего право истребования имущества из чужого незаконного владения; между тем, правило ст. 59 категорически отвергает возможность института приобретательной давности. Статья эта предоставляет право истребования имущества из всякого чужого незаконного владения в течение давностного срока; допустим, что А. завладел имуществом Б. в июне 1922 г.; в июне 1925 г. кончился давностный срок на предъявление иска Б. к А. о возврате имущества [1]); допустим, далее, что в силу каких-либо обстоятельств течение исковой давности приостановилось и Б. мог предъявить иск до февраля 1926 г.; таким образом, исковая давность окончилась бы уже после того, как в силу приобретательной давности имущество стало бы собственностью А. Эта коллизия при безусловном праве собственника на истребление имущества в течение давностного срока, при правилах о перерыве давности и приостановлении течения давности, указывает, представляется нам, на нежелание законодателя вводить несвойственный принципам советского права институт приобретательной давности.

Таким же исключением является правило прим. 2 к ст. 60 ГК; но и это исключение нельзя считать подтверждением наличия или допустимости у нас института приобретательной давности. Согласно этому примечанию, подлежат истребованию от добросовестного приобретателя государственные и иные ценные бумаги, даже в случае их похищения или утери бывшим собственником. По поводу проекта этого примечания А. Г. Гойхбарг писал: „допустить в наших условиях, когда крупнейшие эмиссионные и кредитные учреждения являются государственными, право добросовестного приобретателя на приобретение даже краденных денег и ценных бумаг, означало бы поощрять кражу денег и ценных бумаг из кладовых государства“ [2]). И все же интересы целесообразности, привлечение симпатий населения к приобретению ценных бумаг без опасения отобрания их привели к изданию правила, изложенного в п. 2 ст. 60 ГК.

А. Е. Семенова считает, что правило ст. 102 Зем. Кодекса УССР (ст. 101 Зем. Кодекса РСФСР) дает основания к применению давности владения, приобретательной давности [3]). В статье этой сказано: „при установлении участкового порядка землепользования вновь, размеры землепользования каждого двора определяются на общих для всех основаниях постановлениями (приговорами) земельного общества; в тех же обществах, где участковый порядок землепользования *уже существует*, размер участка каждого двора определяется *по бесспорному фактическому трудовому пользованию*, а в случае споров—земельными комиссиями по надлежащим актам и другим доказательствам (свидетельскими показаниями и пр.)“.

Первым делом нужно отметить, что указание здесь на *бесспорное фактическое трудовое землепользование* отнюдь не означает отсутствия

---

[1]) Нельзя не обратить внимание на то, что в ГК мы нигде не находим термина „восстановление нарушенного владения“, наличие какового могло бы навести на мысль об охране законом владения. Отсутствие этого термина и тщательное его исключение из ГК подтверждает, представляется нам, вышеизложенное об отношении Советского права к вопросу об охране фактического владения.

[2]) А. Г. Гойхбарг. „Основы частного имущественного права“, стр. 93.

[3]) Указанный реферат о докладе проф. Попова. (Вестн. Сов. Юстиции 1925 г. № 10).

законного основания для этого фактического пользования участком; в этой статье только устанавливается, что при наличии в обществе участкового порядка землепользования участки не перераспределяются и размер их определяется по фактическому составу означенных дворов; отсюда до установления института давности владения еще очень далеко. Помимо того, если бы даже допустить, что ст. 101 Зем. Кодекса имеет в виду охрану фактического трудового землепользования, то этим не устанавливается институт приобретательной давности. Нужно помнить коренное различие между Земельным Кодексом и Кодексом Гражданским; первый является законодательным актом, устанавливающим минимум прав землепользования трудового крестьянства, и всякое расширение в этом отношении прав крестьян вполне соответствует политике Рабоче-Крестьянского правительства в области регулирования земельных отношений; поэтому, в целях охраны интересов трудового крестьянства законодатель может в отдельных случаях допустить охрану и фактического землепользования [1]). Гр. Кодекс, как уже указывалось, регламентирует хозяйственные права граждан по участию их в хозяйственном обороте, при чем является максимумом прав, дальше которого Советское правительство пойти не может; политика Рабоче-Крестьянского правительства в области регулирования прав граждан по участию в хозяйственном обороте совершенно иное, чем в области регулирования земельных, трудовых и иных отношений; поскольку в области регулирования означенных отношений политика Рабоче-Крестьянского правительства направлена на расширение прав трудящихся, настолько в области регулирования прав и отношений граждан по участию в хозяйственном обороте политика Рабоче-Крестьянского правительства направлена к ограничению этих прав и отношений. Поэтому, точка зрения А. Е. Семеновой представляется нам неправильной.

III.

Подтверждение существования в советском праве института приобретательной давности усматривают, обычно, в судебной практике, разрешающей споры о праве на домостроения в пользу фактических владельцев. Так, Нежданов [2]), приводя пример такого иска к фактическому владельцу, „владеющему на праве собственности“ домостроением, говорит: „мы взяли наиболее характерный случай; такой же спор может возникнуть и, действительно, возникает не только о строениях, но и в отношении любой вещи, с той разницей, что, когда спор идет о принадлежности лошади, плужка, предметов домашнего обихода и пр. „движимости“, дело решается во много раз проще, чем когда спор поднимается о судьбе строений (дома), самого квалифицированного объекта гражданского оборота. Не считаясь с нормировкой того или иного юридического института, жизнь требует разрешения поставленных ею вопросов, конфликт юридического собственника с фактическим владельцем должен быть исчерпан окончательным решением суда“.

Это указание безусловно правильно, ибо, по разъяснению ГКК Верхсуда РСФСР, „войдя в рассмотрение дела по существу, суд на точном основании 108 ст. ГПК должен вынести судебное решение по

---

[1]) Правило ст. 101 З. К. является все же исключением из общего правила ст. 14 З. К. о предоставлении участков земли в трудовое землепользование.

[2]) Цитир. статья, стр. 29.

существу дела“ (опр. от 7 октября 1924 г. по д. Эйхен и Жуковой с Ленинградским Губоткомхозом и др., № 32728).

Но все же вынесение судом решения по конфликту собственника с фактическим владельцем, при чем решение это вынесено в пользу фактического владельца, отнюдь не устанавливает в советском праве института приобретательной давности.

Понятие „фактического владения немуниципализированным строением“ было разъяснено НКЮ по Общеконсультационному подотделу (разъяснение от 3 декабря 1924 г.) таким образом: 1) Гр. Кодекс (ст. 44—51) предусматривает только исковую давность, а не приобретательную давность. Приобретательная давность для частных лиц юридически невозможна, так как, согласно ст. 68 ГК, имущество, собственник которого неизвестен (бесхозяйное имущество), переходит в собственность государства. 2) Факт владения не порождает права собственности владельца, сколько бы времени это владение ни продолжалось. Владелец не может требовать ни по суду, ни в административном порядке превращения владения в право собственности. 3) Однако, фактическое владение немуниципализированным строением является состоянием, влекущим ряд юридических последствий весьма серьезных по своему характеру. Напр., если владение продолжалось свыше 3 лет, то погашается право собственности прежнего собственника; в этом случае право собственности на строение, согласно ст. 68 ГК, переходит к государству. Государство же может (но не обязано) демуниципализировать строение в пользу фактического владельца. Государство также может продать такое строение. Следовательно, только в порядке демуниципализации или покупки фактический владелец может стать собственником строения.

В циркуляре же НКЮ и НКВД РСФСР от 10 октября 1924 г. за № 463 перечисляются способы возникновения и констатирования фактического владения, но нигде не устанавливается переход фактического владения в формальное право собственности.

Приведенное выше разъяснение совершенно правильно в том смысле, что признание государством права собственности за фактическим владельцем есть дело свободного усмотрения государства и отнюдь не связано с вопросом о приобретательной давности, каковой у нас нет. Такое признание является, наоборот, исключением из общего правила, в силу коего фактическое владение никогда не может превратиться в право собственности. Если же судебная практика в отдельных случаях признает за фактическими владельцами право собственности, то исключительно в силу классового принципа, при чем предварительно анализируются судом фактические обстоятельства.

Если бы советское право признавало приобретательную давность, то истечение трехлетнего давностного срока влекло бы за собой лишение прежнего собственника права на иск, и одновременно создавало бы для нового приобретателя, кто бы он ни был, право собственности. Между тем, как видно из судебной практики, не за всяким фактическим владельцем признается право собственности; между фактическими владельцами происходит конкуренция, и суд выясняет, чье хозяйственное и *трудовое* отношение к спорному домостроению дает преимущественно право на признание права собственности.

Основным положением при разрешении вопроса о признании права собственности за фактическим владельцем является установление *хозяйственно-трудовой связи* фактического владельца со спорным домостроением, поэтому, ГКК Верхсуда РСФСР в определении от 26 марта 1925 г. указывает, что, „согласно установленной Верх-

судом практике, признавая сделку незаконной и недействительной, суд должен был обсудить последствия недействительности сделки по 147 ст. ГК, и, если фактическое пользование Афанасьевой домом являлось трудовым, то признать за ней право на половину дома в качестве собственницы с Екатериной Горбачевой или, в противном случае, обратить эту половину дома в доход Государства" (опр. по делу Горбачевой с Афанасьевой).

Таким образом, не всякое фактическое владение может перейти в право собственности, а только фактическое владение, основанное на *трудовом* начале, на *трудовом* отношении к домостроению. Отсюда ясно, что фактические отношения сами по себе не превращаются в отношения юридические; следовательно, нет места приобретательной давности.

Обращаясь к рассмотрению судебной практики по интересующему нас вопросу, мы можем установить следующие положения [1]): циркуляром НКЮ УССР № 54/1922 г. установлено, что „права трудовых владельцев заслуживают предпочтение перед правами документальных собственников. При конкуренции прав собственника и зависимого владельца (арендатора, управляющего, хранителя) предпочтение должно быть отдаваемо тому из них, в чьих руках имущество будет рациональнее использовано". Но вслед за этим НКЮ в циркуляре № 95/22 г. разъясняет, что „циркуляр НКЮ № 54/22 г. вовсе не имеет в виду дать судебную защиту недобросовестным захватчикам чужого домостроения".

Таким образом, не всякое фактическое владение может быть признано правом собственности: во-первых, фактическое владение должно быть *добросовестным*; во-вторых, фактическое владение должно быть *трудовым*; в-третьих, предпочтение должно отдаваться фактическому владельцу, поскольку осуществление им права собственности будет рациональнее, поскольку признание за ним права собственности будет целесообразнее. Отсюда чрезвычайно далеко до установления приобретательной давности, каковой институт устанавливает право собственности за *всяким фактическим* владельцем, вне зависимости от его добросовестности или недобросовестности, вне зависимости от того, насколько целесообразно предоставление ему права собственности, и только в зависимости от истечения заранее определенного срока, в течение которого имущество не было истребовано собственником.

Эта мысль о хозяйственной целесообразности нашла себе выражение в ряде определений ГКК Верхсуда УССР, разъяснившей, что „раз дом признан Комхозом подлежащим денационализации, то при рассмотрении в судебном порядке прав претендентов на дом, суд должен руководствоваться, главным образом, хозяйственно-трудовой связью претендента с домом и хозяйственной целесообразностью" (сборник опр. № 111/1923 г. № 261; с. IV/23 г. №№ 319, 328 и мн. др.).

Далее, соображения, высказанные в вышеприведенном разъяснении НКЮ РСФСР, нашли себе выражение в ряде разъяснений ГКК Верхсуда УССР, устанавливающей, что „совершение сделки продажи домостроения в нарушение закона от 4 марта 1919 г. „о воспрещении сделок с недвижимостью" и 18 октября 1921 г. „о разрешении сделок с домовой недвижимостью" влечет за собой в качестве одного

---

[1]) Мы остановились на практике Верхсуда УССР потому, что основные положения практики Верхсуда РСФСР по означенному вопросу приведены в нашей статье „Вопросы гражданского материального права в практике Верхсуда РСФСР за 1924 г." („Право и Жизнь" 1925 г. № 9-10, стр. 26 и сл.).

из последствий отобрание дома в общегосударственный фонд национализированных домостроений с тем, что в дальнейшем дом этот может быть передан частному лицу в порядке денационализации по соображению с хозяйственно-трудовой его связью, согласно циркуляру НКЮ №№ 54 и 95 от 22 г." (сб. 1/23 г. №№ 31, 43; сб. II/23 г. №№ 87, 130, 132, 165; сб. III/24 г. № 187 и мн. др.).

„Согласно циркуляра НКЮ № 54 от 29 марта 1922 г., вопрос о хозяйственно-трудовом отношении к имуществу имеет значение лишь в случае наличия нескольких претендентов на данное домостроение (сб. III/24 г. № 220); поэтому, Верхсуд признал правильным необсуждение Губсудом вопроса о трудовом отношении ответчика к домостроению, когда Откомхоз предъявил иск об аннулировании денационализации из-за формальных неправильностей, так как здесь не было конкуренции претендентов на домостроение.

„Смысл трудовой хозяйственной связи", по словам ГКК Верхсуда, „заключается в заботе о поддержании дома в исправности и совершении необходимого ремонта, т. е. в рачительном отношении к домостроению, а не непременно в приложении физического труда лица, владеющего домом" (сб. III/23 г. № 221); „хозяйственно-трудовая связь предполагает участие личным трудом и личными заботами в деле поддержания домостроения, почему осуществление этой связи матерью малолетних детей дает право на домостроение ей, но не малолетним" (сб. III/23 г. № 299, сб. II/24 г. № 99).

Конкретно вопрос о хозяйственно-трудовой связи в отдельных случаях разъяснялся ГКК Верхсуда УССР в следующем виде:

1) „Право на спорное домостроение по хозяйственно-трудовой с ним связи не может быть признано за лицом, которое одно время охраняло дом по поручению его бывших собственников, а затем с приходом бандитских шаек захватило дом, воспользовавшись тем, что новые собственники, как евреи, должны были бежать из местечка" (сб. I/23 г. № 18). 2) „Право на спорное домостроение и хозяйство, в которое жена вложила значительный труд и средства, и которое является составной частью хозяйства мужа и ее достигших рабочего возраста сыновей, не может быть признано за мужем, давно оставившим это хозяйство по соглашению с женой и порвавшим с ним всякую хозяйственно-трудовую связь" (сб. № 1/23 г. № 19). 3) „Из трех претендентов на домостроение, из коих один в виду старческого возраста физически не может следить за домом и поддерживать его в исправном состоянии, другая имеет свое собственное имущество оставшееся после смерти ее мужа, и основывает свои права исключительно на наследственных правах, а третий поддерживал трудовую связь с домостроением и в продолжении многих лет следил за его ремонтом и исправностью,—право на строение имеет третий претендент" (сб. 1/23 г. № 33). 4) „Жена, имевшая право на получение дома в пользование в силу смерти ее мужа, но оставившая дом и в течение продолжительного времени не проявлявшая хозяйственно-трудового отношения к нему, должна быть признана потерявшей свои права на дом, так как имущественные права предоставляются гражданам только в целях развития производительных сил страны" (сб. I/23 г. № 38). 5) „Муж, уступивший жене за вознаграждение, хотя и по неформальному акту, дом и усадьбу и в виду сего потерявший с ним трудовую связь в то время, как жена вложила в перешедшее к ней хозяйство значительный труд и средства, потерял свои права на дом и усадьбу" (сб. I/23 г. № 19), и т. под.

Из сопоставления этих определений мы видим, что при разрешении вопроса о праве собственности фактического владельца играет роль не одно только фактическое владение, ибо одно само по себе никаких прав давать не может; здесь играет роль не только хозяйственно-трудовая связь сама по себе, но и хозяйственная целесообразность дальнейшего оставления домостроения в руках фактического владельца; при наличии такой хозяйственной целесообразности права фактического владельца, установившего свое хозяйственно-трудовое отношение к домостроению, превалируют даже (в определенных случаях) над правами собственников.

Таким образом, ясно, представляется нам, что трудовое фактическое владение, основанное на хозяйственно-трудовой связи, не может быть отождествлено с правом собственности, приобретенным на основании приобретательной давности. Последняя признает собственником всякого фактического владельца; установленный же советской судебной практикой принцип имеет в виду права фактического владельца, основанные на хозяйственно-трудовой связи с домостроением, если это признание права собственности соответствует хозяйственной целесообразности. Приобретательная давность предоставляет право собственности только на основании истечения определенного давностного срока; трудовой принцип находится в зависимости не от истечения давностного срока, а исключительно от трудовых отношений к домостроению. Приобретательная давность предоставляет право собственности фактическому владельцу по истечении исковой давности на предъявление иска бывшим собственником; трудовой же принцип применим вне зависимости от истечения давностного срока, исключительно в интересах хозяйственной целесообразности.

Поэтому, нужно признать, что институт приобретательной давности у нас недопустим, ибо он противоречит основным принципам советского хозяйственного права.

Л. И. Фишман.

„Исковая давность по действующему советскому железнодорожному праву“.

Наряду с общими законоположениями об исковой давности, содержащимися в ст. ст. 44—51 Гражданского Кодекса, нашему праву известны также и специальные виды давности, о чем упоминает и ст. 44 ГК. В числе этих специальных видов давности представляет особенно большой теоретический и практический интерес исковая давность нашего железнодорожного права (Устав жел. дор. СССР 1922 г. ст. 101—104)

Железнодорожная давность резко отличается от общегражданской не только своим более коротким сроком, но также и рядом других весьма существенных особенностей. Обрисовке исковой давности по требованиям и искам к железным дорогам и железных дорог, вытекающим из постановлений Устава ж. д., посвящается эта статья, имеющая целью рассмотреть этот институт железнодорожного права, как с теоретической, так и с практической стороны.

* * *

Железнодорожная исковая давность воспринимает целый ряд черт из общегражданской, однако, ей присвоен также ряд особенностей, придающих ей своеобразные очертания.

Одной из наиболее существенных особенностей железнодорожной давности является ее более краткий срок. — Требования и иски к железным дорогам, а также требования железных дорог о вознаграждении за понесенные ими от действий грузохозяев и пассажиров убытки, а также и об уплате недоборов погашаются годовой давностью [1]).

Подобная же сокращенная давность существует и в железнодорожном праве других государств. При этом в иностранных законодательствах разница между кратким давностным сроком железнодорожного права и общегражданским еще разительнее, чем в Советском праве [2]).

Сказанное заставляет обратиться к выяснению оснований сокращения давностного срока для железнодорожных требований и исков.

В виду огромного количества производимых железными дорогами перевозок и других типовых операций и связанного с этим обилия транспортных документов, точное выяснение и поверка обстоятельств, относящихся к какому-либо отдельному случаю, представляются крайне затруднительными, а нередко и совершенно невозможными.

Существование более продолжительного срока для заявления претензий и предъявления исков, помимо прочих неудобств и вредных последствий, налагало бы на железные дороги крайне тягостную для них обязанность сохранять в течение ряда лет все документы и сведения, касающиеся всех произведенных ими операций, и тем увеличило бы их организационные расходы [3]).

Напротив, внимание грузохозяина сосредоточивается исключительно на своем грузе и на обстоятельствах, связанных с его отправкой и получением. В связи с этим, замедление им предъявления требования к железной дороге является определенным показателем незначительности или несущественности для него ущерба, понесенного в результате данного перевозочного отношения.

Установленный одногодичный давностный срок для заявления претензии и предъявления иска вполне достаточен для обнаружения ущерба и точного выяснения его размеров, а также для собирания доказательств, для производства устных и письменных сношений между сторонами перевозочного отношения и прочих подобных действий, обычно предшествующих заявлению претензии и предъявлению иска.

По всем изложенным соображениям, следует признать сокращенный срок железнодорожной давности вполне достаточным и

---

[1]) Устав ж. д. ст. 101: „Требования и иски к железным дорогам, вытекающие из постановлений настоящего Устава и не погашенные в силу статей 94 и 100, погашаются годичной давностью, если вознаграждение не было уже прежде определено признанием его жел. дорогою, полюбовною сделкою или судебным решением.

Такою же давностью погашаются требования железных дорог о вознаграждении за понесенные ими от действия пассажиров или грузохозяев убытки, а равно об уплате недоборов".

[2]) Так, например, в русском дорев. праве действовала 10 летняя давность (X т., I ч. ст. 692 и 694), также в Швейцарском праве (Зак. об обязат. 1911 г. ст. 60, 67 и др.), а по Герм. Гр. Улож. (§ 195) общий срок давности 30 лет. Следует, впрочем, отметить, что и Германское, и Швейцарское право знают много других сокращенных сроков, например, по обязательствам из внедоговорного причинения вреда (Герм. Гр. Улож. § 852, Швейц. Зак. об Обязат. ст. 60). См. проф. Б. Б. Черепахин „Исковая давность по обязательствам из причинения вреда по ГК." „Право и Жизнь", кн. 4—5 и 6—7 за 1926 г.

[3]) См. п. 67 Журнала Соед. Департ. Гос. Совета, стр. 62—64, цитир. у Змирлова „Общий Устав Российских жел. дорог". 1909, стр. 925.

отнюдь не нарушающим разумные интересы грузохозяина [1]). Пропуск грузохозяевами железнодорожной исковой давности объясняется в громадном большинстве случаев незнанием правил применения этой давности, а отнюдь не самой краткостью срока.

Наконец, следует отметить, что сокращение срока на заявку того или иного требования является постоянным спутником увеличения, усиления ответственности. Подобное повышение ответственности железнодорожных предприятий является весьма значительным, а потому и установление краткого срока для заявки соответствующих требований следует признать справедливым и целесообразным [2]).

* * *

С какого же момента начинает течь железнодорожная исковая давность.—На этот вопрос общего ответа в Уставе ж. д. не дается, но ст. 102-я устанавливает для каждого вида требований специальные способы исчисления годичного давностного срока:

1) „для исков о вознаграждении за повреждение или частичную утрату багажа или груза—со дня выдачи багажа или груза,

2) для исков о вознаграждении за полную утрату багажа или груза—со дня истечения сроков, установленных ст. ст. 30, 89, 97 и 99 сего Устава,

3) для исков о вознаграждении за просрочку в доставке со дня выдачи груза, если при этом требование о таковом вознаграждении было заявлено в срок, указанный в ст. 94,

4) для исков о возврате переборов и об уплате недоборов—со дня окончательной уплаты провозных денег и дополнительных сборов,

5) для исков об уплате наложенных платежей—со дня наступления срока таковой уплаты (ст. 58),

6) для исков о выдаче наложенных платежей по заявленным утраченными свидетельствам—со дня наступления для железной дороги обязанности выдачи наложенного платежа заявителю об утрате свидетельства,

7) для всех прочих исков, в том числе и исков, вытекающих из складочных, комиссионных операций, а также транспортных операций городских станций (ст. 12, 41)—со дня воспоследования события, служащего поводом к иску".

Таким образом, в некоторых из перечисленных случаев исковая давность начинает течь *со времени возникновения права на иск*, точнее —со времени возникновения правопритязания.

Для случаев, предусмотренных пунктами 5, 6 и 7, это точно выражено в законе. То же самое имеет место и в отношении переборов и недоборов, о которых сказано в п. 4-ом.

До окончательной уплаты фрахта и дополнительных сборов отношения между дорогой и грузохозяином еще не ликвидированы, и окончательный расчет между сторонами еще не произведен, поэтому допущенные неправильности в применении тарифа или ошибки в расчетах при определении провозной платы или добавочных платежей могут еще быть исправлены при окончательном расчете.

Это само по себе очевидно по отношению *недоборов*, так как до получения — выкупа груза нет еще недобора в окончательном виде,

---

[1]) Л и б б а „Ответственность железных дорог за целость груза и срочность доставки" (1924 г). стр. 154.

[2]) Ср. ст. 404 ГК и примеч. к ней, в которой законодатель, усиливая ответственность лиц и предприятий, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, вместе с тем устанавливает одногодичный срок исковой давности по требованиям к органам государства, основанным на настоящей статье.

а есть лишь в техническом смысле „платежи, переведенные на получателя“ [1]). Только тогда, когда железная дорога выпустила из своих рук груз, обеспечивавший ей уплату грузохозяином всего, что с него причитается, она уже вынуждена выступить в качестве истца для удовлетворения своих законных требований.

Однако, и в отношении *переборов* имеется вполне тождественное положение. Даже в том случае, когда перебор возник не при окончательном расчете, но был допущен еще станцией отправления, взыскавшей полностью или в части провозную плату и добавочные платежи в большем, чем следовало, размере, и в этом случае — расчеты еще могут быть урегулированы в момент завершения перевозочного отношения. К тому же, до этого момента грузохозяину могут еще быть оказаны дорогой дополнительные услуги, или, вообще, причитающиеся с него платежи могут возрасти [2]). Поэтому до выкупа груза и производства окончательных расчетов перебора в тесном смысле слова еще нет, и грузохозяин не имеет еще никакого основания обращаться к судебной защите, у него нет еще права на иск.

В отношении всех этих случаев (пункты 4—7) наше железнодорожное право остается на почве положения, установленного для общегражданской давности ст. 45 ГК.—„Течение исковой давности начинается с того времени, когда возникло право на предъявление иска“...

Иначе обстоит дело в случаях, перечисленных в п. п. 1—3, где устанавливается другой способ исчисления срока исковой давности. Начало его приурочивается к тому моменту, когда грузохозяин или владелец багажа *мог и должен был узнать о причиненном ему ущербе.*

Таким моментом для исков о вознаграждении за повреждение или частичную утрату багажа или груза (п. 1) или за просрочку в доставке (п. 3 [3]) почитается *день выдачи багажа или груза.*

В случаях полной утраты багажа или груза исковая давность начинает течь не с момента утраты (гибели, похищения и т. п.), хотя бы таковой и мог быть установлен, но со дня истечения срока, после которого устанавливается презумпция утраты багажа или груза. В течение этого срока (7 дней для багажа [4]) и 30 дней для груза [5]) грузохозяин или багажевладелец должны еще ожидать прибытия груза или багажа.

---

[1]) Устав ж. д. ст. 57: „отправитель может уплатить провозную плату и дополнительные сборы или часть их при самой сдаче груза для перевозки. Провозная плата и дополнительные сборы, неуплаченные при отправлении, считаются переведенными на получателя“...—Следует добавить, что многие платежи при приеме груза для перевозки не могут быть предусмотрены, например, — сбор за хранение груза в месте назначения, за простой вагонов и т. п.

[2]) Напр., при простое вагонов в ожидании выгрузки, при превышении сроков бесплатного хранения и т. п.

[3]) Условием для получения права на иск и сохранения его в течение годового срока является в данном случае своевременное заявление претензии в рекламационном порядке, а именно—право на вознаграждение за просрочку в доставке погашается, если требование в рекламационном порядке о таковом вознаграждении заявлено по истечении 30 дней со дня выдачи груза (Устав ж. д. ст. 102 п. 3, 94 и 97).

[4]) Согласно ст. 30 абз. 4 Устава ж. д. и § 10 Правил перевозки багажа, отпечатанных под ст. 26 Устава: если по востребовании багаж не будет выдан в течение 7 суток, считая этот срок с момента прибытия поезда, в котором багаж подлежал отправлению, или поезда, согласованного с ним по расписаниям, и если при том станция назначения не имеет сведений о задержании багажа по распоряжению правительственных органов, то пассажир имеет право считать его утраченным и получить за него вознаграждение.

[5]) Согласно ст. 89 Устава ж. д.: „Если груз не был выдан в продолжение 30 дней следующих по истечении определенного срока доставки (ст. 43), то лицо, имеющее право распоряжения грузом, может считать груз утраченным, без предъявления другого доказательства“.

Таким образом, и для этих требований начало течения исковой давности приурочивается к моменту, когда грузохозяин или багажевладелец уже должны были знать об утрате груза или багажа. Этим моментом почитается в данном случае день, когда груз или багаж должны были при всех обстоятельствах прибыть к месту назначения.

Следует отметить при этом не вполне удачную ссылку в конце 2 пункта 102 ст. Устава на статьи 30, 89, 97 и 99 того же Устава. Из этих четырех статей для вопроса о порядке исчисления срока давности в случае полной утраты багажа или груза имеют значение только 30-я и 89-я. Первая из этих статей, как указано выше, вместе с приложенными к 26 ст. Устава (4 изд.) Правилами перевозки багажа (§ 10), относится к утрате багажа, вторая, вместе со ст. 43 Устава—к утрате груза. Статьи же 97 и 99 Устава никакого отношения к вопросу о начале исковой давности по этим требованиям не имеют. Наоборот, ст. 43, к которой с своей стороны отсылает 89 ст., могла бы быть здесь упомянута. Было бы желательно, чтобы эта излишняя ссылка была устранена в новом Уставе.

Изложенное показывает, что п. п. 1—3 ст. 102 приурочивают начало течения исковой давности к моменту, *когда груз прибыл* (П. 1 и 3) *или должен был бы прибыть* (П. 2), то-есть к моменту, когда грузохозяин или багажевладелец *мог и должен был узнать о причиненном ему ущербе* [1]).

* * *

Течение железнодорожной исковой давности может быть приостановлено и прервано, при чем для этой давности установлены специальные случаи приостановки и перерыва давностного срока.

Ст. 104 Устава ж. д. гласит: „Течение определенного 101 статьею срока приостанавливается подачею заявления в порядке ст. 97 сего Устава на все время, пока претензия не разрешена. Если претензия отклонена, то течение указанного срока продолжается со дня сообщения заявителю письменного ответа железной дороги“ [2]).

Положение этого вопроса в действующем Уставе ж. д. существенно отличается от дореволюционного Общего Устава Росс. ж. д., ст. 137-я коего придавала заявлению претензии в рекламационном порядке не приостанавливающее, а прерывающие значение [3]), хотя и формулировала это положение в крайне противоречивых выражениях. Эта противоречивость имела своим последствием вначале колебание судеб-

---

[1]) § 439 Герм. Торг. Улож. и п. 2 § 98 Герм. Устава жел. дор. сообщений дают по этому вопросу след. положение: „Исковая давность начинается при повреждении или недостаче с окончанием дня выдачи груза, при утрате и просрочке доставки со дня истечения срока доставки“, т. е. приблизительно то же самое, что установлено ст. 102 п. 1—3 Устава ж. д., но в обобщающей формулировке.

[2]) Ср. Герм. Жел. Устав § 98, абз. 3 и 4: „Исковая давность приостанавливается предъявлением письменной претензии железной дороге. В случае, если воспоследует постановление об отказе в удовлетворении претензии, то давностный срок продолжает течь с того дня, когда железная дорога письменно известит о своем решении претендателя и возвратит ему приложенные к претензии документы. Дальнейшие прошения, направляемые к железной дороге или к вышестоящим должностным лицам, не приостанавливают исковую давность.—В отношении перерыва исковой давности действуют общие законоположения“. Так же: Бернская Конвенция, ст. 45 п. 4.—Как будет показано ниже, в отношении перерыва у нас действуют другие положения.

[3]) „... Течение означенной исковой давности п р е р ы в а е т с я (курсив наш) как предъявлением иска в подлежащем суде, так равно и подачею в Правление или Управление одной из ответственных дорог письменного требования о вознаграждении, указанным в ст. 122 порядком. В сем последнем случае время, протекшее от заявления требования до объявления заявителю ответа на оное железной дороги и возвращения ему представленных им документов, не засчитывается в срок исковой давности“.

ной практики. Однако, начиная с 90-х годов прошлого столетия, Гражданский Касс. Деп. Сената решительно и бесповоротно признал, что в ст. 137-й речь идет именно о перерыве исковой давности.

Таким образом, наше действующее железнодорожное право в этом вопросе пошло по пути западно-европейских законодательств, в частности германского права и Бернской конвенции 1890 г., разойдясь с русским дореволюционным. В практике это неоднократно приводило к пропуску давностного срока претендателями, ориентировавшимися на Общ. Устав Росс. ж. д., положения коего в большинстве случаев восприняты нашим Уставом ж. д. 1922 г.

Действующий порядок лучше предохраняет дороги от чрезмерного затягивания дел потерпевшими грузохозяевами, которые при системе перерыва имеют возможность удвоить срок давности, заявив претензию накануне его истечения. Несомненно, именно эта тенденция к возможно большему ограничению во времени ответственности жел. дорог заставила снабдить предъявление претензии приостанавливающим действием, а не прерывающим, как это было в доревол. Уставе.

Относительно приостановки давности Устав ж. д. [1]) содержит еще отрицательное указание, что „течение годового срока, определенного в ст. 101 на предъявление исков к жел. дорогам, не приостанавливается для малолетних и вообще лиц недееспособных“.— Нельзя не согласиться с *А. Степановым* [2]), что ст. 103 Устава ж. д. является пережитком дореволюционного права, которое знало для общей давности указанный случай приостановки. Нашей общегражданской давности он совершенно неизвестен, а потому ст. 103 Устава следует признать излишней и подлежащей исключению при ближайшем его пересмотре.

Вопрос о перерыве давности в нашем Уставе ж. д. специально и в общей форме не разрешен, если не считать 101 ст., где сказано, что требования и иски, вытекающие из постановлений Устава ж. д., погашаются годовою давностью, „если вознаграждение не было уже прежде определено признанием его жел. дорогою, полюбовною сделкою или судебным решением“.

Приведенное постановление содержит два положения: а) в перечисленных случаях течение давности начинается снова, истекший же срок отпадает вовсе; б) после означенных обстоятельств начинает течь уже не годовая, а трехгодичная давность.

Мы имеем здесь внесудебную, а в соотв. случае—судебную новацию, при чем требование, обновляясь, теряет свой специфический железнодорожный характер, о котором будет сказано ниже.

Тот факт, что этими обстоятельствами нарушается течение исковой давности, после чего эта последняя начинает свое течение сызнова, позволяет усматривать здесь *перерыв* давности предшествующей, связанный с ее полной ликвидацией. Особенность этого перерыва заключается в том, что он не только начинает *новое* течение давностного срока, но и самая *продолжительность* его после перерыва уже иная, так как здесь мы имеем уже не желездорожную, а общегражданскую давность, регулируемую ст. ст. 44—51 Г. К., со всеми ее особенностями.

---

[1]) Устав ж. д. ст. 103.
[2]) „Е. С. Ю.“ № 16 за 1925 г., стр. 427.

В связи с рассмотренными положениями возникает интересный вопрос: может ли приостановка, перерыв и продление одногодичной железнодорожной исковой давности иметь место при наличности обстоятельств, предусмотренных ст. ст. 48, 49 и 50—51 Г. К., и возможно ли вообще распространение постановлений Г. К. на железнодорожные правоотношения.

А. Степанов в цитированной выше статье полагает, что, поскольку законом исключительным отменяется закон общий только в тех его частях, в коих затронуты вопросы, тождественные с вопросами специального закона и разрешенные определенно иначе, чем в специальном, постольку к специальной железнодорожной давности исключено применение только ст. 44-ой, в коей указан срок давности, расходящийся с железнодорожным. А так как ст. ст. 103 и 104 не говорят, что течение давности приостанавливается „только" подачею заявления, и вовсе ничего не говорят о перерыве, то следует, что и текст и смысл ст. ст. 103 и 104 Устава ж. д. не противоречит применению к железнодорожным правоотношениям статей 45—51 Г. К.

В противоположном смысле разрешается этот вопрос *С. Шварцманом* [1]) и Г. К. К. Верхсуда Р. С. Ф. С. Р. в определении от 4/XI—24 г. по делу № 31470 [2]). В этом определении сказано, что годичный давностный срок, указанный в ст. ст. 101 и 102 Уст. ж. д., продлению в порядке ст. 49 Г. К. не подлежит, так как указанная давность есть давность специальная.

С. Шварцман признает правильной точку зрения Верхсуда и выставляет следующие возражения А. Степанову: специальные законы также имеют свою систему и проникающие ее основные тенденции, из коих может и должно, на основании 4 ст. Г. П. К. черпаться восполнение их пробелов. Это общее положение полностью применимо и к Уставу ж. д. и вообще к нашему железнодорожному праву. В качестве таких общих и основных принципов последнего *С. Шварцман* выставляет следующие: 1) строгий формализм, 2) точную типированность железнодорожных правоотношений и 3) принцип коммерческой совместимости требуемых от жел. дорог мероприятий к сохранению грузов, как мерило и предел их ответственности. Этот последний принцип, в особенности, требует строгого ограничения определенным кратким сроком повышенной ответственности железных дорог. В результате этих соображений, С. Шварцман приходит к утверждению невозможности распространения ст. ст. 45—51 Г. К. на железнодорожную давность.

Вопрос о распространении норм Г. К. на железнодорожную давность и вообще на железнодорожные правоотношения не может быть разрешен в смысле *абсолютной невозможности* применения общегражданских законов к правоотношениям железнодорожного права. Действительно, можно утверждать, что железнодорожное право представляет собой не механическое сочетание разрозненных исключений, изъятых из положений Г. К., но цельную и законченную систему норм. Поэтому в случае неполноты, неясности или недостатка норм Устава, для восполнения пробела должно быть в первую очередь привлекаемо само железнодорожное право. Вместе с тем, однако, нельзя упускать из виду и того, что железнодорожное право не является абсолютно изолированным от всей прочей системы Совет-

---

[1]) „Е. С. Ю." № 28 за 1925 г., стр. 958—960.

[2]) Сборник Определений Г. К. К. Верхсуда Р. С. Ф. С. Р. 1924 г. № 40, стр. 51 и сл.

ского права. Поэтому в тех случаях, когда железнодорожное право совершенно не разрешает того или иного вопроса, остается обратиться к общегражданским законоположениям, тщательно взвешивая при этом всякий раз, поскольку они совместимы с началами нашего железнодорожного права. Именно это соображение заставляет относиться с особенной осторожностью к тем положениям Г. К., в результате применения которых может получиться непомерное удлинение давностного срока, и связанное с этим раздвигание временных пределов ответственности железных дорог.

Устав ж. д. указывает случаи перерыва [1]) и приостановки [2]) исковой давности, а также случай, когда давность не приостанавливается [3]). Этим прямо и исчерпывающим образом разрешается вопрос об основаниях приостановки и перерыва железнодорожной давности и устраняется применение соответствующих норм Г. К. В этом устранении обычных оснований приостановки и перерыва [4]) совершенно очевидно сказалось стремление законодателя к наибольшему парализованию возможности предъявления запоздалых претензий к железным дорогам.

Следует, вместе с тем, признать, что предъявление иска до заявления претензии и по другому основанию не может прерывать железнодорожной исковой давности, именно, потому, что оно должно быть приравнено к предъявлению иска в ненадлежащем суде. С другой стороны и самое право на предъявление иска, на перенос дела в суд, возникает у претендателя лишь после использования рекламационного порядка, обязательного по нашему действующему праву [5]).

Специально в отношении 49 ст. ГК следует отметить, что Верхсуд РСФСР по отношению к сокращенным срокам давности вообще не допускает продления их в порядке 49 ст. ГК.

Таким образом, по изложенным выше соображениям, следует признать, что ст. 44, 48—51 ГК совершенно неприменимы к железнодорожной давности. Как мы видели выше, ст. 45 ГК лишь частично совпадает с положениями ст. 102 Устава ж. д., последняя же полностью разрешает вопрос о начале течения давностного срока. Остается рассмотреть вопрос о применимости статей 46 и 47 ГК.

Погашение давностью придаточных требований вместе с погашением главного, являющееся следствием самого существа придаточности данного требования, его несамостоятельности, одинаково приложимо и к требованиям железнодорожным. Так, например, с погашением требования о вознаграждении за утрату, повреждение или просрочку должно погашаться равным образом и требование процентов и т. д.

В такой же степени из самого понятия исковой давности вытекает сохранение права и после истечения срока на его принудительное осуществление. Поэтому выплата дорогой по ошибке вознагра-

---

[1]) Ст. 101.
[2]) Ст. 104.
[3]) Ст. 103.
[4]) Опред. Г. К. К. Верхсуда Р. С. Ф. С. Р. по делу № 3924—1925 г. признает возможность распространения ст. 50 Г. К. на железнодорожную давность: Сб. Опред. за 1925 г., вып. I № 92, стр. 177—179.
[5]) Ст. 97 Устава ж. д.: „Иск в суде может быть начат потерпевшим по тому же предмету и к той же дороге, им избранной, не прежде отклонения железною дорогою заявленного им требования, вполне или в известной части или же по истечении со времени подачи заявления или сдачи его под расписку на почте—3 месяцев, если претензия его возникла из перевозки местного сообщения, и четырех месяцев, если возникла из перевозки прямого сообщения"..

ждения претендателю уже после истечения срока давности не создает для нее права на обратное истребование выплаченного.—С истечением давности отпадает возможность принудительного активного осуществления требования, но не самое право, которое продолжает существовать.

Вот в каких пределах возможно использование общегражданских норм об исковой давности применительно к давности железнодорожной.

* * *

С точки зрения выше разобранного обоснования сокращенного срока специальной железнодорожной исковой давности и всех ее особенностей следует разрешить вопрос об объеме действия и пределах применения этой давности, точно уяснить, к каким именно требованиям она должна иметь применение.

Как сказано выше, согласно 101 ст. Устава ж. д., одногодичная давность применяется к требованиям и искам к железным дорогам, вытекающим из постановлений Устава ж. д., а равно и к требованиям жел. дорог о вознаграждении за понесенные ими от действий пассажиров или грузохозяев убытки, а равно об уплате недоборов.

Для раскрытия содержания этого постановления следует прежде всего выяснить, что именно должно понимать под требованиями, „вытекающими из постановлений настоящего Устава".

Учитывая специальный характер изучаемой давности и ее основания, необходимо применять ее лишь к тем правоотношениям, которые вытекают из типовых, специфических операций железных дорог, так как только они совершаются в массовом масштабе и связаны поэтому с большой спешкой [1]). Именно ради этих операций создались особые принципы железнодорожного права.

Перечисление требований, предусмотренных 101 ст. Устава, содержится в 102 ст., говорящей о начальном моменте течения годичного срока железнодорожной давности.

Специальная железнодорожная давность распространяется прежде всего на требования, вытекающие из договора перевозки: о вознаграждении за повреждение или частичную утрату багажа или груза, за полную утрату багажа или груза, за просрочку; также, конечно, на требования о возврате перебора или пополнения недобора.

Сюда же относятся все прочие требования, вытекающие из предусмотренных Уставом операций, связанных с перевозкой и сопутствующих ей:—складочных, комиссионных, операций городских станций и т. п.

Осложняющим обстоятельством является приобщение к Уставу ж. д. всех законов и распоряжений, изданных в его развитие и дополнение. Этот дополнительный материал лишь тогда может быть принят в расчет, когда подобные постановления, действительно, изданы в развитие отдельных постановлений Устава и при том касаются типовых операций железных дорог.

---

[1]) По германскому железнодорожному праву специальная железнодорожная давность применяется только к требованиям грузохозяина из договора перевозки (Frachtvertrag) и при том только о вознаграждении за утрату, повреждение или просрочку в доставке багажа или груза. См. Rundnagel—„Die Haftung der Eisenbahn".. (1924) S. 171. Так же и по французскому праву. См. Roger—Manuel juridique des transports, tome II (1925) p. 465—467, который полагает, что ст. 108 Фр. Торг. Код. неприменима к операциям посторонним договору перевозки, хотя бы они имели место в связи (à l'occasion) с этим договором и вследствие его заключения. Противоположного мнения апел. суд. в Дижоне в решении от I/VI—1896 г.

Помещение того или иного постановления в официальном издании Устава ни в коем случае не может быть признано само по себе решающим для распространения на основанные на том или ином постановлении правоотношения специальной железнодорожной давности. Так, например, не может быть применена эта годичная давность к требованиям жел. дорог о взыскании арендной платы за участки земли в полосе отчуждения (эксплоатации), хотя они и соприкасаются до некоторой степени со складочными операциями железных дорог и обосновываются главным образом на постановлении СНК от 16/I—1922 г. „о применении на транспорте начал хозяйственного расчета [1])“ так же, как и многие другие требования железных дорог. Лишь к тем из них может применяться специальная железнодорожная давность, которые удовлетворяют вышеуказанным требованиям.

Таким образом, действие железнодорожной давности носит у нас двусторонний характер. Ею в равной мере погашаются требования железной дороги к ее клиентам, как и требования этих последних к железной дороге. При этом под действие железнодорожной давности подпадают не только все требования из договора железнодорожной перевозки, но также и требования, вытекающие из вспомогательных при перевозке сделок (поклажи, экспедиции и т. п.) [2]).

* * *

Не распространяется одногодичная железнодорожная давность на требования и иски, погашенные в силу статей 94 и 100 Устава ж. д. [3]), а также на те случаи, когда вознаграждение за причиненный грузохозяину ущерб было уже прежде определено признанием его железною дорогою, полюбовною сделкою или судебным решением.

В первом случае (ст. 94 и 100) происходит полное погашение всякого права. Это имеет место в результате истечения преклюзивного срока—30 дней со дня выдачи груза—для заявления претензии за просрочку и в результате приема груза в отношении всех прочих требований, вытекающих из договора перевозки, за исключением претензий за недостатки или частичную недостачу в багаже или грузе, надлежаще зафиксированные путем составления акта, согласно ст. 72 Устава ж. д., и претензий за переборы и недоборы.

Во втором случае происходит новация, обновление основания права требования—внесудебное (признание, полюбовная сделка) или судебное (судебным решением), которое по своему действию равносильно перерыву исковой давности, о чем уже было сказано выше. Со времени такого обновления права требования к нему должна уже иметь применение общегражданская трехгодичная давность.

Специальная железнодорожная давность не распространяется равным образом, и на вещные притязания, которые могут принадлежать собственникам перевозимых грузов. Так, например, в случае последующего отыскания багажа или груза, считавшегося утерянным, железная дорога не может возразить против виндикационного иска грузохозяина ссылкой на истечение одногодичной железнодорожной давности. Это притязание, основанное на 59 ст. ГК., отнюдь

---

[1]) Устав ж. д. СССР с подстат. к нему правилами и распоряжениями. 4-е изд. стр. 1 и сл.

[2]) Как отмечено выше, иначе обстоит вопрос в германском и других иностранных законодательствах: там железнодорожная давность погашает лишь требования грузохозяина, вытекающие из договора перевозки, и при том не все, а только три выше перечисленные.

[3]) Устав ж. д. ст. 100.

не носит специфического железнодорожного характера, а потому и в отношении исковой давности должно подчиняться общим нормам ст. 44—51 ГК [1]).

* * *

Все изложенное заставляет признать, что исковая давность нашего железнодорожного права является институтом своеобразным, не совпадающим в своих очертаниях с давностью общегражданской, отличающейся от нее не только своим более кратким сроком, но также и способом его исчисления и обстоятельствами, приостанавливающими и прерывающими его течение.

В связи с этим пределы применения специальной железнодорожной давности ограничиваются типовыми специфическими железнодорожными правоотношениями.

Б. Черепахин.

Гражданская ответственность без вины в отношениях внедоговорных по Гражд. Кодексу [2]).

Вопросы ответственности без вины и ст. ст. 403, 405 Гр. Код.

Принципы гр. ответственности.

Доктрина права знает два принципа гражданской ответственности—ответственность при непременной доказанности вины на стороне лица, виновным действием или бездействием коего причинен вред личности или имуществу другого, и ответственность за самый факт причинения ущерба, независимо от умысла, вины, нерадения, небрежности и т. п.

В последнем случае даже случайное действие или бездействие предполагают собою необходимость возместить потерпевшему причиненный ему ущерб.

Ответственность без вины мыслима в отношениях договорных и в отношениях внедоговорных.

Так, 186 ст. Г. К. говорит об ответственности покупателя за случайную гибель вещи после передачи ее ему продавцом по правилу, выраженному в статье 66 того же Кодекса. Здесь идет речь об ответственности без вины и за случай, вытекающей из договора купли-продажи.

Но если А предъявляет к Б иск о возмещении стоимости лечения в связи с ранением, причиненным истцу ответчиком, непреднамеренно, случайно выстрелившим в А—мы будем иметь дело с ответственностью, вытекающей из отношений внедоговорных, т. к. ни А ни Б ни в каких обязательственных отношениях не находились, судьба их столкнула случайно, и до события, послужившего основанием к предъявлению иска и судебному процессу, А и Б могли друг друга не знать вовсе.

---

[1]) Ср. для французского права Roger (цитир. соч. стр. 465), который правильно отмечает, что виндикационный иск основывается вовсе не на договоре перевозки. В том же смысле: Thaller et Percerou—Traité élémentaire de droit commercial, 7-e éd, 2-me fascicule (1925), p. 772 note (3); Lyon-Caen et Renault—Traité de droit commercial (3) tome III (1899) p. 543; Josserand—Les transports (1910) n° 694. Так же относительно германского права Rundnagel, цитир. сочинение, стр. 171 и примеч. 2.

[2]) Давая место статье Б. И. Гомберга, посвященной вопросу о гражданской ответственности без вины, Редакция тем не менее отмечает, что некоторые тезисы автора считает весьма спорными. *Редакция.*

В настоящей статье мы будем говорить о гражданской ответственности, вытекающей из отношений внедоговорных.

Законодатель, не допуская вторжения в сферу частных имущественных прав граждан, считает, в интересах правопорядка и общественной справедливости, необходимым обязывать лицо, причинившее другому вред, хотя бы без всякой вины, этот вред возместить и тем восстановить по возможности потерпевшего в прежнее положение. Такая суровая ответственность носит еще название легальной, или объективной, в отличие от ответственности субъективной или виновной.

Гражданская ответственность в Древне-Римском Праве.

Римские юристы не могли мыслить себе ответственности вне вины на стороне деятеля. Для них ответственность за случай была бы чудовищной. Гражданская ответственность в римском праве регулировалась главой в Дигестах, оглавленной „к закону Аквилия“ (Диг. IX. 2). Римляне мыслили себе возмещение вреда только в том случае, когда этот вред был причинен злоумышленным, неправомерным деянием (damnum injuria datum). Один только факт причинения ущерба ни в коем случае не создавал права на иск о возмещении его. Истцу необходимо было доказать, что вред, ему нанесенный, имел своей причиной умысел (dolus), или вину (culpa), как бы незначительна последняя ни была. Вне умысла, вне вины не могло быть и решения в пользу истца—потерпевшего.

В институциях Гая (III, § 211) мы читаем: „не подлежит наказанию тот, кто без вины и злого умысла, случайно („casu quodam“), причиняет вред“.

В уже упомянутой главе Дигест „к закону Аквилия“ римский юрист Альфенус приводит такой пример (l, 52, § 4, Диг. IX, 2).

„Когда несколько человек играло в мяч, один из них, пытаясь поймать мяч, опрокинул молодого раба, который упал и вывихнул себе ногу. Таким образом возник вопрос, может ли собственник раба предъявить иск по закону Аквилия против того, от чьего удара раб пострадал. Я ответил, что у него на это нет права, раз событие было вызвано скорее случаем, чем виной“.

Сложный темп общественной жизни последующих эпох не мог, конечно, не отразиться на судьбе имущественных прав вообще, в частности на учении о возмещении вреда и убытков в отношениях внедоговорных. Сама жизнь выдвинула принцип гражданской ответственности за самый факт причинения вреда, принцип объективно-легальной ответственности. Принцип ответственности исключительно за виновное действие по примеру закона Аквилия устарел и не мог уже удовлетворять юридическое правосознание. В доктрине права наряду с принципом закона Аквилия (принцип вины—Verschuldungsprincip, ответственность за неправомерное, недозволенное деяние) возник другой принцип, принцип причинения,—Verursachungsprincip, т. е. суды удовлетворяли просьбы истцов,—потерпевших вред от действия или бездействия ответчиков за самый факт причинения ими ущерба, независимо от вины, небрежности и проч., и даже за случайное причинение вреда.

Гражданская ответственность в Западно-Европейских Кодексах.

Однако принцип римского права (damnum injuria datum), закон Аквилия окружены были еще таким ореолом, были еще так обаятельны, что ни один из западно-европейских кодексов не решался порвать с ними бесповоротно. Во всех западно-европейских кодексах воплощен закон Аквилия—*формально* истцу, предъявившему иск об убытках,

необходимо доказать, что убытки явились результатом виновного действия или бездействия ответчика. Таковы: артик. 1382 Кодекса Наполеона, § 50 Швейцарского Союзного Гражданского Уложения, § 1902 Испанского гражданского Уложения, § 1151 Итальянского Гражданского Уложения, § 1295 б. Обще-Австрийского гражданского Уложения, 684 ст. нашего дореволюционного т. X. ч. 1, § 823 Германского Гражданского Уложения.

§ 823 Герм. Гр. Ул. 1900 г., который, как и все примерно—перечисленные выше статьи других западно-европейских кодексов мыслит гражданскую ответственность в отношениях внедоговорных только при доказанности истцом наличия противозаконного, недозволенного деяния („unerlaubte, widerrechtliche Handlung")—имеет свою историю. Когда в 1888 г. был опубликован первый проект Германск. Гражд. Улож., он настолько пропитан был традициями римской юриспруденции, что получил название „маленького Виндшейда". На проект этот направлены были стрелы выдающихся германских юристов. Известный криминалист Франц Лист, подвергнув блестящей критике наиболее интересные положения проекта, в особенности обязательства из деликтов [1]), указывал, что, если Германия желает иметь хороших немецких правоведов, нет никакой надобности класть в основу образования молодых юристов римское право. Напрасными оказались также убеждения известного ученого, профессора Берлинского университета Отто Гирке, который звал законодателей прочь от чар романизма навстречу реальной жизни и национальной истории. Второй проект 1896 г., за немногими исключениями, по существу всецело сохраняет традиции римской юриспруденции. Составители уложения, внося некоторые поправки в учение об ответственности, не считали однако возможным претворить в жизнь принцип причинения, т. е. принцип гражданской ответственности независимо от вины деятеля и именно потому, как они говорили, что принцип причинения *„чрезмерно стеснял бы свободу действий каждого человека"* [2]).

Было бы однако неправильно думать, что в западно-европейских судах иски, основанные на причинении вреда личности или имуществу, непременно предполагают обязанность на стороне истца доказать виновное действие ответчика, под страхом отказа в них. Это не так.

Если основной закон и стоит на принципе римской юриспруденции, то *судебная практика* давно пробила весьма значительную брешь в консервативных традициях закона Аквилия, и, взвешивая конкретные обстоятельства дела, суд сплошь и рядом присуждает истцу ущерб, понесенный им от действия или бездействия ответчика (полностью или в части), независимо от вины на стороне последнего [3]).

Судебная практика таким образом либеральнее действующего закона и, обязывая ответчика к возмещению ущерба, независимо от его субъективной вины, идет в уровень с реальными житейскими и общественными отношениями.

Бремя доказательств. В делах о возмещении вреда и убытков имеет существенное значение вопрос о бремени доказательств. Если говорить об ответственности не деликтной, а легальной, т. е. вытекающей из требования самого закона, который обязы-

---

[1]) Die Grenzgebiete zwischen Privatrecht und Strafrecht, 1889, S. 46.
[2]) Protokolle der Comission für die zweite Lesung des BGB 1898, S. 569.
[3]) Ср. Encyclopaedia on the Laws of England.
Sourdat. „Traité de la responsabilité".
Laurent. „Principes de droit civil", XX t.

вает ответчика возместить нанесенный ущерб безусловно уже потому, что он своим действием или бездействием вторгся в сферу личных или имущественных прав истца, последний должен доказать: 1) размер убытков и 2) причинную связь между понесенным ущербом, т. е. уменьшением личного или имущественного блага. „Verschlimmerung des Zustandes“ (ухудшением положения) и действием ответчика. Главная тяжесть доказательств лежит на ответчике, который, желая освободить себя от ответственности, обязан доказать, что причинение ущерба явилось результатом непреодолимой силы или грубой, совершенно неоправдываемой разумными правилами обихода в общежитии, неосторожностью самого истца. Наоборот—при действии деликтной (виновной) ответственности все бремя доказательств лежит на истце, который не только должен доказать размер причиненного ему вреда и причинную связь между поведением ответчика и понесенным ущербом, но еще виновное действие или бездействие на стороне ответчика—умысел, нерадение, небрежность, непринятие мер предосторожности и т. п.

Фактически доказать на суде *вину* ответчика зачастую представляется чрезвычайно трудным, а иногда невозможным, а если так, то, при последовательном проведении принципа ответственности субъективной или деликтной, истец, не только потерпевший реальный ущерб, но затратившийся на процесс, недешево стоющий и деньгами и временем, проигрывает дело, что вряд ли можно признать правильным, исходя из точки зрения общественной и социальной экономики.

Сторона слабейшая в исках о возмещении вреда.

Не подлежит сомнению, что в делах о возмещении вреда, причиненного в отношениях внедоговорных, истец, каково бы то ни было его имущественное положение *принципиально,* с точки зрения нарушенного права, находящегося под защитой закона, является стороной слабейшей. В самом деле—истец до момента причинения ему убытков или вреда ответчиком, последнего вовсе и не знал, ни в какие договорные отношения с ним не вступал и не желал вступать. Если истец и знал ответчика, то, быть может, именно с худшей стороны, как человека крайне изворотливого, лживого, не совсем опрятного в моральном отношении, не платящего своих долгов, которых у него немало, не исполняющего своих обязательств. *Случай* свел истца с ответчиком, и истец был бы рад, если бы этого случая не было, как бы ни были у истца основательны виды его на выигрыш дела. Истец еще до предъявления иска пострадал, его личности или имуществу *уже нанесен вред,* и иногда (если речь идет о вреде, нанесенном личности)—вред непоправимый, такой, который никакими денежными суммами не может быть компенсирован (наприм.,—лишение глаза, распространение об общественном деятеле ложных слухов). Процесс будет тянуться долго, ответчик совершенно спокоен, он хладнокровно собирает доказательства, которые, по его мнению, должны в конечном итоге повести к полному сложению с него ответственности. Он будет устанавливать, что событие, имевшее своим результатом причинение истцу вреда, явилось следствием простого случая, которого нельзя было ни предвидеть ни предотвратить: „что возложение ответственности за случайное причинение ущерба крайне стеснило бы свободу человека“, а что может быть дороже свободы в общежитии?... что если вред и нанесен виновным действием, последнее, по обстоятельствам дела, представляется извинительным и пр. пр.

Нам могут сделать возражение, которое только с первого взгляда кажется серьезным и убедительным. Могут сказать, что было бы совершенно противно классово-пролетарской точке зрения, на которой не может не стоять наш действующий закон, считать *всякого* истца, независимо от его имущественного положения, слабейшей стороной в гражданском деле, имеющем своим предметом требование судом возмещения понесенного ущерба по отношениям внедоговорным. На такое возражение отвечаем: истец—слабейшая сторона не в смысле имущественном (он, конечно, случайно может оказаться и состоятельнее ответчика, хотя нельзя упускать из виду, что в настоящее переходное время имущественное положение большинства граждан СССР почти одинаково). Мы говорим об истце, как слабейшей стороне, в том смысле что, в связи с понесенным ущербом, его права личные или имущественные *уже нарушены* и *ущемлены* более или менее серьезно, между тем как ответчик, как бы мизерен ни был его хозяйственно-экономический актив, никакого ущерба не потерпел, никакого вреда не понес. При разрешении дела по существу суд обязан, руководствуясь 411 ст. ГК, заняться вопросом о разложении вреда на обе стороны, в зависимости от фактического имущественного положения сторон, и, если суд убедится, что возложение на ответчика обязанности полностью возместить причиненный ущерб, который для истца не является болезненно-ощутительным, повело бы к разорению ответчика,—тогда, конечно, суд примет это во внимание и, признав ответчика обязанным к возмещению ущерба, либо вовсе освободит его от этой обязанности, либо постановит определение о частичном возмещении, так что классовая точка зрения ни в какой мере не пострадает.

Вот почему мы полагаем, что при конструировании ответственности за причинение вреда, законодатель ни на одну минуту не должен упускать из поля своего внимания интересов слабейшей стороны—истца, делая все возможное к принципиальной защите его справедливых притязаний и конструируя, стало быть, обязанность жесткой (объективной, легальной) ответственности за причиненный истцу ущерб, независимо от вины.

403 ст. ГК. Можем ли мы в нашем ГК констатировать такую жесткую ответственность?

Обращаясь к 403 ст., мы видим, что статья эта, повидимому, стоит на принципе причинения. Закон говорит: „*причинивший* вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред".

Таким образом, безразлично, причинен ли был ущерб личности или имуществу действием виновным или невиновным, непроизвольным, нечаянным, случайным,—истец в праве расчитывать на судебную защиту своего нарушенного права, и суд обязан это право восстановить, возвратить истца в прежнее положение по смыслу 410 ст. ГК (восстановление прежнего состояния, а, если это невозможно, возмещение понесенных убытков).

Вы стоите на многолюдной улице города у зеркального окна магазина и рассматриваете выставленные в витрине книги. Беспризорный из озорства (или пешеход случайно) толкает вас, и вы разбиваете окно палкой, находившейся у вас в руках. С вашей стороны нет никакой гражданской вины, вы разбили окно непроизвольно, без всякого намерения, случайно, но вы обязаны возместить стоимость разбитой витрины, поскольку вы причинили (хотя бы в связи с случайным стечением обстоятельств) определенный ущерб.

Возьмем в основе тот же пример, но в другой обстановке.

Встретив на улице приятеля, с которым вы много лет не видались, Вы отходите с ним в сторону, останавливаетесь у зеркальной витрины магазина и так энергично выражаете свою радость по поводу неожиданной встречи, жестикулируете с такой силой, что разбиваете стекло находящейся в ваших руках палкой.

Несомненно, вы виновны в причинении имущественного ущерба, так как, размахивая рукой, в которой вы держали палку, вы не приняли достаточных мер предосторожности, следствием чего и явился вред. Вы отвечаете по 403 ст., как лицо, причинившее другому этот вред.

Возможно причинение ущерба и в связи с бездействием, которое бывает преднамеренным с деликтным характером (виновным) и случайным.

Таким образом первая часть 403 ст. ГК, стоя на принципе причинения, предусматривает обязанность возместить личный или имущественный ущерб, независимо от того, нанесен ли ущерб виновным, или невиновным, случайным действием или бездействием.

Конструируя 1-ю часть 403 ст. ГК, законодатель исходил из того соображения, что с точки зрения гражданского правопорядка, общественной и государственной целесообразности и полезности (utilitas rei publicae) *недопустимо* безнаказанно вторгаться в частную имущественную сферу граждан.

Такой взгляд законодателя можно только горячо приветствовать.

Выдержан ли однако этот принцип в 403 ст. ГК?

К сожалению, на этот вопрос необходимо ответить отрицательно.

Выражение второй части 403 ст. —„он (ответчик) освобождается от этой обязанности, если докажет, что он не мог предотвратить вреда“—сводит на смарку жесткую ответственность по принципу причинения, конструированную первой частью той же статьи. От этой суровой, не знающей пощады, ответственности, производящей столь яркий эффект в сравнении с западно-европейскими кодексами, принявшими, как сказано было выше, в исках об ответственности за вред по отношениям внедоговорным принцип деликтный,—ничего не остается. В самом деле, раз ответчику, желающему освободить себя от ответственности, предоставляется законом право доказывать, что он, в связи с конкретной обстановкой события, не мог предотвратить вреда, не подлежит сомнению, что суды не только вправе, но и обязаны отказать истцу в предъявленном иске, когда вред последнему причинен действием непроизвольным, непреднамеренным, *случайным*: ответчику очень легко установить и доказать, что действие, причинившее вред, явилось результатом случайного стечения обстоятельств, и что он не мог предотвратить случая, так как он ответчик, лишь слабый смертный, не имеющий возможности и сил все предвидеть и предотвращать.

Надо быть действительно семи пядей во лбу, чтобы предвидеть случай.

Таким образом, необходимо притти к заключению, что при наличии во второй части 403 ст. ГК огромной привилегии для ответчика („если докажет, что он не мог предотвратить вреда“), 403 ст. не конструирует вовсе гражданской ответственности за случай, за действие вне вины, но исключительно—деликтную ответственность, ответственность за вред, причиненный действием или бездействием *виновным*, как бы незначительна ни была вина ответчика. („In lege Aquilia et levissima culpa venit, l. 44. Диг. IX. 2“). Другими словами, 403 ст. ГК.,

сконструированная по первоначальной мысли законодателя по принципу причинения, ответственности легальной, объективной, независимо от вины ответственного лица (стало быть,—и за случай, casus), в конце концов получила редакцию, калечащую и искажающую смысл первого абзаца этой статьи. Одной рукой законодатель вкладывает в 403 ст. радикальный принцип, принцип ответственности без вины и за случай, —принцип, вполне соответствующий требованиям современной эпохи, а другой рукой неуместным выражением „если докажет, что он не мог предотвратить вреда"—безжалостно опрокидывает этот принцип, конструируя ответственность по принципу римской юриспруденции, по закону Аквилия.

403 ст. ГК страдает органическим пороком.

В первом нашем примере ответчик, привлеченный к суду, вполне правильно, согласно с 2-ой частью 403 ст., будет просить об отказе в иске со ссылкой на то соображение, что, рассматривая книги в витрине, он не мог предотвратить удара и толчка со стороны, был ли этот толчок случайный или предумышленный. И, конечно, суд должен будет с ответчиком согласиться и в иске отказать, как бы энергично истец или его поверенный ни доказывали, что 403 ст. сконструирована по принципу причинения с возложением обязанностей на ответственное лицо возместить ущерб за самый факт нанесения его, хотя бы этот ущерб возник непреднамеренно и случайно; что законодатель, несомненно, имел в виду конструировать ответственность легальную, ответственность без вины, что усматривается из самого заголовка XIII раздела ГК (по УССР—раздела VIII), гласящего: „обязательства, возникающие вследствие *причинения* другому вреда"...

По изложенным соображениям мы приходим к выводу: 1) что было бы иллюзией считать 403 ст. ГК законодательной нормой, устанавливающей ответственность по чистому принципу причинения, вне вины на стороне деятеля даже за случай; 2) что 403 ст., поскольку ответчик, причинивший вред личности или имуществу *случайно*, не по вине своей, всегда может доказать, что он не был в состоянии предотвратить это случайное действие, вызвавшее ущерб, понесенный истцом, — применяется только к тем случаям, когда вред нанесен умышленно (dolus) или по вине (culpa), нерадению, небрежности и проч.

Можно ли, при указанных условиях, утверждать, что 403 ст. создана для охраны интересов слабейшей стороны? Конечно, нет.

Положение истца тяжелое. Истец заранее должен помириться с наивероятнейшей возможностью проиграть процесс в том случае, когда понесенный им ущерб имел непосредственной причиной непроизвольное или нечаянное действие ответственного лица. Лучше вовсе не предъявлять иска. Зачем тратиться на суд, пошлины, уплачивать гербсбор и проч., когда заранее знаешь, что ответчику предоставлено законом право доказывать, что он не мог предотвратить вреда, и ответчик, коль скоро речь идет о случае, несомненно, это докажет, и это ему не будет стоить больших хлопот.

Истцу остается тешиться надеждой, которая вовсе не так сладка —применением 406 ст. ГК, но—1) суд может, но не обязан применять ее; 2) ответчик сделает все возможное, чтобы доказать, что его имущественное положение мизерное.

А если ответчик умышленно или виновно нанес ущерб истцу, последний обязан это доказать, именно—что в данном деле имели место либо умысел, либо вина. А это не так-то легко зачастую, что известно каждому юристу практику...

Отсутствие в нашем материальном гражданском праве специальной нормы, регулирующей ответственность социально-имущих за действие или бездействие подчиненных им лиц, в связи и по случаю выполнения ими поручений.

Положение слабейшей стороны—истца отягчается еще следующим обстоятельством. Как известно, в нашем гражданском кодексе нет соответствующей нормы (аналогичной дореволюционной 687 ст. т. X ч. 1, артикулу 1384 Кодекса Наполеона), которая регулировала бы ответственность социально-имущих за действие или бездействие подчиненных им лиц. (По силе 269 ст. ГК доверитель перед третьими лицами отвечает лишь в пределах тех действий своего поверенного, которые совершены согласно доверенности или одобрены доверителем). 403 ст., возлагая обязанность возмещения вреда на лицо, этот вред причинившее, между прочим в огромном большинстве самых разнообразных житейских случаев ведет в результате к тому, что истцу, коему претензия присуждена судом полностью или в части, либо не с кого получить удовлетворения, либо по силе 289 ст. ГПК, приходится взыскивать по исполнительному листу томительное количество времени.

Вот несколько примеров:

Кровельщик, ремонтирующий крышу дома, благодаря непринятию им соответствующих мер предосторожности, роняет тяжелый предмет, который, падая вниз, причиняет серьезное увечье жильцу дома. На основании 2-ой ст. ГПК и 403 ст. ГК не жилкоон должен быть привлечен по этому делу в качестве ответчика, а кровельщик. Что пользы в том, что суд удовлетворил иск полностью, когда с кровельщика, не члена союза, числящегося на бирже безработным, нечего взять...

Завхоз учреждения является в магазин для покупки стаканов и чашек. Уславливаясь о цене, завхоз, по небрежности, не заметив стоявшей вблизи него дорогой вазы, разбивает ее. Отвечает, конечно, не учреждение, а завхоз, ибо именно он виновным своим действием причинил ущерб магазину. Хорошо, если этот завхоз будет иметь против себя только один исполнительный лист и не два других иска, например,—один алиментарный, а другой по векселю...

Дворнику дома арендатор поручил кое-где застеклить окна. Выполнив поручение в точности, дворник не позаботился однако убрать хорошенько то место во дворе, где остались небольшие куски стекла. Дети, играя во дворе босиком, изранили себе ноги, а дочь одного из рабочих настолько серьезно, что необходимо было пригласить врача и сделать маленькую операцию. Кто отвечает по этому делу за убытки. Дворник, а не арендатор, который никакого ущерба своим действием или бездействием никому не причинил.

Вы поручили поденной работнице помыть полы в своей квартире. Закончив работу, женщина поленилась вылить ведро в раковину, или снести его с пятого этажа вниз, а вылила его в окно и таким образом испортила новенький костюм инспектора Коммунотдела, который как раз проходил мимо с секретарем домоуправления, явившись с ордером об уплотнении одной из квартир дома. Отвечаете не вы, а ваша работница.

Такое явное и серьезное ущемление прав слабейшей стороны (истцовой) не могло бы иметь места, если бы в нашем ГК существовала норма об ответственности, по аналогии с 1384 ст. Кодекса Наполеона, „господ и верителей“ (выражение 687 ст. т. X ч. 1) за действия их подчиненных, сообразно данного им поручения, или по случаю и в связи с данным поручением.

Как в англо-американском обычном праве, так равно в практике судов Западной Европы установлена в высшей степени строгая и жесткая ответственность „хозяев и верителей", как социально имущих, за действия их подчиненных,—не только за те действия, которые причиняют вред личности или имуществу сообразно с поручением, данным этим подчиненным, *но и в связи или по случаю этого поручения*.

Возьмем тот же пример с кровельщиком. На судебном заседании домоуправление, привлеченное к ответу, доказывает, что оно поручило кровельщику починить крышу и неоднократно напоминало ему, чтобы он был сугубо осторожен с имеющимися в его распоряжении инструментами и железом, так как двор большой, людный, и кто-нибудь легко может пострадать, если бы какой-нибудь предмет упал с крыши вниз. В частности, домоуправление устанавливает: 1) что падение с крыши листа железа находилось вне всякой связи с данным кровельщику поручением; 2) что лист железа с крыши упал во двор совершенно случайно, благодаря поднявшемуся ветру.

Все эти соображения будут приняты во внимание судом, но они не имеют решающего значения для дела: домоуправление отвечает безусловно. Пусть ответчик неоднократно обращал внимание кровельщика на возможность несчастного случая; пусть событие, причинившее ущерб, не находилось в тесной связи с данным рабочему поручением, не вытекая непосредственно из него; пусть порыв ветра сбил железо (здесь нет воздействия непреодолимой силы): иностранная судебная практика в этих делах о взыскании вреда и убытков с сильнейшего с редким единодушием выработала определенное правило—*вполне достаточно для удовлетворения иска, если событие, благодаря которому вред нанесен, имело место по случаю или в связи с поручением, имея к существу последнего хотя бы только отдаленное отношение.*

„При выполнении поручения" („in doing the business"); „в процессе исполнения поручения" („in the course of the service"), как пишут обычно в своих решениях английские судьи.

„Лишь бы деяние, причинившее вред, находилось в связи с поручением" („pourvu que le fait dommageable se rattache à la fonction"), как говорят французские суды.

Если шоффер, какую бы превосходную аттестацию об искусстве управления машиной он ни имел, причинил вред личности (изувечение человека) или имуществу (повреждение или уничтожение объекта частной собственности, изувечение животного), отвечает в гражданском порядке за нанесенный ущерб владелец машины, хотя бы последний в тот момент, когда ущерб был причинен, находился за тысячи верст, рассеянно бродил по залам игорного дома в Монте-Карло и ни в коем случае этого вреда предотвратить не мог. Собственник автомобиля отвечает в гражданском порядке даже в том случае, если бы шоффер по делу о нанесении им тяжкого увечья был осужден приговором уголовного суда.

Здесь, вне всякого сомнения, жестко и последовательно проводится принцип ответственности сильнейших („хозяев и верителей") за действия их представителей перед слабейшими (истцами).

В „Энциклопедии английских законов" мы по этому чрезвычайно важному вопросу находим следующее общее правило, признаваемое всеми выдающимися английскими юристами:—„Хозяин отвечает перед третьими лицами за все ошибочные действия и небрежение своего представителя, включая сюда поведение преступное и просто вредное, в связи с его служебными обязанностями, хотя бы хозяин не дал

на них уполномочия, или о них не был осведомлен, или даже определенно воспретил те действия или упущения, о которых идет речь. Вообще хозяин отвечает за всякое вредоносное деяние своего слуги или агента, совершенное в связи со служебными функциями и в интересах хозяина" (Encyclopaedia of the Laws of England", 1906, IX t. p. 53).

Мы подчеркиваем эту суровую ответственность сильных перед слабыми, что в особенности характерно, если принять в соображение что англо-американское обычное право в вопросе об ответственности за вред и убытки принципиально стоит на точке зрения римской юриспруденции и лишь в виде исключения мыслит себе присуждение истцу понесенного им ущерба вне всякой вины ответственного лица.

Французское материальное гражданское право сплошь насыщено принципами римской юриспруденции. Основной закон об ответственности за вред (артикул 1382 код. Напол.) не мыслит себе обязанности возместить истцу понесенный им ущерб как только при доказанности вины (faute) ответственного лица. Тем не менее в отношении „хозяев и верителей" (maîtres et commettants) французская судебная практика беспощадна. Уже основная законодательная норма, регулирующая ответственность отца или матери (после смерти мужа), хозяев и верителей, наставников и ремесленников—за вред, причиненный малолетними детьми, слугами и поверенными, воспитанниками и учениками (артик. 1384), освобождает от ответственности родителей, наставников и ремесленников, если они докажут, что не могли предотвратить действия, за которое они должны были бы отвечать, но это освобождение от ответственности *не касается вовсе* хозяев и верителей, которые обязываются к возмещению ущерба слабейшей стороне безусловно, как это можно между прочим усмотреть из следующих типичных решений французских судов [1]):

Извозчик, которому поручено было отвезти 13-летнюю девочку в пансион, ребенка изнасиловал. Хозяин признан был гражданским судом ответственным, так как преступление совершено было слугою по случаю исполнения им своих обязанностей.

Другой пример: Слуга, работая с хозяином на гумне, производит выстрел в пролетающих птиц и наносит при этом рану проходившей девушке. Хозяин признан был гражданским судом ответственным. Правда, стреляя из ружья, слуга не выполнял обязанностей по своей должности, но он сделал это все же за работой. Достаточно—говорит суд в своих мотивах—чтобы действие имело какую-либо связь с обязанностями по службе, по обстоятельствам времени, места и рода поручения.

Третий пример: Агенты Акционерного Общества позволили себе нападки клеветнического характера во вред обществу—конкуренту. Когда был предъявлен иск об убытках, общество возразило, что не давало поручения своим агентам распространять позорящие истца слухи,—напротив, правила, которые даны агентам для руководства, им это запрещают . . . Нет, говорит Орлеанский суд, для ответственности хозяев достаточно, если действие доверенных лиц стоит в связи с объектом их поручения и имеет по случаю его исполнения. („à l'occasion de son éxécution").

Эта необыкновенно жесткая ответственность „хозяев и верителей" имеет своеобразную форму в действующем Германском материальном гражданском праве, которое, как известно, стоит на принципе деликт-

---

[1]) См. Laurent „Principes de droit civil", XX t., § 584, p. 621 § 572, p. 584.

ной ответственности (§ 831 Герм. Гр. Ул.). Рейхсгерихт обычно толкует эту статью в том смысле, что хозяева ответственны лишь за небрежность *в выборе* слуги или агента, но не *в надзоре* за ним. Предполагается, видимо, что немцы—достаточно дисциплинированные люди, и нет надобности надзирать за ними при исполнении или по поводу исполнения ими своих служебных обязанностей. („Süss Vaterland! mags't ruhig sein"). Для иллюстрации сказанного мы считаем уместным привести следующее решение Рейхсгерихта от 20 ноября 1902 г.

В январе м-це 1901 г., истец, желая вечером пройти на вокзал по пути прилегающему к территории этого последнего и принадлежащему дороге — ответчице, упал и получил увечье. В основание иска положено было соображение о том, что дорога обязана освещать путь, примыкающий непосредственно к вокзалу. Ответная сторона доказала, что она, при выборе жел. дор. агента, забывшего в тот вечер зажечь фонарь, соблюла заботливость, требуемую в обороте. Иск был удовлетворен обеими инстанциями. Рейхсгерихт признал доводы апекляционной инстанции при применении § 831 неправильным, решение отменил, высказав следующие соображения: „Если апелляционный суд, основываясь на законодательной норме, выраженной в § 831, стоит на той точке зрения, что дорога-ответчица обязана была иметь надзор над служебными действиями своего агента, она неправильно толкует смысл этой статьи. Такого рода надзор ни в коем случае не требуется § 831, который на ряду с diligentia in eligendo вовсе не устанавливает также и diligentia in custodiendo. Если хозяин, защищаясь против иска, доказывает, что он при выборе соблюдал требуемую в обороте заботливость, обязанность к возмещению не наступает... Идя далее, Рейхсгерихт на стороне ответчицы находит упущение по смыслу § 823, находя, что сама дорога через своих уполномоченных представителей должна заботиться о том, чтобы обязанность освещать территорию вокзала была выполнена и дорога не соблюла бы требуемую в обороте заботливость, если бы она пренебрегла всяким контролем в связи с тем, действительно ли соблюдена лежащая на ней обязанность, исполнение коей она возложила на лицо, за действия и упущения которого она не отвечает...

Таким образом Рейхсгерихт все же признает сильнейшего обязанным возместить ущерб, но не по принципу ответственности хозяев и верителей за действия и упущения подчиненных им лиц, надзор за которыми не требуется, а по вине *самого делинквента* (§ 823).

Именно на этой позиции стоял Гражданский Департамент Сената в своих принципиальных решениях, (1874) № 765, 1900 (№ 79), где Сенат от 687 ст. тома X ч. 1-ой переходил непосредственно к 684 статье...

Освобождение ответчика от обязаниостей возместить ущерб, если он докажет, что был управомочен на причинение ущерба.

Недоумение вызывает то место 2-ой части 403 ст. ГК, где законодатель разрешает ответчику защищаться возражением, что он „управомочен был на причинение вреда". Устанавливая в 1-ой части 403 ст. обязанность возместить ущерб за самый факт причинения его, исходя, видно, при этом из соображения о недопустимости вторгаться в сферу частных имущественных прав, законодатель, казалось бы, вряд ли мыслил себе такие случаи, когда *частное лицо* было бы уполномочено на причинение вреда, каковые случаи могут, конечно, иметь иногда место, но исключительно в связи с теми или другими *договорными* отношениями сторон, между тем, как

403 и сл. ст. ГК предусматривают иски о возмещении за вред и убытки по отношениям внедоговорным. Если кто и может быть управомочен на причинение вреда, то это, конечно, лицо должностное в связи с исполнением им своих служебных обязанностей (например, агенты розыска или милиции при производстве обыска, в связи с последним, причиняют гражданину какой-либо имущественный ущерб). Ответственность государства за *неправильные* действия должностных лиц регулируется 407 ст. ГК. Если же случится, что должностное лицо, производя определенное действие в силу обязанностей по своей службе, выйдет из пределов этих обязанностей и виновным (по небрежности) или случайным действием причинит кому-нибудь вред и убытки, такое должностное лицо уже действовало как лицо частное и ответствует лично из своего собственного имущества по общему правилу 403 ст. ГК.

Вот почему мы находим совершенно излишним выражение 2-ой части 403 ст., „если докажет... что он был управомочен на причинение вреда".

Желательный текст 403 ст. ГК.

Исходя из защиты интересов слабейших, надобно признать более приемлемой следующую редакцию 403 статьи: „Причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред, разве бы последний произошел вследствие воздействия непреодолимой силы или по грубой неосторожности самого потерпевшего.

В исключительных случаях, когда вред причинен без всякой неосторожности и вызван внезапным, непредвиденным событием, суд может либо вовсе освободить лицо, причинившее вред, от ответственности, либо, сообразуясь с 411 ст. ГК, обязать его к частичному возмещению понесенного потерпевшим ущерба.

Государство, а равно те, кто пользуется услугами или чужим трудом, отвечают за вред, причиненный третьим лицам действием или бездействием должностных лиц и подчиненных, хотя бы вред этот был нанесен по случаю и в связи со служебными обязанностями или с данным поручением".

2-ой абзац намеченной de lege ferenda редакции 403 ст. („в исключительных случаях" и т. д.) имеет в виду те редкие в житейском обиходе случаи, когда вред причиняется внезапно непредвиденным событием,—например, в связи с неожиданным недомоганием человека, который, выйдя на улицу совершенно здоровым, вдруг почувствовал себя дурно, и, падая, кому-либо причиняет ущерб: было бы несправедливо *полностью* возлагать ответственность на лицо, причинившее вред при указанных обстоятельствах, хотя бы имущественное положение потерпевшего было ниже, чем такое же положение лица, причинившего вред.

Оправдание жесткой ответственности за причинение вреда.

Выражая сожаление по поводу неудачной редакции 403 ст. ГК, которая, как мы видели, смешивает во едино оба принципа доктрины права (деликтный и легальный) в исках об ответственности за вред и убытки в отношениях внедоговорных, мы полагаем, что анализ нашей универсальной 403 ст. был бы неполным, если бы мы хотя бы в двух словах не коснулись вопроса об обосновании или оправдании принципа ответственности вне вины на стороне деятеля или за случай. Оправдание жесткого легального принципа ответственности может быть *объективным* и субъективным.

С объективной точки зрения было бы справедливо возлагать на ответственных лиц обязанность возмещать потерпевшему причиненный ему ущерб безусловно, независимо от вины, по той причине, что кто действует в своих реальных интересах (хотя бы это была только любознательность — рассматривание вновь вышедших в свет книг в витрине), тот должен нести риск за свои действия). „Ex quo persona quis lucrum capit ex eo factum praestare debet", l 4 Диг. L. 17),— этого требует развитой гражданский оборот, правопорядок.

При этом такую суровую ответственность должны нести не только физические деятели, т.-е. лица, непосредственно своим действием или бездействием причинившие кому-либо ущерб, но равным образом за действия своих подчиненных или представителей лица, либо организации, пользующиеся чужим трудом и несущие риск за подчиненных им людей до окончательного завершения данного им поручения.

Обратимся к примеру, в котором говорилось о непроизвольном, случайном уничтожении зеркального окна. Вряд-ли с точки зрения гражданского правопорядка было бы справедливо освободить полностью от ответственности лицо, разбившее витрину (хотя бы случайно), не возместив стоимости ее владельцу магазина, в предположении, что имущественное положение сторон приблизительно одинаково. Во имя чего же, во имя какого правового, морального или классового принципа убыток должен пасть на владельца магазина. Правда, вред причинен неумышленно, невиновно, совершенно случайно, однако тот, кто нанес ущерб, *в своих интересах*, для своего удобства имел в руках трость или палку, *в своих интересах*, желая удовлетворить свою любознательность, рассматривал в витрине книги. Во всяком случае истец—потерпевший, владелец магазина, зеркальное окно которого защищено было еще барьером, как мы сплошь и рядом видим в больших городах, тут вовсе не при чем...

Могут возразить—но и владелец магазина, выставляя в витрине книги и привлекая таким образом покупателей, действует в своих выгодах, вот почему, согласно принципа „cujus commodum, ejus periculum", было бы неправильно полностью снимать риск, а стало быть и ответственность с владельца магазина.

Владелец магазина, конечно, действует в качестве предпринимателя, преследуя выгоду, барыши, но это—его право, поскольку последнее оправдывается договором, заключенным с Комхозом, и вносимой арендной платой за магазин, а в отношении того, кто осуществляет свое право, предполагается, что он не вторгается в сферу чужих прав („Nullus videtur dolo facere qui suo jure utitur", l. 55 Диг. L 17).

Мы говорим „предполагается": в отношении лица, рассматривающего обложки книг в витрине и действующего в пределах своего права, также есть презумпция, что оно, это лицо, не нарушает чужих прав при осуществлении своего собственного права, однако, коль скоро сфера чужого права ущемлена, законодатель незамедлительно приходит в защиту этого нарушенного права и обязывает ответчика к возмещению нанесенного им вреда, независимо от того, причинен ущерб действием или бездействием виновным или невиновным.

Римские юристы, для которых, как было сказано, немыслимо было конструирование ответственности за случай, в приведенном нами примере фингировали бы (предположили бы) вину на стороне ответчика, утверждая, что, находясь на шумной и многолюдной улице, и рассматривая в окне предметы, он настолько был неосмотрителен, что пренебрег максимумом осторожности и бдительности, требуемым в обороте.

Оправдание жесткой ответственности с субъективной стороны.

Оправдание суровой ответственности за причинение вреда с субъективной стороны должно вызываться необходимостью поощрять и всячески укреплять правовую дисциплину—это имеет актуальное значение именно в отсталых странах, таких как наша, где законность и право для огромных масс населения, не покончивших еще с примитивным образом жизни не только на селе, но и в городах,—пустой звук. В отсталой, малокультурной в правовом отношении стране законодатель не только юрист, но и педагог—он обязан воспитывать массы в духе правовой выдержки и дисциплины, сущность которой между прочим состоит во всяческом поощрении безоговорочного уважения к личности, к сфере частных имущественных прав граждан. Строгими нормами права государство сдерживает импульсы правонарушителей, которые невольно должны будут быть бдительны, максимально осторожными под страхом ответственности из своего собственного имущества за вред, причиненный другим лицам. Суровая, беспощадная гражданская ответственность в исках о возмещении вреда и убытков была бы в нашей отсталой стране тем правовым обще-гражданским *налогом,* который вполне оправдывается нашей неразвитостью и неприспособленностью к строго-правовой, основанной на революционной законности, жизни.

В такой развитой стране, как Великобритания, которая славится высоким уровнем правосознания масс, теоретики права не перестают указывать на необходимость возложения безусловной ответственности в исках о возмещении вреда, хотя, как мы говорили выше, англо-американское обычное право принципиально стоит на точке зрения римского закона Аквилия. Вот, что пишет, например, известный шотландский юрист Роберт Кэмбелль в своей книге „Основы английского права“: „Если собственник эксплоатирует такие предметы, которые, выходя из его обладания, причиняют ущерб другому лицу, он действует на свой собственный риск. Если эти предметы ускользают из его владения и наносят вред, он отвечает, какую бы заботливость он ни проявил и какие бы меры для предотвращения убытков он ни принял“ [1]).

Такая формулировка проблемы есть не что иное, как конструирование гражданской ответственности вне вины, ответственности безусловной, легальной.

Если консервативные англичане ратуют за такую форму ответственности, фактически претворяемую в судебные решения, мы не только можем, но обязаны позволить себе роскошь вычеркнуть из нашей 403 ст. пресловутое выражение: „если он докажет, что не мог предотвратить вреда“, т.-е. конструировать ответственность и за простой случай, тем более, что, как сказано было выше, при наличии 401 ст. ГК (принцип разложения вреда) классовой точке зрения никакая опасность не угрожает.

405 ст. Гр. Код.

Обращаясь к 405 ст., мы должны признать, что она—родная сестра 403-ей. 405 ст. гласит:—„лицо недееспособное, за исключением случаев, предусмотренных ст. 9-ой, не отвечает за причиненный им вред. За него отвечает лицо, обязанное иметь за ним надзор“. Отсюда следует:

1) что под недееспособными лицами в смысле 405 ст. ГК разумеются исключительно душевно-больные, ибо, по силе 9-ой ст. ГК, не-

---

[1]) Rob. Campbell „Principles of English Law“. 1907, p. 417).

совершеннолетние, достигшие 14 лет, и расточители отвечают сами за вред, причиненный их действиями другим лицам.

2) Что фактические опекуны душевно-больных отвечают за действия своих опекаемых только в том случае, если они могли предотвратить причиненный вред, но не сделали этого в виду слабого надзора.

Вред причинен действием душевно-больного, но отвечает возмещением ущерба фактический опекун, поскольку последний не принял надлежащих мер предосторожностей. Другими словами, опекун *виновен* в нерадении, невнимательности, небрежности, и, поскольку эта вина установлена, суд обязывает опекуна возместить потерпевшему причиненный ущерб из собственного имущества ответственного лица (опекуна).

Принципиально может быть поставлен вопрос об ответственности опекуна перед третьими лицами не только за виновные действия опекаемого (душевно-больной в период светлых промежутков может нанести вред предумышленно), но и за случайное действие. Вопрос этот может быть поставлен в виду того, что 405 ст. говорит об ответственности „за причиненный вред“,—стало быть, независимо от того, нанесен ли он виновным, или непредвиденным, случайным действием.

Однако, фактический опекун душевно-больного не будет обязан судом к возмещению ущерба в том случае, когда событие, послужившее основанием к иску об убытках, было непреднамеренным, чисто случайным. Ведь опекун отвечает за виновное бездействие (отсутствие надзора или ненадлежащий надзор). Ясно, что опекун, когда иск потерпевшего будет основываться на случайном причинении ущерба, будет защищаться возражением, что он этого чисто случайного явления, послужившего причиной нанесенного вреда, не мог предвидеть и предотвратить, хотя принимал добросовестно все, требуемые разумными правилами общежития, меры к тому, чтобы третьи лица не пострадали от действий его опекаемого (Verkehrspflicht).

Хотя случайное причинение душевно-больным вреда, не поддающегося предупреждению,—сравнительно редкое явление, так как душевно-больные—эта категория лиц, надзор за которыми должен быть неусыпным, тем не менее оно возможно в жизни, и суд, взвешивающий все обстоятельства дела, в подобных случаях не только может, но и должен освободить ответчика от обязанности возместить потерпевшему ущерб, если ответчик докажет, что событие, нанесшее вред, произошло так внезапно и неожиданно для всех окружающих, что его не было возможности предотвратить. В этих случаях риск лежит на потерпевшем. Предполагается, что потерпевший сам допустил неосторожность, войдя в общение с недееспособным, подвергаясь такому действию, хотя бы и непроизвольному, чисто случайному со стороны последнего, которое явилось причиной нанесенного вреда. А по общему правилу—„кто терпит ущерб по собственной вине, тот почитается вовсе не понесшим вреда“ (афоризм римского юриста Помпониуса — 1.203 Диг. IX. 2).

Б. И. Гомберг.

К проекту постановления о государственных торговых предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (торгах).

Юрист, который задался бы мыслью изобразить правовую картину организационных форм, в которых государственные предприятия выступают в торговом обороте, очень скоро должен был бы признать, что такой картины он дать не в состоянии и что в лучшем случае он сможет лишь набросать очерк форм, фактически существующих, но с точки зрения юридической чрезвычайно несовершенных.

И в самом деле, в общей системе государственного торгующего аппарата только промышленные предприятия—тресты строятся и действуют на основаниях законодательных актов и по строго разработанным типовым уставам; но для трестов торговые операции являются лишь одной из их функций, вытекающей из начал коммерческого расчета. Что же касается до государственных предприятий, для которых участие в обращении товаров является основною задачею, то здесь мы уже встречаемся с картиной совсем другого характера.

Так, синдикаты, являющиеся по существу своему торговыми аппаратами трестов, т. е. организациями трестов, которым эти последние делегировали свои торговые функции, до сего времени действуют на основании уставов, созданных еще в 1922 году на почве директивных актов раннего периода введения новой экономической политики и подвергавшихся постоянным переработкам и изменениям по показаниям текущего опыта. Только в 1924 году Высшим Советом Народного Хозяйства был разработан и преподан для руководства типовой устав синдиката, в котором были сведены показания всей предшествующей практики. Законопроект же о государственных синдикатских объединениях, который должен дать правовое завершение существующего в этой области опыта, еще находится на рассмотрении законодательных инстанций.

Другой более или менее распространенной формой участия государственных предприятий в товарообороте является акционерное общество и в известной мере товарищество с ограниченной ответственностью. Но если общие принципы акционерного общества и товарищества с ограниченной ответственностью твердо установлены и разработаны как в теории, так и в законодательстве, то нельзя не признать, что акционерные общества, в которых принял участие государственный капитал, представляют из себя организации, несомненно, своеобразные, неукладывающиеся в общее положение об акционерных обществах и требующие особой правовой квалификации. Соответствующие законопроекты о государственных паевых товариществах и акционерных обществах с участием государственного капитала также еще находятся в процессе разработки.

Наконец, наименее определенным и ясным представляется юридическое положение так называемых торгов, т. е. государственных торговых предприятий, действующих на началах коммерческого расчета. Следует отметить, что ни теория, ни практика Запада не дают никаких указаний в этой области.

В своей статье, помещенной в № 5 „Вестника Промышленности и Торговли", профессор Шретер еще в 1922 году говорит: „Создавать какую-то особую форму казенных предприятий с правами юридического лица на Западе не принято.... Да это и понятно, ибо пришлось бы тогда, не внося ровно ничего нового, давать детальнейшую нормировку всех тех вопросов, на которые акционерная форма отвечает сама собою".

Таким образом, государства Запада акционируют свое предприятие, когда они желают вести его на частных коммерческих началах, и оставляют все акции в своих руках. В некоторой мере это имеет место и в практике СССР (государственные паевые товарищества). Но, как показала сама жизнь, далеко не во всех случаях вопрос может быть разрешаем этим путем, так как слишком многообразны для сего условия, при коих создаются и создавались до сего времени государственные торговые предприятия.

Не лишним представляется вспомнить историю образования первых местных торгов (губторгов). Акты, декларировавшие начала новой экономической политики, не преподали конкретных указаний по вопросу об организационных формах народившегося на этих началах торгового аппарата. Его строительство предоставлено было самодеятельности подлежащих органов, а при многообразии факторов и влияний, определявших эту самодеятельность, нельзя было, разумеется, ожидать, как это и показала действительность, сколько-нибудь устойчивых и определенных образцов, на которых бы остановились, хотя бы в большинстве своем, образующиеся на местах торги. Достаточно сказать, что при непрекращающихся и до сего времени изменениях и переработках форм местных торгов мы и до настоящего момента встречаем на местах: и акционированные в установленном порядке предприятия, и чрезвычайно своеобразные формы различных торговых паевых товариществ, утверждаемых в совершенно случайном порядке, и, наконец, предприятия местных Советов Народного Хозяйства в виде торговых отделов Советов Народного Хозяйства, и проч. Такие торговые отделы действуют в большинстве случаев на основаниях далеко не однообразных положений о них, уставов, инструкций, и т. п., при чем нет надобности доказывать, что вопрос об их правомочиях, их юридической природе зачастую вызывает законное сомнение.

Помимо этих местных торговых организаций, мы знаем торговые предприятия, правда, немногочисленные, действующие в более широком масштабе; таковы, например, Госметр, Гослаборснабжение, Госмедторг, и другие. Эти предприятия действуют на основаниях уставов, утвержденных Советом Труда и Обороны в экстренном одиночном порядке.

Из представленной в общих чертах картины явствует, что при всей той пестроте и разбросанности отдельных моментов, которые характеризуют государственные торговые предприятия, ныне фактически уже участвующие в товарообороте, и при вытекающей отсюда трудности отмежевать моменты существенные от случайных и вызванных местными условиями, дело создания единого законопроекта о государственных торговых предприятиях не может не представляться особо сложным

Ныне обсуждаемый в законодательных инстанциях законопроект о торгах, завершающий собою цепь законопроектов о государственных торгующих организациях, является в конечном результате нов-

шеством, не имеющим, как это выше отмечено, ни прецедентов, ни твердой теоретической базы, ни даже достаточно скристаллизованного опыта.

Значительные затруднения вызвала попытка дать определение самого юридического понятия государственного торгового предприятия, действующего на коммерческом расчете. Формулы, которой бы удалось примирить все высказанные по этому вопросу точки зрения, и до последнего времени найти не удалось; но были установлены основные признаки, отличающие торги от смежных торгующих организаций. Такими признаками являются:

1) организация предприятия государством;

2) организация его для целей торговых;

3) торговая деятельность при помощи капитала, выделенного государством в распоряжение предприятия;

4) самостоятельное функционирование предприятия, как обособленной от общегосударственной казны единицы;

и, наконец, 5) коммерческие основы деятельности предприятия.

Эти признаки должны войти в определение торга; они же, вместе с тем, образуют и канву для всего законопроекта. Перечисленными признаками может быть, несомненно, охвачен чрезвычайно широкий круг отношений, которые, таким образом, будут подчинены действию создаваемой нормы. Тем не менее, однако, нельзя не признать основательными и опасения, что без более конкретного обозначения возможных предметов деятельности торга в самом законе трудно будет устранить сомнения по вопросу о пространстве его действия.

Поэтому необходимость в той или другой форме расшифровать понятие „торговой деятельности“ представляется, повидимому, неизбежной. И, если даже по соображениям, вытекающим из особых условий нашего оборота, признать преждевременным принятое теорией Запада объединение под термином торговли, как деятельности узкоторговой по сбыту и заготовке, так и деятельности, направленной на изготовление товаров, то все же требует совершенно конкретных и ясных указаний вопрос о признании торговыми в смысле законопроекта о торгах операций транспортных, издательских, экспедиторских, содержания заведений массового пользования, т. е. зрелищных, гостиниц, бань и проч.

Возникшая как в печати, так и в различных совещаниях еще со времени обсуждения проекта торгового свода полемика по вопросу о допущении хотя бы примерного перечня предметов деятельности торга до сего времени не привела к сколько-нибудь твердому разрешению этого вопроса; повидимому, однако, больше сторонников привлекала та точка зрения, что допущение таких пояснительных перечней, имеющих в большинстве случаев характер чисто случайный, не способно разрешить вопрос о компетенции рассматриваемого института с необходимою для всякого законодательного акта полнотою. Поэтому устранение могущих возникнуть на практике сомнений с этой точки зрения должно быть создаваемо уже в порядке авторитетных толкований действующего закона. Однако, по смежному вопросу о праве государственных торговых предприятий содержать производственные заведения большинство склонилось тем не менее к признанию необходимости подчеркнуть в самом законопроекте о допустимости включения в состав торгов таких производственных единиц, поскольку их деятельность будет носить служебный, для непосредственных целей торга, характер и поскольку открытие таких заведений предусмотрено в самом уставе торга.

Далее было признано, что торг подобно тресту является единым предприятием, в состав коего могут входить одно или более заведений: магазинов, контор, отделений, складов, и т. п., при чем в пределах своей правоспособности, обусловленной уставом, торг производит все свои операции на основании законов гражданских. Но с того момента, как во главу угла была поставлена только что отмеченная отправная точка зрения, по которой в известной мере предопределен узко-торговый характер предприятий, имевшихся, главным образом, в виду при создании законопроекта, оказалось необходимым остановиться особо на вопросе о торговой (целевой) правоспособности торга. В этом смысле законопроекту о торгах пришлось встретиться с постановлением Совнаркома от 2/1—1923 года и именно со статьями 1 и 2 этого постановления. Чрезвычайно жесткий характер и самая категоричность редакции этих статей с первых же моментов появления в свет постановления вызвала ряд попыток внести в них диктуемые практикой изменения. В большинстве случаев проектируемые изменения сводились к попыткам ввести некоторые исключения в общее правило упомянутых статей, по которому государственные предприятия вправе производить торговлю лишь товарами, входящими в круг их деятельности, согласно их уставов или положений. Однако, и до сего времени ни одна из них не претворилась в жизнь в качестве действующего законоположения. С одной стороны—опасения, как бы государственные предприятия, создаваемые для определенных целей, не вышли далеко за пределы этих целей и не уклонились бы в сторону от своих прямых заданий, а, с другой стороны—невозможность для торгового предприятия на практике замкнуться в узкий круг заранее определенных и точно установленных предметов торговой деятельности (например, вопрос о дополнительном ассортименте и друг.):—вот те две точки зрения по этому вопросу, которые до сего времени остались непримиримыми. Законопроект вносит некоторое смягчение в жесткую формулу упомянутой нормы и устанавливает для торгов право производить торговлю только „видами“ товаров, предусмотренных в его уставе, но в конечном результате, таким образом, предпочтение и на этот раз отдано более строгой из этих двух точек зрения.

По другому частичному вопросу, касающемуся правоспособности торговых предприятий и вызвавшему не менее острую полемику,— вопрос о территории, на которой торг правомочен развивать свою торговую работу. Мнение большинства высказавшихся по этому поводу свелось, повидимому, к признанию необходимости устранить всякие стеснения торгов в этом направлении. Выражались, правда, опасения в том смысле, что предоставленное всяким то́ргам, в том числе и то́ргам местного значения, право открывать магазины и отделения по всей территории СССР неминуемо должно будет повести к открытию во всех сколько-нибудь значительных центрах излишнего количества отделений и магазинов провинциальных то́ргов, чем будет создано вредное скопление ненужных торговых органов, конкурирующих между собою и создающих нездоровую атмосферу. Эти опасения, однако, не были признаны в достаточной мере жизненными. По мнению противников ограничения территории для деятельности торговых предприятий—трудно предположить, чтобы правильно поставленные предприятия стали открывать свои отделения и магазины в тех местах, где такое открытие сопровождалось бы неоправдываемым риском; и во всяком случае указанные в значительной мере проблематичные отрицательные стороны свободы торговых предпри-

ятий в деле территориального расширения их торговой деятельности, несомненно, должны уравновешиваться теми положительными результатами, какие будут достигаться для государственного хозяйства здоровым развитием деятельности торговых предприятий, для коих завоевание широкого рынка будет основано на реальных данных. Поэтому в конечном результате вопрос, повидимому, разрешается, в смысле предоставления всем то́ргам права совершать свои сделки на всей территории Союза и открывать на всей территории Союза конторы, агентства, представительства, объединения, магазины, склады и иные операционные единицы, *поскольку уставами их не предусмотрено ограничение районов деятельности.* Таким образом, известный контроль по вопросу об определении территории для деятельности того или другого то́рга законом все же предусматривается, но этот контроль приурочивается к моменту утверждения его устава, когда утверждающий устав орган получает возможность, в случае явной к тому необходимости, создать и необходимое ограничение в указанном смысле. Следует иметь в виду, что право организовывать то́рги предоставлено лишь сравнительно ограниченному кругу государственных органов. Сюда, кроме Народных Комиссаров Союзных и Автономных Республик, относятся только их местные органы не ниже губернского (окружного) значения, поскольку положениями, на основании которых они действуют, им предоставлено право организовать торговые предприятия и непосредственно руководить последними. Совместная организация то́рга несколькими государственными учреждениями признана вместе с тем недопустимой.

Согласно изложенной схемы, торги могут быть предприятиями общесоюзного, республиканского и местного значения. Перечень торгов общесоюзного значения утверждается Президиумом ЦИК СССР; разделение же торгов на торги республиканского и местного значения производится в порядке законодательства Союзных Республик. Этим разделением определяется и порядок утверждения уставов торгов и порядок управления ими.

Чрезвычайно существенный вопрос о порядке установления имущества торга также вызывает значительное разногласие: по проекту состав имущества, передаваемого торгу в виде уставного капитала, определяется учреждением, организующим торг, которое и составляет этому имуществу инвентарную опись и оценку по существующим рыночным ценам, при чем имущество это передается по утверждении устава торга его Правлению по особому акту.

Это положение вызвало ряд сомнений. Так, указывалось, что требование передачи всего имущества торгу полностью до его регистрации должно быть признано нецелесообразным. Для такой передачи торгу имущества в счет уставного капитала может быть установлен определенный срок не свыше нескольких месяцев, примерно 6-ти, и до момента регистрации торга в его распоряжение должно быть передано не все имущество, а лишь часть его.

По другому мнению по этому вопросу — момент установления размеров передаваемого торгу уставного капитала должен быть приурочен к моменту утверждения устава, а не к моменту составления такового. Следует помнить, что торги по новому уставу могут возникать не только вновь и не только преобразовываться из уже существующих на коммерческом расчете торговых предприятий, но и из отделов учреждений, действующих на началах хозяйственного расчета. Товар таких предприятий, подлежащий инвентаризации для передачи его образуемому вновь торгу в счет уставного капитала,

несомненно, претерпит изменения с момента представления устава торга на утверждение и до его утверждения.

Приведенными по вопросу об уставном капитале мнениями далеко не исчерпывается, разумеется, весь комплекс соображений выдвинутых по вопросу об уставном капитале, но эти соображения в значительной мере относятся к области бухгалтерии, а не правовой. Поэтому мы здесь ограничимся лишь приведенным.

Что касается до определения самого понятия уставного капитала и его элементов, то, по последней редакции проекта, под уставным капиталом торга надлежит понимать капитал, передаваемый государством торгу и фиксируемый в его уставе, при чем в состав уставного капитала включается все имущество, т. е., как не изъятое, так и изъятое из гражданского оборота.

Земля, ее недра, воды и леса в состав капитала торга не входят, но в отчетах и публикуемых балансах показываются особой внебалансовой статьей: количество десятин земли, ее недр и лесов, отведенных торгу, со справкой об их довоенных ценах.

Никаких сомнений по существу не вызвало и не могло вызвать подчинение торгов общему для всех государственных предприятий правилу, по которому прибыль, полученная торгом от его операций, поступает в доход казны. Но отсутствие, как в действующем законодательстве, так и в практике в достаточной мере твердо установленного и отвечающего требованиям жизни, принципа, на котором должен базироваться порядок определения прибыли гос. предприятий, подало повод к попытке найти такой принцип при обсуждении законопроекта о торгах. И здесь столкнулись две диаметрально-противоположные точки зрения. Согласно первой из них: установление по годовому отчету прибыли, а равно определение размера отчислений из этой прибыли в запасный капитал на выдачу тантьем и наградных, а также в доход казны определяется органом, в непосредственном управлении коего находится торг по соглашению с НКФ СССР или подлежащей Союзной Республики по принадлежности. Лежащая в основании этой точки зрения мысль, о создании особого порядка для установления прибыли предприятия, в котором решающая роль будет в конце концов принадлежать ведомству организационно с ним не связанному, вызвала решительные возражения, которые в конечном счете сводились к нижеследующему: участие НКФ в деле определения общего размера прибыли существенно ограничивают полномочия администрирующего органа по отношению к подведомственному ему торгу, тем более что общий размер прибыли определяется по правилам бухгалтерии и не может быть поставлен в зависимость от усмотрения тех, или иных органов власти; правильность же исчисления прибыли, разумеется, может быть проверена НКФ и в случае надобности опротестована им, но, помимо этих соображений, нельзя не признать, что порядок установления прибыли предприятия, стоит в тесной связанности с процессом и порядком утверждения его отчетности.

Самое составление отчета является общепринятой и бесспорной функцией Правления, но составление отчета—функция только фактическая, критические же последствия связаны с его утверждением, и здесь вопрос представляется несравненно более сложным.

По общепринятому в последнее время порядку процесс утверждения отчетов и балансов таков: отчет, составленный Правлением предприятия, представляется со всеми приложениями и заключениями Ревизионной Комиссии на утверждение того органа, в ведении кото-

рого предприятие состоит. Последнее же подвергает балансы рассмотрению при участии представителей соответствующего НКФ. Таким образом, утверждение учреждением, всесоюзным предприятием его баланса и распределения прибылей производится фактически по соглашению с НКФ.

Но следует ли и можно ли это фактическое положение зафиксировать в законе и превратить в юридическое. Здесь мы, несомненно, входим в область более широкой проблемы, еще не изученной до конца, проблемы о юридической квалификации взаимоотношений между предприятием и государственным учреждением, коему оно подведомственно, иначе говоря об установлении юридических признаков самого понятия „подведомственности предприятия".

Является ли такое учреждение в известном смысле „хозяином" предприятия, который лишь несет ряд возложенных на него по этому поводу законом обязанностей по отношению как к государственной казне, так и к другим органам власти, регулирующим оборот, или же это учреждение является лишь простым органом управления государственным предприятием, каковым в своей области в этом смысле является и НКФ.

От разрешения этой основной в конечном счете проблемы зависит, разумеется, не только та или иная постановка затронутого выше частного вопроса о порядке утверждения баланса и установления прибыли предприятия, но и вопроса более широкого о размерах полномочий учреждения, ведающего предприятием по отношению к этому предприятию.

Ныне действующие декреты о трестах отводят ВСНХ (а следовательно и другим наркоматам, учредившим тресты) место среди органов управления трестом с точным обозначением правомочий ВСНХ по отношению к этому тресту.

Проект законоположения о торгах пошел по пути предуказанному названными декретами, но этот путь уже не может почитаться руководящим, так как все громче раздаются голоса, указывающие на логическую необходимость вынести все нормы, которые относятся к регулированию взаимоотношений между ВСНХ и его предприятиями, из текста закона о трестах, так как ведомство, учредившее трест, должно стоять вне его и над ним.

Но здесь упомянутые проблемы приходят в непосредственное соприкосновение с другой, ставшей уже на очередь более широкой проблемой о согласовании начал коммерческого расчета с началами государственного планового регулирования промышленности и торговли, и нельзя не признать, что только при достаточно рельефном размежевании границ юридических территорий, предоставленных действию тех и других начал, окажется возможным размежевать и согласовать функции государственных органов, регулирующих государственную торговлю и промышленность и управляющих ими, окажется возможным разрешить и прочие трудности, возникающие при обсуждении большинства существеннейших организационных моментов в законопроектах о государственных предприятиях.

Само собой разумеется, что вопросы такого порядка не могут быть разрешаемы во всей их полноте попутно при обсуждении того или иного частного организационного закона. Но, с другой стороны, они не могут и быть обойдены; и чем глубже они будут затронуты, тем жизненней окажется формулировка соответствующих положений закона.

На практике, несомненно, придется считаться с известной неустойчивостью таких положений и в законе о торгах, так как, при крайней сложности упомянутой проблемы, по самому существу ее трудно было бы ожидать создания вполне твердых директивных базисов уже ко времени выхода в свет этого декрета. Вместе с тем, едва ли следует желать его задержки в ожидании появления таких директив, как потому, что этот декрет нужен уже теперь, так и потому, что всякая недоговоренность или неправильность, хотя бы по природе своей имеющая принципиальную важность, если только она не делает всего закона не жизненным, может быть пополнена или исправлена позднее.

Таким образом, нельзя еще предугадать, во что выльется в конечном результате структура торга в декрете о нем, но структура, намеченная проектом, носит обычный для ныне действующих государственных предприятий характер. Так: в числе органов управления торгов значится, как уже указывалось выше, раньше всего учреждение им ведающее, с функциями, точно обозначенными в законе.

К таким функциям отнесены между прочим: назначение и смещение членов Правления, Ревизионной и Ликвидационной Комиссии, утверждение и изменение инструкций Правлению в пределах действующих законоположений и устава данного торга, рассмотрение и утверждение смет, а также плана действий на наступающий год на основах утвержденных в установленном порядке „перспективного плана внешней торговли и плана развертывания внутреннего торгового оборота Союза ССР“,—утверждение отчета и баланса; разрешение расходования запасного капитала; разрешение Правлению вносить существенные изменения в утвержденный план действий и др. аналогичные с правомочиями ВСНХ по декрету о трестах от 10/IV—23 г.

Повторена и статья, устанавливающая для учреждения организовавшего торг запрет вмешиваться в административно-оперативную работу Правления торга.

Пределы настоящей статьи не позволили бы, да едва ли представляется и необходимым долее останавливаться на доказательствах той мысли, что именно в этой области, т. е. в области указанных правомочий, определяющих взаимоотношения учреждения, ведающего торгом, с этим торгом, далеко не все основано на действительном положении вещей, и что освещение этого положения вещей и должно явиться одним из центральных вопросов, которые очень скоро потребуют необходимых авторитетных разъяснений.

Кроме учреждения, ведающего, как только что указано, торгом и обладающего точно перечисленными полномочиями, органом управления торгом является Правление или единоличный управляющий торгом.

Как Правление так и управляющий назначаются учреждением организовавшим торг, которое определяет и размер и форму вознаграждения членам Правления и управляющему.

Правление ведет все операции и заключает все сделки, входящие в круг деятельности торга, при чем „для третьих лиц имеют силу лишь те ограничения полномочий Правления (или единоличного управляющего), которые установлены в законе или уставе. Ограничения же, установленные в инструкциях организовавшего торг учреждения, обязательны для третьих лиц только в случаях, если они были или должны были быть им известны“.

Более своеобразно строение ревизионной Комиссии, в состав которой должны входить: один член и председатель по назначению учредителя торга и один по назначению Н. Комиссариата Финансов Союза или подлежащей Республики или же соответствующего местного Финотдела по принадлежности.

Вознаграждение всем членам Ревизионной Комиссии определяется организовавшими торг учреждением и уплачивается Правлением Торга.

Наконец, ликвидация торга по проекту осуществляется в предусмотренных законом случаях по постановлению учреждения организовавшего торг, утвержденному в том же порядке, какой установлен для утверждения торга. Ликвидация производится Ликвидационной Комиссией, назначаемой тем же учреждением, но при участии представителя соответствующего Народного Комиссариата Финансов в определенный, но не свыше одного года срок.

Заканчивая на этом очерк главнейших только положений законопроекта о торгах, вопросов, связанных с этими положениями (большего не позволили бы сделать размеры настоящей статьи), нельзя не пожелать, чтобы эти вопросы подверглись возможно более широкому обсуждению в печати, которое дало бы всесторонне обработанный материал для их конечного разрешения в законодательных формулах.

П. Эйбушитц.

Вопросы цивилистики.

Иск о прекращении кооператива.

„Устав культурно-просветительного кооперативного т-ва „Начатки Знаний“, зарегистрированный кустарно-кооперативным бюро при Севзапромбюро 10 декабря 1923 г. за № 82, признать утратившим силу, а самое т-во обратить к принудительной ликвидации, предложив таковую произвести кустбюро местной промышленности Ленинградского Губисполкома в порядке устава т-ва“.

Распоряжение это исходит не от органов власти, которому подведомственны регулирование и контролирование действий и имущества промысловой кооперации вообще или которому присвоены надзор и право репрессии за противозаконные действия культурно-просветительных кооперативных организаций. Приведенная цитата представляет собой текст резолютивной части решения, постановленного Ленинградским Губернским судом 18 мая 1926 г. по иску Отдела местной промышленности Ленинградского Губисполкома об аннулировании устава культурно-просветительного т-ва „Начатки Знаний“.

Из дела и объяснений истца (выступали 2 юриста) нельзя усмотреть, почему вопрос об аннулировании устава, при том устава надлежаще регистрированного, подсуден суду и при том именно губернскому суду. Отсутствие ответа на этот вопрос тем заметнее, что, во-первых, ответчиком означенный вопрос в суде был прямо поставлен, во-вторых, вопрос непосредственно стоит в связи со ст. 2, 14, 18 Гр. Пр. код. и со ст. 4, 6, 10, 21-24 Гр. Пр. код. От решения вопроса о подсудности стоит в зависимости проблема добросовестного использования тяжущимися своих „процессуальных“ прав (ст. 6 гр.

пр. код.); избрание того либо другого органа судебной власти, ибо народный, губернский и верховный суд компетентен каждый в рассмотрении определенной ему категории дел (ст. 21-24 Гр. Пр. Код.); без указания согласно ст. 4 Гр. Пр. Код. узаконения, в силу которого истец предъявил настоящий иск именно в губернском суде, а последний принял и рассмотрел его, решение губернского суда вообще может вызывать большие недоумения разного порядка.

Может быть, останавливаться на упомянутом решении было бы излишне, так как недоумение тут довольно элементарное. Однако, повидимому, подобное недоумение не единичное и дошло до Пленума Верховного Суда.

Отдел местной промышленности Ленинградского Губернского Исполнительного Комитета (истец) в объяснении против кассационной жалобы настаивает на необходимости судебного решения и для аннулирования устава кооператива, и для ликвидации кооператива, а кассатор-ответчик возражает, что судебного решения не должно и не может быть. Истца смущает текст ст. 16 декрета 24 мая 1923 года (С. У. 1923 № 49 ст. 488): „Принудительная ликвидация промкооперативов может последовать лишь по постановлению суда или по постановлению ВЦИК, СНК и СТО“), ответчик-кассатор объяснил, что декреты о прекращении, слиянии, разделении кооперативов (С.У. 1923 № 49 ст. 488 и № 85 ст. 831) и об охране труда в них (С. У. 1922 г. № 63 ст. 810) опубликованы в „дополнение“ к основному декрету 7 июля 1921 г. о промысловой кооперации, что основные начала у них одни (ст. 6 „организация пром. кооперативов является делом государственно необходимым“; ст. 13 „наблюдение возлагается на органы ВСНХ); что Инструкция НКТр. и НКЮ о порядке применения (Труд 1923 № 53) декрета о труде говорит о привлечении к уголовной ответственности и о „приговоре“ (не о гражд. решении) и что в решении губернского суда напрасно сделана ссылка на ст. 18 Гр. Код. в оправдание резолюции о принудительной ликвидации, ибо в тексте ст. 18 указывается, что существование юридического лица прекращается „соответственным органом власти“, т. е. органом, уполномоченным на регистрацию кооперативного устава (ст. 14 гр. код.), а не судом.

Кассационным решением Верховного Суда 17 августа 1926 г. отменено решение Ленинградского губернского суда и дело прекращено производством. Мотивы прекращения изложены лаконически просто ссылкою на разъяснение Пленума Верховного Суда по другому делу.

Означенное разъяснение формулировано так: „В виду того, что в судебном порядке могут лишь разбираться споры о праве гражданском за исключением особо указанных в законе случаев, а вопрос о прекращении существования юридических лиц сверх случаев предусмотренных законом (по несостоятельности) не является спором о праве гражданском, разъяснить, что вопрос о прекращении существования артелей и других юридических лиц сверх случаев ликвидации по несостоятельности или по уголовному приговору суда разрешается в административном порядке соответствующими органами власти“. (Протокол № 12—19 мая 1925 г. по д. „Пильщик“). [1]).

Несколько раньше приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда на запрос ВСНХ РСФСР последовало 24 мая 1926 года следующее сообщение Народного Комиссара Юстиции: „1. Согласно

[1]) Только что напечатано в №.34 Еженед. Сов. Юст. (стр. 1032).

Декрета ВЦИК и СНК от 24 мая 1923 г. „о порядке прекращения промыслово-кооперативных товариществ и их союзов (С. У. 1923 г. № 49, ст. 488), как названные союзы (ст. 16 декрета), так и отдельные промыслово-кооперативные товарищества (ст. 3 декрета, § „г") подлежат ликвидации, в числе других оснований, „по постановлению суда, а равно по постановлению ВЦИК, СНК и СТО" (в настоящее время—ЭКОСО).

Ст. 18 Г. К. предусматривает принудительное прекращение, в случаях ею указанных, юридических лиц распоряжением соответственных органов государственной власти в административном, а не судебно-исковом порядке. ВСНХ, как орган наблюдающий за деятельностью кооперативной промышленности, признавая необходимым принудительную ликвидацию, по указанным ст. 18 ГК основаниям, промыслово-кооперативного объединения,—представляет об этом в соответственный, указанный декретом 24 мая 1923 г., высший правительственный орган.

2. Вопрос о принудительной ликвидации промыслово-кооперативного предприятия может быть, в согласии с § „г" ст. 3-й Декрета от 24 мая 1923 г. поставлен, однако, также в суде, и именно в суде уголовном, хотя вынесение постановления о ликвидации не должно обязательно иметь место в любом вообще случае (как указано в Вашем вопросе) „возбуждения уголовного преследования против отдельных членов этих организаций в совершении тех или иных уголовно наказуемых деяний". Соответственное постановление суда выносится в зависимости от конкретных обстоятельств дела в совокупности добытого на суде материала (как указывает, в частности, § 6 Инструкции НКТруда и НКЮста, опубл. в газете „Труд" от 9-го марта 1923 г. № 53),—в отношении дел о лжекооперативах, прекращаемых согласно ст. 5 Декрета СНК от 26-го сентября „об охране труда и обеспечении прав лиц, работающих в промыслово-кооперативных предприятиях" (С. У. 1922 № 63, ст. 810).

В. С. Малченко.

Правовые вопросы ледкампании 1925—26 г. в Ленинградском торговом порту.

Нижеприводимые соображения имеют целью выяснить, насколько справедливы претензии иностранных пароходных компаний, суда которых были зафрахтованы советскими хозорганами в ледкампанию 1925—1926 гг.

Дело в том, что законтрактованные иностранные компании, пользуясь необычайно льготными для них условиями фрахтовых договоров, совершенно не считаются с крайне суровыми обстоятельствами минувшей зимы и все убытки, происшедшие из-за этого, пытаются возложить на фрахтователей. К этим убыткам иностранцы относят, прежде всего, потерю времени при случайных задержках торговых судов в порту или на пути к порту. Эти два положения „в порту" и „на пути к порту"—необходимо различать, как это делается в наиболее богатой прецедентами английской судебной практике. Возможность ссылки на последнюю необходимо иметь в виду, так как капитаны иностранных пароходов соглашались подписывать коносаменты лишь при письменном подтверждении, что могущие

возникнуть претензии судовладельцев к фрахтователям будут рассматриваться за границей [1]).

Второе положение (на пути к порту) сводится к определению, является ли порт назначения данного судна „физически безопасным" по английской юридической терминологии. По этому вопросу руководящим следует считать недавнее решение (1921 г.) английского суда по отделен. королевск. скамьи, подтвержденное апелляционной инстанцией. Судовладельцы требовали от фрахтователей возмещения убытков: 1) за посылку пароходов в Або, несмотря на то, что Або был во льду, и 2) за то, что судно получило повреждения, пробиваясь во льду на пути к Або. Однако, и апелляционный суд в виду того, что Або обслуживался всю зиму ледоколами, признал, что Або не является закрытым портом из-за льда и что поэтому отправка фрахтователями парохода в Або не нарушает условий чартера, согласно коему фрахтователи обязались не посылать парохода в закрытый льдом порт, на пути к которому ему пришлось бы пробиваться через лед [2]). По общему принципу, формулируемому тем же Карвером, если сторона в договоре морской перевозки налагает на себя обязанности, от которых ее освобождает обычное право, конечно, при отсутствии вины обязавшейся стороны (например, при воздействии стихии—act of God), она должна исполнять взятые на себя обязательства, несмотря на неизбежность наступившего (not withstanding any accident by inevitable necessity). Очевидная безжизненность приведенной теории подтверждается английской же судебной практикой. Впрочем, и сам Карвер еще в начале своего обширного труда, выясняя, при каких обстоятельствах извинительно воздействие стихии, указывает, что при всей строгости обычного права [3]) к таким обстоятельствам относятся настолько неопреодолимые, что никакое разумное человеческое предвидение или старание (no foresight or endeavour of non reasonably to be expected) не могло предупредить их (would have prevented their operation). Что же касается практики, то другой английский юрист, Скрэттон [4]), не менее компетентный в вопросах морского права, ссылается на решение 1902 г. англ. суда по отделен. королевской скамьи по делу Traae and Lennord. Разбираемый судом в этом деле фрахт договор относил задержку из-за льда за счет фрахтователя (detention by ice to be for the account of the charterers). Зафрахтованный пароход был поврежден при посадке на мель, и его ремонт оказался настолько продолжительным, что он пришел в Ленинград лишь по вскрытии льда, простояв до этого времени в Риге. Суд признал право на фрахт лишь за рейс из порта ремонта до Риги, отказав в нем за время стоянки в Риге до весны.

Далее, предоставление помощи ледокола судам, идущим в порт, как это обусловлено было фрахтовыми договорами, заключенными советскими хозорганами, имеет свои пределы, не распространяясь далее границ территориальных вод СССР, т. е. свыше их максимальной ширины в 12 морских миль, согласно современным международным воззрениям [5]). Для Финского залива зону в 12 миль следует

---

[1]) Т. е. вернее всего в Лондоне, как мировом центре торгового мореплавания.

[2]) Carver, A treatise of the law relating to the carriage of goods by sea, 1925 г., издание 7-ое, Лондон.

[3]) The first of the exceptions to strict rule of common law is, thot the shipowner is non responsible for losses or domage resulting from acts of God.

[4]) Scrutton. The contract of affreightment as expressed in charter-parties and bills of lading, 1925 г. 12 изд. Лондон.

[5]) О чем подробнее см. нашу статью о террит. море в журн. „Торговый флот", январь 1926 г, Ленинград.

считать от прямой линии, мысленно проведенной между берегами залива, находящимися в полном обладании СССР и заключающими внутренние национальные воды. Следовательно, от южного берега, принадлежащего СССР вплоть до Нарвской губы, пределы открытого моря отстоят дальше, чем от северного (финляндского) побережья. Как усматривается из учебника международного права герм. проф. Ф. Листа, в последнем (пятом) переводе его в 1925 г. проф. В. Э. Грабаря, в своих территориальных водах государства согласно национальным законам обеспечивают безопасность мореплавания, но, в силу международных договоров, принимают на себя и обязательства о содержании в исправном состоянии, например, маяков, боканов и проч. на морских путях сообщения. Такое соглашение было заключено и ныне продолжено СССР с Финляндией о содержании маяков.

По вопросу о задержке в самом порту общим положением английской судебной практики является безответственность фрахтователя за задержку судна по окончании погрузки. При чем, если таковая действительно окончена, то фрахтователь не имеет права задерживать судна, даже если не истекли еще сталийные дни. В соответствии с приведенной формулировкой состоялось решение английского суда еще в конце 18 столетия по поводу судна, прибывшего в Кронштадт за грузом сала. Хотя по соглашению с отправителями груз должен был быть погружен до 1 сентября, тем не менее из-за медленности доставки его в Кронштадт, фактически груз был погружен только к 28 декабря, когда, наконец, судно было готово к выходу в море. Однако, неблагоприятный ветер и наступившее раннее замерзание заставили капитана вернуться в Кронштадт, откуда окончательно судно вышло только 11 мая. В последней судебной инстанции (палате лордов) было признано, что фрахтователи ответственны перед судовладельцем за убытки по простою только за время с 1 сент. до 29 окт., т.-е. до момента готовности к выходу в рейс. Иначе говоря, обязанности фрахтователя считаются выполненными, как только окончена погрузка, и последующая задержка судна, как, например, из-за льда (as by ice), падает на судовладельца. В отношении же фрахтовки на обратный рейс из Ленинградского торгового порта следует заметить, что еще до прихода в порт судовладельцы из донесений своих капитанов о задержке из-за льда на пути в порт учитывали, как трудно будет выйти сразу из него по окончании при исключительно суровых условиях текущей зимы. Поэтому, включая во фрахт. договор соответствующую оговорку, они отлично знали, что таковая может быть выполнена контрагентом лишь в пределах возможного, т.-е., поскольку выход из порта с помощью ледокола может действительно иметь место. Вместо посылки фрахтователям ряда протестов, самим судовладельцам следовало бы с большей энергией, в лице их местных агентов, настаивать на скорейшем выводе их судов из порта, следуя словам Карвера, что и судовладелец, если судно на простое, всемерно обязан содействовать уменьшению последующих убытков (shipowner is bound to do what may be reasonable to mitigate consequent loss to himself).

Не менее важным является вопрос о праве фрахтователя ссылаться на стихийные условия, вызвавшие задержку судна как в порту, так и в море, т.-е. на пути к порту. По общераспространенной практике судовладельцы обычно стремятся обезопасить себя от ответственности перед фрахтователями путем включения всевозможных оговорок во фрахт. договор [1]), как имело место и в рассматриваемых случаях.

---

[1]) О чем в связи с критикой морского торгового кодекса СССР см. нашу статью в „Вопросах трансп. права“ № 9, 1925 г., приложение к журн. „Вестник Путей Сообщения“.

И это обстоятельство обратило уже внимание судебной практики, начавшей признавать, что в интересах справедливости и фрахтователи имеют право ссылаться на аналогичные оговорки. Как показывает ряд судебных решений, приводимых Карвером и Скрэттоном (из них некоторые относятся к 1920 и 21 г. г.), указанные оговорки носят ныне взаимный характер (mutuable excepted), как в интересах судовладельцев, так и фрахтователей, так как современные чартеры представляют собою двусторонние договоры с взаимным распределением между сторонами их прав и обязанностей. Только в тех редких случаях, когда договор перевозки морем грузов имеет одностороннюю форму— волеизъявления одного судовладельца (in a form of the separate covenant of the shipowner), включенные в него оговорки о снятии с судовладельца ответственности не распространяют своего действия и на фрахтователя.

Фактически суровость зимы 1925—26 г. отразилась на месте разгрузки некоторых пароходов, шедших в Ленинград, вместо которого им пришлось выгрузиться в портах лимитрофных государств (Эстонии, Латвии и Финляндии). Если подобная выгрузка производится без разрешения фрахтователя, иностранная судебная практика крайне строго к этому относится, обязывая капитана ждать известное время прежде, чем выгрузиться в другом порту. Срок такого ожидания определяется коммерческими соображениями и характером рейса судна. Например, в закрытых льдом реках и морях срок выжидания может продолжаться до растаяния льда (till the ice melts), как признано было в двух судебных решениях, приводимых Скрэтоном. В решении же 1877 г., где пароход вместо разгрузки в Таганроге, как было условлено по фрахт. договору, разгрузился в Керчи из-за льда при входе в Азовское море, суд не признал такую разгрузку правильной, так как задержка из-за льда была временной, как обычно случается на пути к замерзшему порту. Наиболее сложным вопросом в связи с разгрузкой не в Ленингр. торг. порту, оживленно обсуждаемым заинтересованными хозорганами, является вопрос о том, можно ли случаи повреждений во льду зафрахтованных на Ленинград пароходов относить к общей аварии со всеми вытекающими отсюда последствиями [1]). Как известно, заход этих пароходов в порты лимитрофов вызывался разрешением на это самих фрахтователей в полном соответствии с интересами судовладельцев. Таким образом, первопричиной захода была не непосредственная опасность (imminent danger—по английской юридич. терминологии) будто бы грозившая большинству судов, а опасение (может быть и преувеличенное) о подобной опасности. И еще реальнее — убытки от задержек того или другого судна во льду. Так что из-за предотвращения этих убытков фрахтователи, с одной стороны, давали согласие на разгрузку в необусловленном фрахт. договором порту, а с другой стороны, судовладельцы настаивали на таком отступлении от соответствующего условия фр. договора. А это значит, что при указанных обстоятельствах порт захода, ставший и портом окончательной разгрузки, а вместе с тем и портом измененного назначения судна, невозможно считать портом убежища, куда судно вынуждено было зайти, укрываясь от грозящей ему опасности. Таким образом, здесь отпадает наиболее характерная для общей аварии цель при заходе

[1]) Пытаемся выяснить этот вопрос с наибольшей обстоятельностью в виду того, что не меньше половины судов не дошло до Ленингр. торг. порта.

в промежуточный порт—дальнейшее продолжение плавания до порта назначения. При чем, как учит английская доктрина и практика (впрочем и других стран), даже, если бы подобный заход и был сделан для продолжения плавания до порта первоначального назначения, то все-таки все случайные (accidental) повреждения, без исправления, коих судно не может продолжать плавания, относятся к частной аварии, падая целиком на судовладельца (the cost of the repairs falls wholly upon the shipowner). Следовательно, при заходе в любой порт, лежащий ближе Ленингр. торг. порта, на пути следования к нему, судно не имеет права объявлять общую аварию при получении случайных повреждений во льду, даже, если порт захода оказывается для данного судна в полном смысле портом убежища, откуда оно после ремонта предполагает выйти для достижения порта первоначального назначения. Но, как уже выше указано, заход зафрахтованных на Ленинград судов в порты лимитрофов имел место не столько для ремонта и продолжения затем рейса в Ленингр. торг. порт, сколько почти исключительно для разгрузки в этих портах. Что же касается повреждений, то они произошли не от предотвращения грозящей опасности, каковые расходы подлежат по общим правилам отнесению к общей аварии, а преимущественно по случайным причинам из-за льда, т.-е. без какой-либо преднамеренности нанесения вреда во избежание еще большего. Сказанным, однако, не исчерпываются претензии судовладельцев на объявление общей аварии. Наибольшего внимания заслуживает случай с датским пароходом „Эмма Мерск", обратившегося к помощи датского же ледокола, специально вызвав его. На первый взгляд кажется, что у этого парохода были некоторые основания для объявления общей аварии при заходе в один из портов ближе Ленинграда, так как полученная этим пароходом течь порождала беспокойство у его капитана за дальнейшую безопасность вверенного ему судна. Однако, незначительность этой течи, в смысле безопасности судна, подтверждается самим фактом возможности выжидания из отдаленного заграничного порта прихода вызванного капитаном ледокола. Можно с уверенностью утверждать, что это выжидание еще более подчеркивает отсутствие непосредственной опасности, грозившей судну, что оправдывало бы принятие общеаварийных мер и в том числе вызов указанного ледокола. В той обычной обстановке, которая характеризует общую аварию, когда дорога каждая минута, капитану следовало бы обратиться, если непосредственная опасность действительно имела место, к ближайшему советскому ледоколу, каковым был „Ленин" [1]) с его мощными водоотливными средствами. Недалеко находился еще более сильный ледокол „Святогор", который в сущности помог слабосильному датскому ледоколу пробиться во льду, так как последний шел по пробитому „Святогором" льду. В общем странным представляется та роскошь, которую позволил себе капитан датского парохода, вызывая иностранный ледокол, стоимость услуг которого, по приблизительным подсчетам, определяется в 2—3 тысячи [2]) фунтов стерлингов, тогда как помощь советских ледоколов оказывается по существующим правилам проводки через лед, утвержденным Наркомторгом, совершенно безвозмездно. Единственным расходом, который согласно Йорк-Антверпенским правилам задержавшиеся во льду суда,

[1]) Который подходил с специальной целью для проводки этого п/х. в Ленинград.

[2]) Так как в оплату этих услуг будет, несомненно, включена стоимость сожженного угля еще до приступления к работе вместе с потерей времени и расходами на содержание команды.

шедшие на Ленинград, в праве отнести к общей аварии, это—те расходы, которые они понесли при заделывании путем цементирования трещины в корпусе или, цожалуй, стоимость ремонта помп при их форсировании во время откачки воды. Подобного рода повреждения вовсе не вызывали необходимости в заходе в порт убежища в качестве дополнительной общеаварийной меры и тем более вызова иностранного ледокола. Что же касается захода в порт убежища в качестве самостоятельной общеаварийной меры, т. е. до получения повреждений, то было бы большой натяжкой утверждать, что у большинства судов, шедших в Ленинград торг. порт, представлялась в этой мере надобность. По общепризнанному взгляду стечение таких обстоятельств, которые представляют непосредственную опасность для судна и груза, создает презумпцию общей аварии с правом капитана прибегнуть к заходу в порт убежища в качестве самостоятельной общеаварийной меры, если, конечно, само судно, независимо от возникшей опасности, не было вполне приспособлено для плавания и перевозки грузов, не удовлетворяя трем требованиям, формулированным английским законом 1924 года о морской перевозке (ст. III § 1 Правил, прилож. к этому зак., возлагает на перевозчика перед началом рейса: 1) привести судно в состояние мореходности, 2) надлежащим образом снарядить, оборудовать и снабдить его и 3) приспособить трюмы, рефрижераторы и прочие части судна, где перевозится груз, для безопасного принятия, перевозки и сохранения груза). За исключением германских пароходов [1]) „Альтенгамме“, ставшего на мель в финских водах и „Триумф“, зашедшего в Гельсингфорс, все остальные суда, заходившие в порты лимитрофов, отнюдь не были в положении оставленных ледоколами, так как последние все время находились возле них, устраняя какую-либо непосредственную опасность, грозившую им и оправдывавшую поэтому заход в порт убежища еще до получения повреждений. Как известно, недостаток угля и припасов также может оправдывать заход в порт, как самостоятельная общеаварийная мера, но это только в том случае, если запасы снабжения истощились из-за задержек в плавании, которые не могли быть предусмотрены. А это значит, что отправляясь в ледяное плавание, следовало запастись достаточным количеством угля и припасов на случай непредвиденных задержек из-за льда. В частности, в отношении угля следует заметить, что особого расхода его не могло быть, так как при буксировке ледоколами своего угля суда не жгут—их тащат, в буквальном смысле, как барки.

По вопросу о фрахте за задержку, происходящую при отправлении в рейс или при нахождении судна в море, заслуживают внимания постановления германского и французского законов. Французский торговый кодекс (ст. ст. 277—300) устанавливает, что в силу указанных задержек из-за случайностей или стихийных причин фрахт вообще не увеличивается (n'est augmenté) и ни с кого не причитается возмещения за убытки (il n'est dû de dommages-intérêts ni de part ni d'autre). Однако при тайм-чартерах, т. е. длительных фрахт. договорах на срок, справедливость требует, как указывают комментаторы Code commercial, Renault и Lyon-Caën, чтобы расходы при задержке на содержание и зарплату команде распределялись по правилам общей аварии. При разовых же рейсах такие расходы, как частная авария,

---

[1]) Оказавшихся вне сферы действия советских ледоколов и согласно вышесказанному о границах советских территориальных вод, не могущих претендовать на помощь этих ледоколов.

падают на судовладельца. Определеннее высказывается германское торговое уложение (§§ 629-636), разрешающее расходы из-за задержки судна по стихийным причинам или случайным распределять между судном, фрахтом и грузом, хотя бы реквизиты общей аварии не имелись налицо.

Выдача, согласно исполнительным листам, капитанами судов импортных советских грузов [1]), доставленных ныне в порт, не может с точки зрения международного частного права возбуждать сомнений, так как не противоречит общеизвестному принципу этого права, впервые формулированному знаменитым юристом Савиньи, о подчинении договоров закону места их исполнения (lex loci solutionis). Этим законом здесь является закон СССР, так как с доставкой в пределы Союза означенных грузов следует считать выполненными и самый договор морской перевозки. При чем, за отсутствием пока в советском законодательстве соответствующих норм [2]), советский суд при выдаче помянутых листов обязан руководствоваться общемеждународным воззрением о залоговом праве судовладельца на грузы, перевозимые его судном, только в обеспечение причитающегося за перевозку фрахта и взносов по общей аварии [3]). Законами же отдельных стран залоговое право судовладельца [4]) еще ограничивается обязанностью его депонировать грузы судебным порядком в береговые склады, как это и имело место с помянутыми грузами, переданными в портовую таможню, откуда, согласно Тамож. Уставу, груз не выпускается по заявлению капитана до представления следуемых совладельцу платежей. По указанию вышеупомянутых комментаторов франц. кодекса, Рено и Лион-Кена, сдача грузов в склад судебным порядком есть единственный компромисс между интересами перевозчиков и купцов, так как длительное удержание грузов на судне до разрешения их споров грозит ухудшению состояния и грузов.

В. Голубев.

К пересмотру гербового устава.

Сейчас около вопроса о пересмотре гербового устава сплелось много нитей. Цель настоящего наброска — указать на желательность некоторых законодательных коррективов, коснуться тех основ, которые излишне осложняют простой и по существу незамысловатый вопрос.

Поверхностного взгляда на редакцию действующего гербового устава и ряд последовавших в его развитие разъяснений достаточно, чтобы понять, что закон, помимо своего основного назначения, задавался целью опереться на нормы гражданского кодекса. Сначала мне хочется остановиться на выводах, которые невольно возникают по поводу этой попытки.

---

[1]) Как это сначала имело место, но потом было ликвидировано благодаря соглашению обеих сторон.

[2]) О соответствующих постановлениях проекта Морского Торгового Кодекса СССР см. ниже.

[3]) Без ограничений признает залоговое право на фрахт судовладельца § 614 Герм. торг. улож. По Англ. обычн. праву залоговое право сохраняется и в обеспечение особых издержек (particular expenses), понесенных судовладельцем для безопасности груза.

[4]) Ст. 306-308 Франц. торг. код. ограничивают залоговое право обеспечением фрахта и общеав. взносов, такая же формулировка и в бельгийск. зак. (ст. 78), итальян. (ст. 580), испанск. (ст. 665), голланд. (ст. 487), португ. (ст. 561), финляндск. (ст. 109-113) и южноамер. респ. Чили и Аргент. по ст. 149 проекта.

Обращаюсь к дословному тексту № 48 Подр. Перечня. Он привлекает к оплате пропорциональным гербовым сбором „заказы или наряды в письменной форме, содержащие в себе предложение исполнить, на известных условиях, поставку товаров, материалов и др. имущества или работу, т.-е. являющиеся проектами (со стороны заказчика) договоров". Отдел 3 ч. 2 Табели, далеко не имеющий при том исчерпывающего значения, построен на тех же началах, в частности—на нормах статьи 130 Гр. Код. Эта статья говорит: „договор признается заключенным, когда стороны выразили друг другу—в подлежащих случаях в требуемой законом форме—согласие по всем существенным его пунктам. Существенными, во всяком случае, признаются предмет договора, цена, срок, а также все те пункты, относительно коих, по предварительному заявлению одной из сторон, должно быть достигнуто соглашение".

И редакция приводимых статей и целый ряд последовавших по этому поводу толкований не оставляют сомнения в правильности высказываемого мною взгляда. Значит, закон стремится сблизить две дисциплины — налогово-гербовую и юридическую. Значит, в основу рассуждения, полупроцентом ли или только одною десятою процента должен оплачиваться документ, кладутся нормы 130 ст. Если документ содержит все упомянутые ст. 130 реквизиты—его следует привлекать к оплате 0,5%. Если часть реквизитов отсутствует—документ следует оплачивать 0,1%. Следовательно, документы привлекаются к обложению по объективно-юридическому признаку. Громадное количество труда, потраченного руководящими центрами на внедрение этих понятий в сознание плательщиков и представителей фиска, составляет едва ли не треть всей литературы, данной в развитие и дополнение гербового устава.

Теперь, посмотрим поближе, во что может все это вылиться.

Если обязательным признаком договора является указание на цену, срок и количество—признак этот всегда можно скрыть. Каким законом запретят, напр., мне составить требование на отпуск товара на такую-то сумму и не указать количества просимого или сорта? Как можно запретить поступить наоборот, т.-е. обозначить количество, но оговориться, что цена просимого должна быть прейскурантной?— Вот вам и повод, по которому сделку можно оплатить 0,1%, вместо 0,5. Не забудем, что сбор дает громадные цифры поступления. Вопрос осложняется еще и тем, что, как общее правило, фискальные законы распространительного толкования не терпят. Значит, при определении размера гербового сбора, падающего на оплату сделки, всегда необходимо балансировать два взаимно противуположных принципа—ту нераспространяемость, о которой я говорю, и нормы гражданского код., открывающие широчайшее поле для толкований. Но этого мало. С того момента, когда требования закона более прочно улягутся в сознание плательщиков—искусственное сокрытие реквизитов станет неизбежным явлением. Это явление неизбежно же повлечет за собою и многомиллионные недоборы.

В защиту разделения документов на договорные и недоговорные выставляется довольно своеобразный довод. Нам говорят: документы первой категории свидетельствуют о большей имущественной заинтересованности составителей; второй—о меньшей. Одни из них—одной юридической крепости, другие—другой. Плательщик, по внешне юридическому признаку, берется под защиту закона. Критики все это, конечно, не выдерживает. Начать с того, что документы второй категории, в подавляющем большинстве своем, выдаются вовсе не бедным

обывателем, а предпринимателем. Сам сбор при этом, как, впрочем, и всегда, дифференцируется. Какие-нибудь расписки по приему вкладов, документы грузовые или страховые, квитанции по приему вещей в окраску или переделку, выдаются вовсе не обывателем. Несомненно —по суммам такие документы часто ничтожны. Ну—и что ж из того? Гербовый сбор есть сбор пропорциональный. Если сумма документа невелика, невелик должен быть и сбор—и только. Затем—силы правового доказательства документы второй категории, конечно, не теряют. Зачем же тут юридические мерки, при чем здесь нормы 130 ст., кого и от чего они защищают? Где и в чем доказательство, что они вносят ясность, а не затемняют вопрос? И, если бы, вместо юридического разделения на две группы, закон положил бы в основу суждения не этот принцип, а обычную арифметическую пропорцию—сразу же был бы положен предел не только возможности недобора, но и некоторых других, о которых я буду говорить ниже. Если гербовый устав, несмотря на существование гражданского кодекса, не стесняется определять по своему, что такое, напр., имущественная или торговая сделка, если он, удержав нормы 130 ст. для того подразделения, о котором я говорю, совершенно оставляет вне тех же норм договоры и сделки на неопределенные суммы, если он, в основе, должен быть только перечнем подлежащих и не подлежащих обложению документов —где основания для сближения двух взаимно исключающих друг друга дисциплин? И сам собою напрашивается вопрос—для чего закон содержит в себе такое ненужное, тяжелое, чреватое по последствиям и возможностям, сближение о котором говорю я? Изъятие этого сближения из текста гербового устава—вот то, чем во избежание непоправимейшего вреда, должно озаботиться законодательство.

Сейчас я подойду уже с другой стороны к перечню неудобств, возникающих при применении закона. Но прежде, чем сделать это, я должен остановиться еще на одной, повидимому незначительной, но существенно важной для правильного понимания закона, подробности. Номер 48 толкует об оплате гербовым сбором *заказов*. Это неверно по существу. Закон, в действительности, привлекает к обложению пропорциональным сбором совсем не заказ, а сделку, правильнее — первый документ, устанавливающий соглашение. Форма документа при этом никакого значения не имеет и иметь не может. В сущности, в формулируемом мною положении заключается весь закон. То, что в нем содержится далее (сроки, формы погашения марок, ряд контролирующих взносы статей) — в сущности — только положения привходящие к тому или дополняющие то, о чем я сказал. Между тем это правило, проходя через весь действующий гербовый устав красною нитью, нигде точно не формулировано. Это основной редакционный недочет закона. Он вызывает совершенно справедливые нарекания. И приведенная мною формулировка—отправная точка, на которой закон должен быть построен.

В заключение—несколько слов о неудобстве применения закона на практике.

От возможности искусственного сокрытия реквизитов закон, как полагаю, я уже доказал, фиска не защищает. Сейчас, с большею или меньшею степенью вероятности, можно даже утверждать, что зла от этого пока не наблюдается. Поставленное под угрозу громаднейших штрафов население предпочитает платить $^1/_2{}^0/_0$ там, где следует уплачивать только $^1/_{10}$-ю. Но этому способствует, конечно, только сплошная юридическая безграмотность. С того же момента, когда редакция закона будет усвоена прочнее — неизбежно

получится обратное. Будут платежи одной десятой, вместо полупроцента. Переплаты же сейчас, повторяю, явление обычное. Вывод же здесь может быть только один. Требований § 48—население не усваивает.

Для практики налогового контроля сближение во-едино двух взаимно противоположных принципов тяжко и часто совершенно невыполнимо. Фискальные законы, повторяю, распространительного толкования не выдерживают. Ст. 130 Гр. Код. точно и определенно указывает нам признаки договора. Договоры заключаются в бесчисленнейших разновидностях. Едва ли не каждая разновидность требует особого юридического подхода, своих мерок. Чисто же фискальная тенденция закона остается при этом доминирующею и вступает в ряд непримиримейших конфликтов с юридическо-правовыми нормами. Напр., во имя буквы 130 ст., договором не может быть признан документ, в котором отсутствует срок или другие указания, которые вынущены из текста просто за ненадобностью и отнимают у соглашения договорную силу. Таких документов тысячи, сотни тысяч. И, при определении суммы обложения, контроль часто становится перед выбором — или совершенно игнорировать требования 130 ст., или же поступиться возможностью добрать то, что, уже не во имя юридической, а налоговой, справедливости, причитается в пользу фиска.

Постройка всего закона на юридическо-правовых, а не на фискальных устоях, конечно, не мыслима. Она была бы только перелицованной попыткой найти квадратуру круга. Вклинения в гербовый устав норм ст. 130, повторяю, никакими соображениями оправдать нельзя. Если смотреть на включение как на начинание чисто воспитательное—результаты вряд ли будут более утешительны. На самом деле—что нам дает в данном случае закон? Нормы одной 130 ст. и едва ли не только. Средний налоговый работник, для дисциплинирования которого, надо полагать, собственно и предназначаются эти нормы—человек заваленный бесчисленнейшей цепью своих прямых обязанностей, связанный исключительно своеобразной близостью к жизни. Времени на правильное восприятие всего этого у него не остается, и право ни к чему, кроме своеобразного налогово-юридического конгломерата, такая попытка не приведет. Помимо того, о чем я уже сказал, в деле имеется еще одна серьезнейшая обратная сторона медали. Это непроизводительный расход, вызываемый законодательным недочетом. Я говорю об оплате непродуктивно затрачиваемого налоговыми работниками труда.

Обращаюсь к доказательствам.

Заказы, как я уже имел возможность высказаться, подлежат оплате гербовым сбором при принятии их к исполнению. Как я уже сказал—в подавляющем большинстве случаев оплачивается не заказ, а документ, являющийся ответом на последний. Значит, при рассуждении, подойдет или нет под нормы 130 ст. закона такой ответ, налоговый контроль должен подвергать осмотру не подтверждение, а заказы. Получается вот что. Какой-нибудь трест может иметь 20 подотделов. Каждый из них может не только давать заказы, но даже и не группировать их. Примем во внимание, что подлежащие обложению $^1/_{10}$% сделки заключаются сотнями тысяч. И при осмотре заказов представитель фиска проделывает чисто сизифову работу, т. е. производит даже не двойную, а часто десятерную трату времени.

В заключение еще несколько слов.

Подавая повод к распространительному толкованию закона—вклинение это влечет за собою прямое следствие. Я говорю о том потоке построенных на нормах Гр. Код, жалоб, которыми буквально заваливаются финансовые органы. Жалобы эти, именно из-за своей конструкции, следуют не по вопросу и обычно оставляются без последствий.

Я говорил о порождаемых редакцией закона непроизводительных расходах и непродуктивной трате времени со стороны широких слоев населения, налогового контроля и, наконец, составляющей жалобы адвокатуры. Ту же неоправдываемую необходимостью потерю времени, труда и средств обнаруживает и другая сторона закона.

Как общее правило—платежи по сделкам, заключаемым от имени казны с частными лицами (напр., железными дорогами, больничным ведомством, отделами народного образования и т. д.), возлагаются на казенные центры, а на контрагентов последних. В основе это, повидимому, так и должно быть. Ведь, что такое, как не перекладывание из кармана в карман казенных денег представляли бы из себя эти платежи казне казною же? С другой стороны, цифры поступления таких платежей дают хороший эффект в графах государственной росписи. И закон, возлагая обязанность платежей на предпринимателя, делает совершающее сделку должностное лицо ответственным за допускаемые при этом нарушения. Недоплаты и неуплаты сбора возлагаются в виде штрафа на допустивших нарушения правительственных агентов. Помимо этого, должностные лица подлежат еще и ответственности в дисциплинарном порядке. В результате такой постановки вопроса—все финансовые отделы республик, как общее явление, завалены бесконечнейшею громадою дел и переписок, касающихся нарушений гербового устава должностными лицами. Последние привлекаются к ответственности не за одну недоплату сделок. Суд, нотариат, коммунальные органы и т. д. и т. д., все время отвечают за недоборы по различного рода прошениям, заявлениям и пр. поступающим к ним бумагам. Возникает астрономически длинная сеть переписок, отписок, жалоб и возражений. Чуть ли не четверть всего делопроизводства гербовых подотделов составляет именно эта отрасль деятельности. Бесконечнейшая, дорого оплачиваемая, она, на деле, не может давать никаких реальных результатов. Воспитательные результаты такой постановки дела тоже весьма проблематичны, никого и ничему не научают и разве только подводят к выводу, что закон, который неправильно толкуется даже агентами правительства—закон, нуждающийся в более ясной редакции. Ведь, что же,—иное в смысле своей психологической самоценности, как не результат непонимания представляют из себя такие нарушения? Как уголовно наказуемого проступка — нарушений гербового устава никому и никогда не инкриминируется. И действительно—если бы мы имели дело с обычной недобросовестностью—должностные лица и должны бы были отвечать за недобросовестность. В этой плоскости вопрос, конечно, никогда не ставится. Накладываются просто штрафы. Но вот какой вопрос при этом как бы сам собой напрашивается. Что, напр., будет делать какой-нибудь злосчастный ж. д. агент, недобравший по договору 2.000 р., или злополучный судья, принявший в год, допустим, 2.000 недоплаченных рублем прошений? Ведь, и тот и другой, из-за неправильного толкования закона, должны уплатить штраф, превышающий его годовой бюджет!

Между тем, средства и труд, которые тратятся на всякие возникающие по поводу подобных нарушений отписки, отзывы, объяснения и толкования, повторяю, громадны. На деле же, если глубже взглянуть на платежи по сделкам с казною, легко понять, что гербовый сбор, фигурируя в графах казначейских поступлений, *фактически все же платится казною*. Это станет совершенно понятным, если принять в расчет, что стоимость сбора по любой сделке (подряду, поставке, продаже и т. д.) накладывается контрагентом на казну же и не накладываться не может. С недоборами по прошениям дело обстоит не лучше. Громадные штрафы со служащих взыскивать, конечно, трудно. Где здесь основания для такого бутафорско-канцелярского перпетуум мобиле, для потуг взыскания огромных персональных штрафов? Эффект в росписи? Да не слишком ли он дорог, этот эффект? Вывод тут, конечно, один—совершенное освобождение от оплат таких сделок, а служащих от штрафов. На деле это, понятно, даст некоторое понижение цифр поступлений. В действительности же избавит казну от платежей за то же перелицованное перекладывание из кармана в карман, представителей казны—от знакомства с чуждыми их непосредственной деятельности правилами гербового обложения и от страха непосильной ответственности.

Борис Иванов.

Детское право, его предмет и объем.

Детское право является сравнительно молодой отраслью права. Отдельные законодательные акты, касающиеся детства были известны в XVIII, XIX веке и даже много ранее, но детское право, как *система* правовых норм, возникло лишь в XX веке. Такое развитие оно получает в эпоху мировой (империалистической 1914 г.) войны, в особенности же после нее.

Детское право в том виде, в каком оно существует в настоящее время, включает в себе отдельные правовые институты, содержащиеся в различных кодексах. Но эти законодательные положения о детях, несмотря на их „территориальную“, если можно так выразиться, разобщенность, не представляют собой какого-то разнохарактерного материала. Они проникнуты одной общей идеей охраны интересов ребенка во всех стадиях его жизни. Этот принцип проводится в каждом законодательном акте, в большей или меньшей степени затрагивающем несовершеннолетних. Общность по идее отдельных законодательных актов о детях (хотя и разбросанных по различным Кодексам) и позволяет объединить их под одним общим названием „детское право“.

Такое объединение весьма целесообразно с точки зрения изучения детского права. Конечно, не исключена возможность, что со временем, когда усилится развитие и изучение отдельных областей детского права, произойдет и его расчленение на отдельные предметы, как это мы имеем, например, в области уголовного права, разделенного на материальное уг. право, уголовную криминологию, уголовный процесс, криминалистику. Но пока этого нет в законодательстве о детях, оно, однако, может быть рассматриваемо, как одно целое.

Что касается практического осуществления детского права, то в этом отношении имеется целый ряд его ответвлений. Поэтому и в

системе преподавания детского права допускается самостоятельная проработка практического применения законов из области детского права.

В немецкой литературе, как и в русской, иногда на ряду с детским правом, рассматривается, как самостоятельная отрасль знания, охрана детства. Так, например, в Германии существует специальный печатный орган (озаглавленный Zentralblatt Jugendrecht und Jugendwohlfahrt), журнал детского права и охраны детства. Но по существу эти два названия покрываются одним общим понятием „детское право". Немецкий автор Dr. Käthe Mende, публикуя [1]) Dissertationen über Jugendrecht und Jugendwohlfahrt, к разделу по охране детства относит работы, которые, по существу, относятся к детскому праву. Так, например, к этому разделу отнесена работа Emens „Das Reichgezetz über die religiose Erziehung der Kinder. Köln. 1921.

Такое параллельное употребление двух выражений „детское право" и „охрана детства", надо полагать, допускается лишь с целью обозначения „детским правом" теории его, а „охрана детства"— практики. Но само собою разумеется, что от названия сущность предмета не меняется, и смысл его не искажается. Если мы употребляем термин для данного предмета „детское право", то на том основании, что составные его части суть правовые институты. Следовательно это есть право, а поскольку оно касается детей—оно есть „детское".

Все законодательные акты, касающиеся детства, в своей совокупности и образуют „детское право".

Что способствовало *возникновению* детского права? Некоторые полагают, что поскольку детское право получило усиленное развитие в эпоху империалистической войны 1914 г., а в особенности после нее, то основанием для его возникновения послужили именно последствия этой войны. Но говорить так, значит слишком упрощать понимание предмета и не считаться с действительностью. Если бы детское право возникло на последствиях войны, тогда мы имели бы такое положение, что при изживании этих последствий (голода, сиротства) детское право не развивалось, а хирело и отмирало бы, как временное явление. В действительности же мы имеем обратное. Оно усиленно развивается, ширится с каждым годом и все больше и больше охватывает разнообразные области жизни детства. А потом законодательство о детях касается всего детства в целом, а не его части. Следовательно, причины возникновения детского права не временные, не случайные, а более глубокие, и коренятся не во временных событиях и явлениях той или другой страны, а во всей жизни современного общества. Те или другие события общественной жизни могут служить лишь толчком для быстрого или медленного его развития. Они могут определять темп развития детского права, но отнюдь не его возникновение.

Детское право (как система различных законодательных актов) возникло на основе системы общественно-производственных отношений. В этом отношении оно имеет общее с возникновением каждой отрасли права. Относительно детского права можно сказать, что его юридические нормы возникли из существовавших уже социальных отношений. Не норма, как известное правило, порождала отношения, а наоборот, существовавшие отношения порождали норму. Но было бы неправильно сказать, что источником детского права является лишь государственный закон. Правда и государственный закон может порождать известные отношения, но это может касаться лишь извест-

[1]) Zentralblatt Jugendrecht nnd Jugendwohlfart. XVII Jahrgang. 1921 № 5 (август).

ной стороны детской жизни. Возьмем для примера из области семейных отношений право ребенка на получение воспитания и содержания от родителей—это право создано существовавшими отношениями, а не государственным законом. Государственный закон оформляет эти отношения. Следовательно, в общем и целом детское право своим источником имеет, по преимуществу, социальные отношения, существующие в обществе, и носит яркую на себе их печать. Было бы иллюзией рассматривать возникновение законов о детях по детскому праву под влиянием „гуманизма" к детям. Если бы последнее положение соответствовало действительности, тогда возникновение детского права относилось бы не ко второму почти десятилетию XX века, а к XVIII и XIX векам.

Охрана детского труда, например, в Англии, возникает, как известно, после ряда настойчивых требований со стороны рабочих. А в Америке и в наше время можно встретить применение труда детей дошкольного возраста в производстве шелковых изделий.

Но, говоря об отдельных областях детского права, например, охране труда, не следует представлять дело таким образом, что в основе его лежат одинаковые принципы в странах Запада и в Советской России. Охраняя труд несовершеннолетних буржуазные правительства одновременно преследуют извлечение из их труда прибыли.

Детское право возникает в эпоху расцвета капиталистических форм хозяйства, так на Западе Европы, Англии и Америки, т. е. когда социальные отношения усложняются, принимают новые формы, и ребенок, как таковой, на фоне этих отношений остается, можно сказать, одиноким В Советской России основанием для возникновения и развития детского права также служит то переустройство общественно-производственных отношений, которое происходит после октябрьской революции. И вот, чтобы ребенок не погиб, законодатель облекает отношения между несовершеннолетним, с одной стороны, и отдельными членами и обществом в целом, с другой—в формы правовых институтов. Это происходит потому, что благодаря развитию капиталистических форм хозяйства ребенок или несовершеннолетний выталкивается на арену самостоятельной борьбы за существование в самых разнообразных его формах. Но поскольку несовершеннолетний со стороны психической и физической самодеятельности не представляет собой нечто законченное и вполне завершенное, а наоборот, нуждается в постоянном развитии и совершенствовании, то детское право, или законодательство о детях, ставит одной из главнейших своих задач создание и охрану условий, способствующих в духе времени его развитию.

До тех пор, пока жизненные условия не усложнялись и не выталкивали ребенка в массе на арену самостоятельной борьбы за существование, и когда признавалось, что с удовлетворением потребностей по развитию ребенка может справиться семья, тогда отношения детей с отдельными членами и обществом в целом не регулировались законодательными актами, в той широкой форме, как это можно наблюдать в наше время. На заре капитализма и в период его развития все обязанности по охране интересов ребенка и его воспитанию принадлежали семье. Семья, созданная капитализмом и признанная им, как основа буржуазного государства, выполняла не только функции по воспитанию, но давала ребенку трудовые навыки семьи, давала направление его развитию и т. д. При таком взгляде на семью государство не могло вмешиваться в характер выполняемых ею

функций. Нужно заметить, что невмешательство государства в область семейных отношений детей и родителей сохраняется и в современном праве Германии, Франции и др. В этих странах вмешательство в права семьи допускается только в известных случаях.

Родительская власть считалась абсолютной, и никто не имел права в нее вмешиваться. Но когда эта самая семья, как основа буржуазного государства, была разрушена, естественно возник вопрос об охране ребенка как со стороны физического, так и психического его развития. Промышленный капитал, приковавший к машине и станку на фабриках, заводах, шахтах отца ребенка, вскоре потянул на работу вне семьи и мать.

Вследствие работы отца и матери вне семьи, ребенок остался один, и его потребности по воспитанию перестали удовлетворяться родителями, этими, в прежнее время, естественными воспитателями ребенка.

Что действительно отцы и матери большинства современных рабочих и пролетарских семейств не воспитывают своих детей вследствие работы на стороне, вдали от дома, в этом убеждают данные статистики. Распад семьи при капиталистических формах хозяйства происходит быстрее, чем ее ребенок получает подготовку к самостоятельной, социально-полезной трудовой деятельности. К тому же тяжелое экономическое положение семейств, при развитой конкуренции спроса и предложения, не всегда способно обеспечить нормальные условия развития ребенка.

Такое состояние семьи создало положение, когда несовершеннолетний, не получая в семье необходимых средств для своего развития, покидал семью, выступая самостоятельно на рынке труда. Здесь как нельзя лучше проявляется скрытое разрушительное действие капитала на семью, утратившей, вследствие этого, способность к воспитанию и охране физической и психической самодеятельности ребенка.

Если разрушалась юридически-формальная спаянность семьи, и дети таких семей обрекались на гибельное самостоятельное существование, то законодательство о незаконнорожденных детях создавало громадный контингент покинутых и бесправных детей. Дети, оказавшиеся в условиях, лишающих их нормального развития, занимались нищенством, проявляли себя правонарушителями и доходили, таким образом, до состояния полного деклассирования. При таком положении детства естественно возникла необходимость в государственной его охране.

Под государственной охраной детства следует понимать полную заботу государства о создании условий, обеспечивающих нормальное физическое и психическое развитие ребенка в целях подготовки его к общественно-полезной деятельности.

Следовательно, государство, как таковое, должно являться высшим опекуном ребенка. Забота о воспитании и развитии детства есть одна из социальных функций государства. Содержание, пути и формы выполнения этих функций в отдельных государствах и странах могут быть различные в зависимости от господствующих в них общественно-производственных отношений. Поскольку все время заботы о развитии и воспитании ребенка переходят к государству, оно и стремится путем законодательных актов регулировать жизнь ребенка с первого же момента. Для государства не безразлично, каково будет новое поколение, идущее на смену старому. Государству и обществу важно получить именно здоровое молодое поколение, молодую смену. В целях полу-

чения такового оно создает целую систему по охране детства. Забота о здоровом молодом поколении или об охране детства начинается чрезвычайно рано и продолжается до достижения ребенком возраста совершеннолетия. Еще ребенок не появился на свет и находится в утробе матери, а он уже находится под охраной государства. Правда, законодатель в период утробной жизни ребенка непосредственно охраняет мать, ее организм, поскольку от здорового состояния организма матери зависит нормальное развитие ребенка. Таковы законы советской России об охране труда беременной матери, предоставляющие ей двухмесячный отпуск до родов, законы о страховании и пособиях матерям, законы о возбуждении признания отцовства, неприменение расстрела к беременным женщинам и целый ряд других. Все эти мероприятия законодательного характера, хотя объектом охраны имеют мать, но они преследуют, главным образом, сохранение жизни будущему ребенку и нормальное его развитие перед появлением на свет.

Если мы проследим государственную охрану ребенка с момента появлении его на свет, то увидим, что она строго сообразуется с потребностями по развитию и воспитанию ребенка в зависимости от его возраста: младенческого или предшкольного, дошкольного, школьного, подростнического или юношеского. Здесь наблюдается полная связь с требованиями современной педагогики, дифференцированной по возрастам.

В период младенческого или предшкольного возраста, т.-е. от рождения до 3—4 лет, государственная забота преимущественно направлена на создание условий, способствующих физическому развитию ребенка. Забота может проявляться в двух формах: или в полном предоставлении ребенку всех средств к существованию, когда ребенок остается сиротой по случаю смерти родителей или покинут ими (подкидыш), или родители не в состоянии содержать его в силу тяжелых материальных условий.

В советской России охрана детей предшкольников лежит на ведомстве здравоохранения. Последние устраивают для них дома младенца, малюток. Другая форма помощи (частичная) выражается в устройстве детских консультаций, бесплатном оспопрививании, в отпуске молока, предоставлении бесплатного лечения в диспансерах, в санаториях для младенцев и т. д.

С этого же возрастного периода начинается охрана ребенка в социально-правовом отношении: отыскивание отцовства, истребование алиментов от отца, учреждение опеки, отыскивание и получение наследства, присвоение фамилии, определение подданства, когда родители его состоят в разногражданстве, и т. д. На ряду с этим государство принимает ряд мер по предупреждению смертности детей в младенческом возрасте.

Все эти перечисленные виды широкой охраны детства в младенческом возрасте, как и всего детства, проходят под требованием непременного осуществления их в интересах ребенка.

В период дошкольного возраста от 3 до 7 лет включительно, государство не ограничивает свои функции заботами об обеспечении детям средств питания. Они значительно расширяются. Государство организовывает ряд учреждений, в которых дети могли бы получать воспитание. Таковы дошкольные учреждения интернатного типа. Дети в них находятся на полном иждивении государства. Но функции по воспитанию детства государство осуществляет и через дошкольные учреждения не интернатного типа: детские сады, детские летние

площадки, очаги и др. Эти учреждения, например, в советской России организуются при помощи государства и на средства государства.

Государство, способствуя путем охранительных мер нормальному развитию ребенка, стремится к ограждению его психики от травм. Преследуется жестокое обращение с детьми, запрещается привод детей дошкольного возраста, до 8 лет, для разбора дела, в случае учинения какого-либо правонарушения, в Комиссии по делам несовершеннолетних.

В период школьного возраста и состояния в возрасте подростка социально-правовая охрана детства не ограничивается охраной физического развития ребенка, она значительно расширяется в области правовой. Дети в этом возрасте больше взаимодействуют окружающей средой. Поэтому государство стремясь к углублению воспитания и образования детства одновременно создает систему мер по охране прав и интересов несовершеннолетних. Это тем более необходимо, что несовершеннолетние в возрасте с 14-ти лет наделяются относительной дееспособностью. Они могут выступать в качестве рабочей силы на рынке труда, например, в сельском хозяйстве, могут вести самостоятельно хозяйство, могут иметь собственный заработок, распоряжаться им, от несовершеннолетних 10-ти лет зависит дать согласие на усыновление или на избрание того или другого лица опекуном. Поскольку несовершеннолетний в области гражданско-правовых отношений не обладает достаточным опытом, знанием, на помощь к нему в этих отношениях приходит государство.

В соответствии с двойной задачей охраны детства и детское право может быть для удобства разделено на две части. Во-первых, на законы, охраняющие физическое и психическое развитие детей, и, во-вторых—*права* несовершеннолетних.

Законы, охраняющие правовую сферу несовершеннолетних, так же, по существу, направлены на охрану общественно-полезного развития ребенка; они не могут быть рассматриваемы изолированно, а должны изучаться последовательно, одни за другими.

Таким образом, предмет изучения детского права составляют как законы об охране физического развития ребенка, его жизни, здоровья, интеллектуального развития, привития несовершеннолетнему профессионально-трудовых навыков, усвоения правил общественного поведения, так и законы по охране прав несовершеннолетних в области имущественных отношений, гражданского оборота, трудовой деятельности, когда несовершеннолетний является обвиняемым или потерпевшим; иначе детское право включает законы, охраняющие права ребенка на воспитание, социально-полезное развитие—по участию в общественных отношениях. Они объединены единой целью, здорового и полезного развития, воспитания и совершенствования личности. Это обстоятельство позволяет всю совокупность этих законов как указывалось выше, объединить под одним общим названием „детского права". Также общность идеи этих законов отличает детское право от других областей права, напр., гражданского, уголовного, имеющих более общий характер, чем узкая отрасль детского права. Такая специфичность детского права по субъекту позволяет выделить детское право и рассматривать его как самостоятельную отрасль права,— как, напр., женское, трудовое и другие отрасли права. В области детского права должны включаться не только законодательные акты, определяющие права несовершеннолетних по их развитию, воспитанию и по участию их в гражданском обороте, но и законы, регулирую-

щие организационно-правовую деятельность государственных и, отчасти, общественных органов, учреждений, являющихся проводником в жизнь идей государственной охраны детства.

К сказанному следует добавить, что государство, создавая систему мер охраны всего детства, выделяет отдельные группы детей подлежащих более специальной охране. Таковы дети: физически дефективные, глухо-немые, слепые, калеки, дети умственно-отсталые, беспризорные, законодательство о которых входит составной частью в детское право. Таковы в кратких чертах предмет и объем детского права.

В. Куфаев.

Задачи уголовного правосудия по „Основам судоустройства СССР".

Цель каждого конкретного судебного процесса заключается в объективном установлении наличности или отсутствия для *данного случая* отстаиваемого истцом или его представителем (в уголовном процессе—обвинителем) субъективного права (в уголовном процессе—права на наказание обвиняемого). С момента установления судом наличности или отсутствия этого права цель процесса достигнута; осуществление же права, признанного решением суда (если только оно признано), лежит уже за пределами судебного процесса [1]). Ясно, однако, что этими двумя утверждениями не исчерпывается вопрос о цели отправления правосудия,—в частности, уголовного правосудия. Утверждением, что цель процесса заключается в установлении наличности или отсутствия субъективного права, не выясняется практическое значение судебного процесса. Истина о том, что утверждаемое истцом субъективное право существует или, напротив, отсутствует, не может довлеть самой себе, как самой себе довлеет, т. е. имеет независимую от практической приложимости ценность научная истина. Процесс, как иронически замечает по адресу Бюлова германский процессуалист Адольф Вах, есть „не теоретико-познавательная" а практическая операция [2]).

Что выше констатированная цель уголовного процесса не есть последняя, это ясно уже из того (хотя ясно и без того), что деятельностью суда по поводу действительного или мнимого преступления деятельность государства, возбужденная обнаружением преступления, не всегда исчерпывается. Поэтому, естественно встает вопрос о дальнейшей цели, достигаемой государством через посредство уголовного процесса,—о цели или целях второго порядка или второй ступени.

Но те практические цели государственного значения, которым служит уголовный суд, достигаются во всей своей полноте не отдельным уголовным процессом, а всею деятельностью уголовного суда, называемою отправлением правосудия. Поэтому, выясняя эти практические цели, мы уже будем говорить не о целях уголовного процесса, а о целях или задачах уголовного правосудия. Каким интересам государства оно служит?

---

[1]) Доказательству этих двух положений посвящен наш очерк „Цель уголовного процесса" в Сборнике Ярославского Государственного Университета", Ярославль, 1919 г.

[2]) A d. W a c h, Der Rechtschutzanspruch, в „Zeitschrift für Deutshen Zivilprozess", 1903, B. XXXII, S. 3—4.

Интересы государства — то же, что интересы государственно организованного общества, т. е. общества, подчиненного государственной власти, ею связанного и ею упорядочиваемого. Поэтому, интересы государства — это интересы *общества* (ради которого государство существует) и интересы *власти*, поскольку они находят себе оправдание в интересах общества, поскольку, следовательно, и они могут быть сведены к интересам общества [1]). Уголовного правосудия, как деятельности, направленной на установление в каждом отдельном случае у государственной власти, по ею самою установленному закону, наличности или отсутствия субъективного права на наказание, требуют интересы, как первой, так и второй категории.

Именно об этих двух категориях интересов, служение которым составляет задачу уголовного правосудия, говорит ст. 1 „Основ судоустройства Союза ССР и союзных республик", когда она провозглашает: „Задачами суда являются: а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного; б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений; в) укрепление общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание; г) осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан".

А. Ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка ею установленного. Здесь называются не три, а две задачи суда, так как рабоче-крестьянская власть и правопорядок ею установленный составляют вместе завоевания пролетарской революции.

Уголовный суд служит осуществлению названных задач *двояким путем.*

Конечно, уголовный суд способствует защите рабоче-крестьянской власти и установленного ею правопорядка, когда, осудив виновника посягательства на власть или правопорядок, он констатирует, что преступник подлежит такому-то наказанию.

Но на ряду с этим уголовный суд служит утверждению власти и правопорядка и иным путем. Бесспорно, что уголовное правосудие имеет своею целью защиту власти и объективного правопорядка путем репрессии, которая следует за обвинительным приговором, но при всей своей бесспорности это определение задачи уголовного правосудия было бы далеко не достаточным для „оправдания правосудия" его задачею (употребляем в этом случае выражение „оправдание" в том же значении, в каком оно употребляется в выражениях „оправдание государства" [2]) или „оправдание права" [3]).

В чем же заключается особенность пути правосудия? Что делает правосудие необходимым для поддержания власти и правопорядка и заставляет придавать ему значение функции, предваряющей осуществление репрессии и обуславливающей ее?

Первое и, говоря словами одного из самых выдающихся наших юристов, „основное назначение... всей судебной деятельности соста-

---

[1]) Приведенное в тексте утверждение не противоречит взгляду на государство как на классовое господство, ибо, во-первых, и этот взгляд не исключает, конечно, наличности известных общих интересов у всех классов общества, а во-вторых, и, согласно этому взгляду, государственная власть существует в интересах общества, хотя и не всего, а только части его.

[2]) Напр. у Еллинека в Allgemeine Staatslehre, 1914, главу „Die Lehren von der Rechtsfertigung des Staates".

[3]) Напр., у Шершеневича, Общая теория права, II-й выпуск 1911 г. или у Новгородцева, „Кризис современного правосознания", 1909 г. стр. III и IV (предисловие).

вляет *обеспечение юридической определенности* (Rechtsbestimmtheit") [1]). Эта последняя достигается тем (хотя и не единственно тем), что в случаях спора о праве, в случаях сомнения в праве, наконец, в случаях когда осуществление права затрагивает слишком серьезные интересы личности (таким представляется осуществление права наказания), оно, т. е. спорное, сомнительное или угрожающее в своем осуществлении наиболее ценным благам личности право подвергается, прежде его осуществления, объективной оценке с точки зрения наличности для него достаточных оснований в законе. Такая объективная оценка дается судебным решением. Если отдельный судебный приговор придает в конкретном случае определенность спорному, сомнительному или до приговора еще не выяснившемуся в своем объеме субъективному праву, то систематическое отправление правосудия придает определенность объективному правопорядку: граждане знают, что действие нормы, которая содержится в законе, зависит от ее внутреннего смысла, а не от чьего-либо усмотрения. В этом и заключается общественная ценность „юридической определенности".

„Юридическая определенность" и объективный правопорядок.—Общество без суда, это—общество в котором к другим поводам взаимной борьбы между его членами присоединяется вражда между потерпевшими и нарушителями, между обиженными и обидчиками, вражда, которая, распространяясь на родственников той и другой стороны, вовлекает их в ожесточенную борьбу. В этой борьбе каждая сторона измеряет вину противной стороны только мерою своего раздражения, ничего не желая знать ни о ее правах, ни о ее справедливых притязаниях.

Только правосудие, сменяя „самосуд", в котором нередко одинаково попираются и права потерпевшего и права обидчика, становится между тем и другим, полагает конец их распре и вносит мир в социальные отношения. В этом — смысл известного выражения Иеринга: „Цель права—мир", и в этом смысле идея права есть идея мира. Эта идея ни в одном другом из институтов права не получает столь наглядного выражения, как в суде, бывшем, первой „колыбелью права", „первым очагом права", „центром всей общественно-правовой жизни юных народов" [2]). Этой роли суда нисколько не противоречит издревле сложившееся представление о суде, как об арене борьбы, о процессе, как о войне [3]). Правосудие тем и служит задаче внутреннего замирения общества, что оно ограничивает арену борьбы: место кровавых схваток между обидчиком и потерпевшим и сородичами занимает протекающее в установленных законом формах состязание (сначала также вооруженное) перед судом, призванным решать, на чьей стороне право; на смену порядка частной мести приходит порядок мирного разрешения конфликтов судом.

Орган, смиряющий *стихию* борьбы в первобытном обществе, суд играет ту же роль у культурных народов. Стоит только на минуту допустить выпадение суда из современного строя учреждений, чтобы воображению тотчас же представилась печальная картина состояния общества, члены которого сами толковали бы и сами осуществляли бы свои права и сами же, не доверяя более власти, рас-

[1]) И. А. Покровский. „Прагматизм" и „релятивизм" в правосудии, в „Вестн. Гр. Права", 1916 г. № 5, стр. 22.

[2]) Проф. Сыромятников. Очерк истории суда в древней и новой России, в изд. „Судебная реформа" М. 1915 г. стр. 16, 17, 20.

[3]) Der Prozess, говорит автор „Немецкой истории права" Брунер, wird aufgefasst als ein Krieg, als ein Kampf (Deutsche Rechtsgeschichte) Leipzig; 1906 г. 1 § 253. Цитируем вслед за проф. Б. И. Сыромятниковым, назв. соч. стр. 17.

правлялись бы с действительными или мнимыми нарушителями своих прав. Катастрофическое потрясение правопорядка было бы неизбежным в обществе, потерявшем свой суд.

Репрессия есть только один из путей и при том не всегда (не в каждом случае отправления правосудия) необходимый путь, которым правосудие служит поддержанию правопорядка. Прямой путь, это— именно достигаемая правосудием юридическая определенность. Правосудие предшествует репрессии не для того, чтобы репрессия имела место, а для того, чтобы в ней проявлялся авторитет права, его сила (которая, конечно, есть сила власти), а не произвол власти. Такое значение репрессия получает тогда, когда ее предваряет судебный приговор, провозглашающий, что она применяется во исполнение веления закона, и придающий этому велению бесспорность и конкретную определенность. Без правосудия нормы права, то фактические действующие, то не действующие, понимаемые то так, то иначе, теряли бы в своем авторитете, и весь правопорядок приобрел бы свойство шаткости, неустойчивости, неопределенности. А порядок без определенности есть беспорядок, правопорядок без юридической определенности есть произвол.

Таким образом роль суда, как учреждения, своими решениями способствующего единообразному применению права, вытекает из самого существа права, правопорядка [1]).

Юридическая определенность и авторитет власти.—Служа таким важнейшим интересам всего общества, как поддержание социального мира и объективного правопорядка, *уголовное правосудие одновременно возвышает авторитет государственной власти* и значение исходящих от нее мер репрессии.

Каким образом государственная власть выигрывает в силе и авторитете, подвергая всякий раз свое право на наказание проверке своего же органа—суда, на этот вопрос не трудно ответить после тех блестящих страниц, которые были посвящены Иерингом в его „Цели в праве“ более общему вопросу: для чего вообще государственная власть подчиняет проявления своей силы все более и более распространяющемуся судебному контролю?

Нормы права, творимые государственной властью, обладают двусторонне связывающею силою: они связывают граждан, к которым адресуются, но они связывают также и государственную власть, от которой они исходят [2]). Предусмотрительная, отдающая себе отчет в своих интересах государственная власть, сама охотно подчиняется установленному ею правопорядку, следуя в этом случае изречению Феодосия II и Валентиниана III „de autoritate iuris nostra pendet auctoritas“. Авторитет права, поддерживаемый в глазах граждан тем повиновением, которое оказывает ему установившая его власть, — наилучшая, самая надежная опора для этой последней. „Как садовник печется о дереве, которое он посадил, так власть печется о праве, но не ради этого (посаженного ею) дерева, а ради нее самой [3]), ибо оба (и садовник и власть) знают, что дерево нужно стеречь и беречь, если оно должно принести плоды, и что плоды вознаградят труды)“. Поэтому, „*право есть хорошо понятная политика власти*“ (стр. 378). Условием этой политики является *самообладание*,—то самообладание, которого индивидуум достигает долгим упражнением, и для приобретения которого властью иногда нужны бывают столетия.

---

[1]) Проф. К. А. Кузнецов. Теория права, 1919 г. вып. II (стр. 49).

[2]) Jhering, Der Zweck im Recht, 1893, стр. 357 и сл.

[3]) Следовательно, и ради общества, интересам которого она служит. (Ibid. стр. 408).

Сознающая, какое значение в глазах населения и для ее собственных интересов имеет самообладание власти, ее самоподчинение праву, власть естественно должна быть озабочена установлением внешней гарантии того, что в осуществлении ее силы ее представители не перейдут границ, поставленных правом.

В эту оценку значения правосудия вообще включена и оценка уголовного правосудия в частности. Естественно, что, если авторитет государственной власти требует ее самоограничения правом, то эта потребность наиболее ощутима в той области, где власть выступает, вооруженная карающим мечом.

Иеринг называет поразительным (überraschend) явлением, что в сфере действия уголовного права правовое чувство, потребность в правовой обеспеченности находит себе удовлетворение позднее, чем в сфере действия частного права, между тем как государственная власть произвольным применением репрессий может подорвать значение всего частного права. „Что значит вся обеспеченность частного права, если карательная власть государства не заключена в твердые границы?“ (стр. 380).

Как мы видели, ограничение власти правом и создание в лице судебных учреждений, в частности, уголовных судов внешней гарантии ограничения государственной власти правом Иеринг объясняет, как результат разумной политики дальновидной власти. Уже давно была внесена необходимая поправка в это объяснение, подсказываемая тем наблюдением, что власть далеко не всегда и отнюдь не всякая власть бывает дальновидна. Совершенно верно было замечено Н. М. Коркуновым по поводу взгляда Иеринга на ограничение власти правом, как на самоограничение, что приравнение первого к последнему, далеко не всегда отвечая реально наблюдаемым фактам, находится вместе с тем в противоречии с учением Иеринга о том, что право развивается не само собою, мирно, а как результат борьбы интересов: „в большинстве случаев ограничение власти правом дается дорогой ценой упорной борьбы различных элементов общества между собою“ [1]). Но если изложенные соображения Иеринга дают не вполне согласованное с исторической действительностью объяснение, *почему* государственная власть фактически ограничивается правом, то едва ли против них что-либо можно возразить, если принимать их, как ответ на вопрос, *для чего* государственная власть должна ограничивать себя правом и устанавливать гарантии такого ограничения.

Б. Защита интересов и прав трудящихся и их объединений.—Сообразно с определенно подчеркнутым классовым характером всего советского законодательства суду ставится задача защиты интересов и прав только трудящихся. Это, разумеется, не значит, что лица, не относимые советским законодательством к категории трудящихся, не пользуются со стороны суда защитою их прав и интересов, но эта защита отодвигается статьею 1-ю „Основ“ на задний план: она не называется вовсе, потому что ст. 1-ая имеет в виду назвать лишь прямые и основные задачи, ставимые правосудием, защита же признанных законом интересов и прав нетрудящейся части населения, если и осуществляется судом, то только как задача подчиненная названному в законе прямому и основному назначению суда.

Соответственно тому коллективистическому началу, которое проникает все советское законодательство, и в определении задач пра-

---

[1]) Н. М. Коркунов, Лекции по общей теории права, Спб., 1903 г. стр. 263.

восудия законодатель выдвигает, на ряду с защитой прав и интересов трудящихся, также защиту прав и интересов объединений трудящихся.

Понятие „трудящиеся" выясняется из рассмотрения конституций союзных советских республик: советская республика, это—res publica (общее дело) трудящихся; нетрудящиеся устраняются от участия в политической жизни страны; поэтому, трудящиеся, это—лица, пользующиеся по конституциям избирательными правами.

Защита судом интересов и прав трудящихся и их объединений имеет двусторонний характер: трудящиеся одинаково защищаются от посягательств на их права и законные интересы, как со стороны отдельных членов общества, так и со стороны представителей власти. Наиболее наглядно эта защита осуществляется тем, что угрозе уголовного закона суд придает реальное значение, устанавливая наличность условий, делающих выполнение угрозы обязательным. Иначе: суд служит защите прав и интересов граждан своими обвинительными приговорами, за которыми следует репрессия в отношении виновников посягательств на обеспеченные законом права и интересы.

Но уголовный суд служит защите прав и интересов граждан и совершенно независимо от той репрессии, которая должна следовать за обвинительным приговором, если им закончится процесс.

В борьбе с преступностью неизбежна опасность произвольного распоряжения со стороны отдельных представителей государственной власти правами и интересами граждан или под предлогом преследования преступлений или в добросовестном рвении, проявляющемся в их преследовании. В отправлении правосудия по заранее установленному процессуальным законодательством порядку содержится *двоякая* гарантия против этой опасности.

1. С одной стороны, гарантия заключается в тех правах, которыми наделяется обвиняемый в процессе для своей защиты, и в тех ограничениях, которые установлены процессуальным законом для применения мер принудительного воздействия на обвиняемого. В современном процессе обвиняемый предстает перед судом не как бесправная личность, но как член общества, наделенный правами, нужными для того, чтобы бороться против несправедливого обвинения, дающими ему гарантию того, что если он честный (не с точки зрения морали, а с точки зрения уголовного закона) человек, то кара уголовного закона не обратится на него. Безусловно верную мысль, хотя и односторонне выраженную, содержит в себе афоризм Ферри, высказанный им в итальянском парламенте и затем повторенный в „Уголовной Социологии": „если уголовное уложение есть уложение для преступников, то устав уголовного судопроизводства есть устав для честных людей"[1]).

Эта мысль не чужда и идеологии советского права. Так, в III сессии ВЦИК IX созыва докладчик по проекту уголовно-процессуального кодекса Н. В. Крыленко говорил: „Кодекс есть своеобразная декларация прав, которые дает государство каждому для того, чтобы он мог знать, на что он может расчитывать, что ему предоставлено для защиты [2]).

[1]) Ferri, La Sociologie Criminelle 1901, стр. 431. Автор говорит о преимущественном значении уголовного судебного законодательства перед уголовно-материальным. Та же высокая оценка не так давно прозвучала в словах Н. В. Крыленко: „Лично я одно из величайших завоеваний нашей революции вижу в том, что существует у нас процессуальный кодекс, как не вижу того же, да позволено будет мне это сказать, в том, что-через 5 лет нашего существования у нас уже существует уголовный кодекс". Судоустройство, 1924 г. стр. 16.

[2]) Бюл. III сес. ВЦИК IX соз., 1922 г. № 4, стр. 18.

Равным образом Председатель угол. кас. кол. Верх. Суда УСФСР Канарский писал в статье „Вопросы уголовного судопроизводства на съезде“: „Процессуальные нормы.. существуют, *прежде всего*, для предоставления максимума гарантий привлеченному к суду (это не значит должнествующему быть непременно осужденному“) [1]).

2. Но помимо рассмотрения дела с соблюдением установленных законом процессуальных гарантий, отправление уголовного правосудия еще и иначе служит обеспечению прав и интересов обвиняемого от возможных злоупотреблений власти, преследующей преступления—тою своею стороною, которая, как сказано, является специфическою для судебной функции, т. е. опять-таки вносимою ею „юридическою определенностью“ в вопрос о праве (о праве наказания по закону в каждом данном случае, поскольку речь идет об уголовном правосудии).

Каким же образом определенность, придаваемая в каждом отдельном случае судебным приговором спорному, неясному или сомнительному праву, может служить обеспечением против произвольного распоряжения со стороны власти личностью гражданина, навлекшего на себя обвинение в преступлении? Что заставляет более сильные факторы власти, чем суд, склоняться перед его приговором? Конечное объяснение имеет метаюридический характер; его следует искать в данных социальной психологии,—в частности, психологии власти. „Истинная узда для власти, по меткому и верному выражению Тарда, заключается в том, что ее носитель испытывает необходимость действовать в согласии со своими собственными убеждениями, не противоречить самому себе, чтобы не попасть под лезвие своего собственного суждения“. Между тем, если бы государственная власть решилась на применение наказания после того, как ее же органом—судом превозглашено, что для этого она не может опереться на установленное ею самою право, то ее произвол был бы для всех очевиден, она впадала бы в противоречие с самою собою и подпадала бы под лезвие своих собственных суждений о том, что дозволено и что недозволено,—суждений, выраженных в установленных ею самою нормах права.

В. Укрепление общественно-правовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание. Укрепление солидарности трудящихси и их правовое воспитание, как задачи правосудия, законодатель ограничивает средою трудящихся, ибо, с одной стороны, им отрицается возможность какой бы то ни было солидарности в отношениях между трудящимися и остальною частью населения, а с другой стороны, он не верит в возможность воспитательного воздействия на ту часть общества, которая живет за счет не своего, а чужого труда, и интересы которой всегда противоположны интересам трудящихся: представители этой части общества могут быть в глазах законодателя только объектом мер, вынуждающих их считаться с интересами и правами трудящихся; воспитать же в них чувство уважения к интересам трудящихся и научить их признанию прав трудящихся законодатель считает безнадежной задачей. Ставить ее, согласно убеждению, усвоенному советскою идеологией, значило бы забыть, что „бытие определяет сознание“: противоположность интересов нетрудящихся интересам трудящихся—непреодолимое препятствие к тому, чтобы первые (исключения, конечно, предполагаются)

[1]) Вестн. Сов. Юстиции 1924, № 9—10, стр. 253.

признали справедливость притязаний вторых и без принуждения стали жертвовать для удовлетворения этих притязаний своими личными выгодами.

То воспитательное воздействие правосудия, о котором говорит п. „в" ст. 1-я „Основ судоустройства", осуществляется уголовным судом так же, как и две предыдущие задачи, двояким путем: с одной стороны через посредство репрессии уголовный суд внедряет в сознание общества убеждение, что угроза уголовного закона—не пустой звук, и приучает общество считаться с велениями законодателя; с другой—он вносит в действие закона строгую определенность. И именно этой стороне деятельности суда принадлежит преимущественно воспитательное значение: репрессии, сопутствующие обвинительным приговорам суда, подчиняют общество закону, внушая *страх* перед ним, но только „юридическая определенность", применение закона лишь при условиях, дающим всем гарантию, что закон применяется не иначе, как при достаточных—в нем самом указанных—основаниях, способно вызвать уважение к закону. Уголовный закон только *страшен*, когда его угроза может обрушиться на каждого и без крайней в том необходимости; уголовный закон *авторитетен*, когда деятельностью суда обществу внушена уверенность, что зло репрессии ограничивается рамками строгой необходимости и (законом определенной) обязательности.

Только репрессии по суду может принадлежать воспитательное значение. Известно, что воспитательный эффект репрессии в значительной мере зависит от того, насколько наказание кажется справедливым и самому осужденному и тому обществу, в котором он живет (всему обществу или части его: классу, профессиональному объединению и т. п.) [1]). Наказание произвольное, налагаемое только по капризу власти, такое наказание не может производить той силы впечатления, на которую расчитано. Напротив, приговор уголовного суда, констатирующий, что у государства есть—по закону или применительно к закону—право на наказание, усиливает репрессию, сам составляет некоторый веский придаток к ней. Совершенно справедливо пишет Глазер: „Уголовный приговор не только необходимо предполагается, как основание реакции против преступления, но и составляет полное значения начало ее", и также справедливо он делает отсюда вывод: „Возможность сомнений в заслуженности наказания, приговор, определивший наказание незаслуженное или, хотя и заслуженное, но при таких обстоятельствах, из которых видно, что лишь вследствие случайности к наказанию этому присуждено именно данное лицо, вредит цели уголовного правосудия в большей степени, нежели открытие, что в том или другом случае виновный избежал наказания".

Г. Осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан.—Задачу осуществления революционной законности в личных и имущественных отношениях законодатель, в отличие от двух предыдущих задач, распространяет на всех граждан, а не только на трудящихся. В этом и заключается то существенное дополнение, которое, в определение круга задач правосудия вносит последний пункт 1-й статьи „Основ судоустройства": законодатель не отказывает нетрудящимся в охране их прав и законных интересов, но эту охрану он не считает равнозначущей с задачей

---

[1]) См. у проф. Мокринского: „Наказание тем репрессивнее, чем оно популярнее". („Наказание, его цели и предположения" ч. I, 1902 г. стр. 79).

охраны прав и интересов трудящихся; он предоставляет ее не во внимание к интересам лиц, живущих средствами, получаемыми от использования капитала или от непроизводительного труда, а во имя начала революционной законности, в последовательном соблюдении которого заинтересовано общество трудящихся. Пользуясь известным различением субъективных прав и рефлекторных прав [1]), под которыми разумеются „интересы гражданина, пользующиеся защитой только потому, что их защита совпадает с охраной норм объективного права“ [2]), можно сказать, что нетрудящиеся, по советскому законодательству, имеют только рефлекторное, но отнюдь не субъективное публичное право на охрану правосудием их интересов.

Что такое „революционная законность“, об осуществлении которой, как о задаче правосудия, говорит ст. 1-я „Основ Судоустройства“, и в каком отношении революционная законность находится к революционной целесообразности? С тех пор, как видвинута задача водворения революционной законности, вопрос этот не раз становился предметом оживленных и даже страстных прений. Можно признать, что член ВЦИК'а СССР т. Каплан выразил при рассмотрении в ЦИК'е СССР „Основ судоустройства“ итог многократного обсуждения вопроса, когда так формулировал взаимоотношение между революционной законностью и революционной целесообразностью: „Наш советский законодатель, которому с горы виднее, вырабатывая тот или другой закон, должен и, конечно, имеет в виду издать закон, революционно наиболее целесообразный и только революционно целесообразный. Никаких других законов, кроме целесообразных, у нас быть не может и не должно. Как только закон перестает быть революционно целесообразным, он должен быть тотчас же отменен и заменен другим. Однако, это не значит, что вопрос о том, применять или не применять существующий закон, должен решаться лишь в зависимости от взгляда того или иного товарища, какой бы удельный вес в советском строительстве он ни имел, на то, целесообразен данный закон или нет. Вопрос о целесообразности закона решается коллективным разумом законодателя, а не разумом отдельных товарищей“ [3]).

Таким образом, применение революционной законности судами к личным и имущественным отношениям граждан заключается не в чем ином, как в определении этих отношений всегда в строгом соответствии с законом,—другими словами, во внесении в них все той же „юридической определенности“. Конечно, эта определенность имеет в советском государстве свой отпечаток, хотя и в нем, как и везде, „юридическая определенность“ есть та определенность, которая суду диктуется правом,—которую суд придает отношениям граждан, подчиняя их велениям права, но это право есть право страны, сломавшей старые устои и переживающей пору революционного строительства. Как и всякий суд, советский суд *(в смысле судебной организации)* призван судить по закону, но от того, что закон этот есть закон с новым революционным содержанием, это содержание сообщается и советскому суду *(в смысле правосудия)*, делая его по существу иным, новым, не таким, каким было правосудие у нас до революции и не таким, каким оно остается на Западе.

---

[1]) В русской литературе см., напр., проф. М. Д. Загрядков, „Административная юстиция и право жалобы“, М. 1925 г. (изд. „Право и Жизнь“), стр. 161.

[2]) Там же.

[3]) Стеногр. отч. 2-й сес. ЦИК СССР 1924 г. стр. 436.

В предыдущем изложении нам нигде, за исключением приведенной цитаты о революционной законности, и не пришлось сослаться на какие-либо официальные источники, изъясняющие мотивы ст. 1 „Основ". За отсутствием объяснительной записки, такими источниками могли бы быть доклады по проекту „Основ" в 2-ой сессии ЦИК СССР [1]). Но и здесь соображений, разъясняющих смысл ст. 1-ой „Основ судоустройства", высказано не было. Первый из докладчиков только воспроизвел статью проекта, определяющую задачи суда; второй, приведя новый выработанный комиссиею по конституционным вопросам УК текст ст. 1 „Основ судоустройства", ограничился выводами, что „задачи" нашего советского суда... резко и категорически отличают его от того понимания его функций, которые возлагались на него теориями представителей буржуазной юстиции [2]). Думаем, что предъидущее изложение вполне подтверждает этот вывод.

В заключение естественно остановиться на вопросе, составляют ли задачи уголовного правосудия, как они очерчены в ст. 1-ой „Основ судоустройства", своеобразие уголовно-судебной функции, отличающее ее от других функций власти? Конечно, нет. Совершенно так же, как и судебная власть, и власти законодательная и административная имеют задачей своей деятельности и охрану государственной власти в целом и защиту правопорядка и признанных законом прав и интересов, и правовое воспитание граждан; своеобразие, следовательно, заключается не в общих задачах уголовного правосудия, а в том, как оно им служит, а мы уже видели, что служит оно им через посредство установления в каждом отдельном случае в *определенном процессуальном порядке* наличности или отсутствия у органов государственной власти, *в силу ею самою установленной нормы*, полномочия подвергнуть обвиняемого репрессии—в определенном размере [3]). Н. В. Крыленко совершенно прав, когда пишет: „форма", *норма*, процессуальная сторона—вот, что отличает суд [4]).

Согласимся с только что названным автором, что это отличие не полагает принципиальной грани между судебной и правительственной властью. Допустим, вслед за самым выдающимся из современных германских государствоведов, что все различие между судебными и правительственными учреждениями объясняется только исторически (ist nur historish zu erklären [5]), но вместе с тем признаем, что указанное отличие суда придает ему то своеобразие, которое определяет его место среди других государственных учреждений и неизбежно влияет на его организацию.

Н. Полянский.

---

[1]) Первый доклад был сделан председателем Верх. суда СССР Винокуровым; так как проект вызвал прения по вопросам конституционного порядка, то он был передан на рассмотрение комиссии по конституционным вопросам, от имени которой заключительный доклад был сделан Н. В. Крыленко. См. Стеногр. Отчет 2-ой сессии ЦИК 1924 г. ст. 197 и сл. 589 и сл.

[2]) Стеногр. отч., стр. 590.

[3]) См. наши статьи „Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса", в Юрид. Вест., 1916, книга III и „Цель уголовного процесса" в Сборнике Ярославского Государствен. Университета.

[4]) Судоустройство. 1919 г., стр. 16.

[5]) Hans Kelsen, Allgemeine Staatslehre, 1925 стр. 238.

Наша карательная политика и борьба с хулиганством.

I.

Хулиганство—одно из самых сложных социальных явлений, и борьба с ним так же сложна. Свою долю должна вносить в эту борьбу и уголовная репрессия, но доля эта невелика. Стоит только сравнить относящиеся сюда данные, хотя бы газетной хроники за последние годы, и сейчас же становится ясным огромное значение таких факторов, как безработица, беспризорность и пьянство. Рост безработицы, открытие продажи водки, повышение ее крепости сейчас же вызывают подъем преступности и в частности хулиганства [1]). Борьба с этими факторами, конечно, не относится к компетенции суда. Но поскольку на ряду с борьбой на экономическом, культурном и иных участках должна проводиться и борьба судебная,—может представлять самостоятельный интерес рассмотрение методов этой борьбы и ее ближайших задач применительно к поставленной в порядке дня всеобщей кампании против хулиганства.

Первым вопросом—предварительным—придется поставить вопрос о юридической сущности этого явления. Что такое хулиганство? С чем именно следует бороться?

В разговорах и газетах обычны такие описания: „В таком-то переулке хулиганы сняли с рабочего кожаную куртку и отняли кошелек"; „на свадьбу явился отвергнутый поклонник с приятелями и избили кольями жениха, который от побоев умер; хулиганы задержаны"; „хулиганами-кулаками из мести сожжена хата местного селькора"; „пятеро пьяных хулиганов изнасиловали девушку"; „рабочие завода затеяли после получки и выпивки драку с несколькими местными жителями, были пущены в ход ломы и лопаты,—в результате двое убитых и несколько тяжело раненых. Суд над хулиганами состоится в помещении завода" и т. д. Словом, под хулиганство подводились в этих сообщениях—убийство из мести, убийство в драке, грабеж, поджог, изнасилование. Сюда же охотно относили многие случаи оскорбления словами и действием и нанесение побоев, коль скоро таковые имели место на улице, в учреждении, театре. Самая статья 176, трактующая о хулиганстве, применялась судами, конечно, только к последней группе случаев, но самое понятие было в достаточной мере затемнено.

---

[1]) В отношении влияния последнего фактора я сошлюсь на доклад тов. Крыленко о проекте Уголовного Кодекса на второй сессии ВЦИК XII созыва (Бюл. VII стр. 364): „Я должен хотя бы указать, что в день введения 40-градусной водки у нас, в Москве, количество хулиганских выходок необычайно возросло". Реплики с мест (т. т. Курца и Рязанова) подчеркнули, что и „провинция" и „даже аккуратные немцы" не отстают от Москвы. В прениях представительница деревни Московской губ., Баскакова, еще раз подчеркнула, что по праздникам преступления в пьяном виде и в частности хулиганство совершаются в таком количестве, что волосы дыбом становятся" (Бюл. VIII, 402). Вот еще несколько цифр, характеризующих рост хулиганства. Иваново-Вознесенск: в 1923 г.—428 случаев, в 1924 г.—763, в 1925 г.—1661, в 1926 г.—4438. Ярославская губ.: в 1925 г. зарегистрировано 7687 случаев, в 1926 г.—14466. В Туле: с прошлого года число хулиганов увеличилось на 80%. В Уфе за 6 месяцев задержано 2195 хулиганов. По всей Украине за июнь 1925 г. было зарегистрировано 1772 случая хулиганства, в мае этого года—3707, в Москве за первое полугодие текущего года было задержано 22739 человек. В октябре 1925 г. было задержано 2304 чел., в декабре—3412, в марте 1926 г.—3985, в апреле—4205, в июне—4079. („Правда" за 15—22 сентября 1926 года).

Эта неотчетливость понятия имеет свои корни еще в докодексном периоде советского суда. Один из первых декретов о революционных трибуналах—4 мая 1918 г. отнес к их подсудности дела о хулиганстве [1]). Циркуляр же Кассационного отдела ВЦИК'а 6/X—1918 г. разъяснил, что за хулиганство отвечает тот, „кто исключительно с целью внести *дезорганизацию в распоряжения советской власти* или оскорбить нравственное чувство или политические убеждения окружающих, *учинит бесчинство*“ [2]).

Тут и в самом отнесении дел о хулиганстве к трибунальской подсудности и в обрисовке состава подчеркиваются некоторые политические моменты.

При издании Уголовного Кодекса 1922 г. хулиганство определялось, как озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом, действия.

„По поводу этой статьи“, говорил в своем докладе на 3-й сессии ВЦИК IX созыва Нар. Ком. Юст. Д. И. Курский, „я должен сказать, это деяние, которое весьма спорно было в свое время в науке уголовного права, но тем не менее в последнее время все или большинство криминалистов склоняются к необходимости действительно такого рода статью внести в Кодекс, ибо мы имеем достаточно практики, которая показывает, что существуют такие озорные бесцельные поступки, которые никак не могут быть уложены в точные старые юридические нормы, но которые определенно связаны с проявлением неуважения к гражданам и нарушают их чувство стыдливости, чувство необходимого покоя, которого может требовать каждый гражданин“ [3]).

Как один из примеров того, в каком направлении шла конкретизация общей мысли, укажу циркуляр Верховного Трибунала РСФСР от 22 декабря 1922 г., предписывающий „военнослужащих, не принадлежащих к командно-административному или комиссарскому составу, за появление на службе или в общественном месте в состоянии явного опьянения, нарушающем общественную безопасность и пристойчивость, привлекать к ответственности по ст. 176 Уголовного Кодекса“ [4]).

Вторая сессия ВЦИК XI созыва в октябре 1924 г. „в целях быстрой и решительной борьбы с хулиганством, не имеющим особо злостного характера“ и считая, что дела этого рода очень несложны, разделила ст. 176 на две части, передав первую в ведение административных органов. Санкцией за первое хулиганство, не осложненное упорством, были назначены принуд. работы на срок до одного месяца или штраф до 50 руб. Санкцией за рецидив или упорное хулиганство являлось лишение свободы на срок до 3 месяцев. *Таким образом санкция была уменьшена* в первой редакции ст. 176—*до одного года* [5]).

Вместе с тем изменилась и диспозиция статьи. Хулиганство определялось теперь, как озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу, действия, в частности, буйство и бесчинство.

Выпущенными из старого определения оказались слово „бесцельные„ (очевидно, по соображениям обще-теоретического, философ-

---

[1]) Собр. Узак. РСФСР 1918 г., № 35, стр. 471.

[2]) Напечатан в книге Н. В. Крыленко, Судоустройство РСФСР (М. 1924, стр. 303—310.

[3]) Бюллетень 3 сессии от 26 мая 1922 г.

[4]) Циркуляр № 191, напечатан в Ежен. Сов. Юст. 1923 г., № 2.

[5]) Постан. 2 сессии ВЦИК XI созыва 16/X—1924 г. Собр. Уз. 1924 г. № 79, ст. 786.

ского характера—ничего бесцельного в действиях человека не бывает!) и слова „к отдельным гражданам", чем вряд ли правильно суживался объем понятия. Внесенные в это определения примеры—буйство и бесчинство ярче подчеркивают отсутствие специальных мотивов и, так сказать, вспомогательный характер понятия хулиганства.

Понижение репрессии оказалось весьма неудачной мерой, особенно, в виду усиления действия обще-экономических факторов преступности. Они повлияли не только на рост имущественных посягательств, но и на все преступления, направленные против личности. Группы лиц, по тем или другим основаниям и в какой-либо сфере жизни оказавшиеся „не у дел",—безработные, демобилизованные, по деревням—молодежь, не вошедшая в общественные организации,—все они подняли вверх кривую хулиганства и более серьезных посягательств [1]).

На 2 сессии ВЦИК XII созыва, обсуждавшей в октябре 1925 г. новый проек Угол. Код., очень много говорилось о хулиганстве. Проект УК определял за повторное или упорное хулиганство, несмотря на предупреждения органов, охраняющих общественный порядок, или за хулиганство, по своему содержанию отличающееся исключительным цинизмом или дерзостью,—лишение свободы на срок до 2-х лет.

Но целый ряд выступавших ораторов отмечал недостаточность максимума. „Несмотря на то, что новый кодекс предлагает нам значительное усиление, по сравнению со старым кодексом, мер борьбы с хулиганством, их все же далеко не достаточно для искоренения хулиганства", указывал представитель Московской губернии [2]). „Максимально, к чему могут быть присуждены любые хулиганы,—*а часто хулиганов трудно отличить от настоящих бандитов*,—это к двум годам заключения. Нужно обратить внимание на то, что получилось на практике, насколько бессильна наша милиция в борьбе с этим видом преступников. У нас в районе идет процесс 22 хулиганов. Это выявленная шайка московских хулиганов, которые десятки раз повторяли свои преступления". Дальше оратор приводит описание их последнего преступления сложного состава с избиениями и грабежом и указывает: „Все были арестованы, но *на другой день мы видим, что хулиганы эти гуляют на воле:* не нашли такого закона, по которому их можно было бы оставить под стражей до суда". И дальше: „Сейчас идет этот процесс, и вчера мне сообщили, что один из хулиганов, вождь шайки, сказал: Мне по всем законам,—существующим и которые будут существовать,—сумеете дать не больше 2 лет, а тебе—показал он на агента МУУР'а, который захватил их,—тебе жить осталось не больше 2 лет" [3]).

В заключительном слове докладчик Н. В. Крыленко отметил, что больше всего удовлетворения ему доставило отношение сессии к поправке, вносимой в статью о хулиганстве. „Наше предложение вызвало общую поддержку со стороны выступающих товарищей—представителей с мест. Я не был на последней сессии ВЦИК *и не знаю, по каким мотивам была тогда определена такая низкая мера репрессии при квалифицированном хулиганстве—максимум 3 месяца*

---

[1]) Психологии хулиганства посвящена интересная статья Т. М. Сегалова в сб. „Проблемы преступности" (М. 1926, стр. 83 сл.).

[2]) Бюллетень VIII, стр. 399.

[3]) Ibid. стр. 400.

тюрьмы. Мы ставим 2 года, как максимум, полагая, что это достаточная мера. Если сессия найдет, что нужно еще повысить,—мы возвражать не будем" [1]).

Так обстоит дело в РСФСР, где новая редакция Уг. Кодекса еще не утверждена.

II.

На Украине до самого последнего времени действовала 176 ст. в первоначальной ее редакции. Рост ряда преступлений, в том числе и хулиганства поставил вопрос о недостаточности этой статьи. 25 августа сего года президиум ВУЦИК'а утвердил постановление „Об усилении борьбы с хулиганством" [2]), которое я привожу полностью, в виду большого его интереса:

„Признавая необходимым в связи с разнообразием проявления хулиганства произвести большую дифференциацию мер социальной защиты, применяемых за хулиганство,—ВЦИК и СНК УССР постановили:

1. Изложить ст. 176 Угол. Код. в следующей редакции:

Ст. 176. Хулиганство, то-есть, озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, влечет за собой принудительные работы на срок до одного месяца или штраф до 50 рублей.

Те же действия, если они осложнились буйством или бесчинством, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок,—лишения свободы на срок до 2-х лет.

Те же действия, если они отличались исключительным цинизмом или наглостью, или совершены группой лиц, или в отношении малолетних или женщин,—лишения свободы до 3-х лет со строгой изоляцией.

Те же действия, если они сопряжены с убийством, изнасилованием, тяжкими телесными повреждениями или поджогом,—лишения свободы со строгой изоляцией, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты (расстрел).

2. Установить следующую подсудность дел по преступлениям, предусмотренным ст. 176 Уг. Код. УССР:

а) дела по преступлениям, предусмотренным ч. 1 и 2 ст. 176 Уг. Код. УССР—подсудны Народному Суду;

б) дела по преступлениям, предусмотренным ч. 3 и 4 ст. 176 Уг. Код.—подсудны Окрсуду".

Обращаясь к анализу этого постановления, мы видим, что первая его часть повторяет определение хулиганства, принятое 2 сессией ВЦИК XI созыва, определение суженное. Если оставаться в пределах первой части статьи, то можно притти к выводу, что действия, проявляющие явное неуважение к отдельным гражданам, не признаются хулиганством. С другой стороны, 3 ч. статьи говорит о хулиганстве в отношении *малолетних или женщин*, то-есть, отдельных лиц, при чем это хулиганство признается тяжким. 3 ч. статьи невольно наталкивает на мысль о том, что всякие насильственные или оскорбительные действия в отношении женщин или малолетнего должны считаться квалифицированным хулиганством. В самом деле, приставанье на улице к проходящей женщине, сопровождавшееся бесстыдными

---

[1]) Ibid., стр. 407-408.

[2]) Напечатано в газете „Вісті" от 1 сентября 1926 г. № 199.

действиями, всегда подводились нашей практикой под 176 ст. Но вряд ли можно говорить в этих случаях о проявлении неуважения к обществу в целом. Далее трудно понять, почему включенные в российскую редакцию 176 статьи примеры—*буйство и бесчинство* выделены здесь во 2 ч., как особое отягчающее обстоятельство.

Ведь несомненно, что хулиганство, как юридическое понятие, не может быть определено со стороны объекта посягательства,—в отдельных случаях хулиганства, можно найти оскорбление, повреждение чужого имущества, нарушение общественной тишины и покоя. Для хулиганства характерны именно элементы *бесчинство, озорство, буйство*—неподчинение установленному ладу, нежелание считаться с личностью всякого другого, его чувствами, отдыхом, работой, как равно и с правами и настроениями целых общественных групп и всего общества [1]). Эта внутренняя сторона хулиганства настолько характерна, что в определение его вносили иногда (так и первая редакция 176 ст.) признак *бесцельности*. В литературе говорилось и о *безмотивности* [2]). Конечно, эти признаки надо понимать условно. Мотив есть, цель есть, но они резко отличаются от обычных мотивов и целей других преступлений. Нет мотива *личной заинтересованности* (корысти, мести, полового чувства), и совершение преступления не направлено на удовлетворение какой-либо потребности. Цель преступления лежит в самом действии, а не в его последствиях. *Хулиганское преступление есть самоцель.*

Правильно, кажется нам, подчеркивает Т. М. Сегалов, что хулиганство—преступление не одиночки, а группы—„шатии", „братвы": удовлетворение хулигана—в уважении и удивлении „своих парней" к геройскому поступку. „Хулиганство, говорит даже Сегалов, есть своего рода „создание общественного мнения" [3]).

Действительно, во множестве просмотренных нами дел о хулиганстве преступление совершалось скопом, или же при явной хотя и пассивной поддержке „компании". Почти во всех случаях осуждения за хулиганство „одиночки", человека, не связанного с группой, можно было констатировать неправильное применение 176 ст. к деяниям, полностью укладывающимся в рамки 172, 157 или 153 статьи УК.

Эта „внутренняя цель" хулиганства вызывает и безразличие к объекту посягательства: первый встречный, которого можно ударить, окна любого дома, в которые легко запустить булыжником, похороны, свадьба, манифестация, спектакль, которые так приятно нарушить, расстроить, разогнать... Этот момент особенно подчеркивало сочетание терминов „бесцельные" и „озорные". „Озорник"—слово, которое без неприятного привкуса часто применяется к детям, и тогда оно является синонимом слова „шалун". Детская шалость именно и характеризуется этим отсутствием внешней цели. Но у детей она чаще всего окрашивается в добродушные тона и легко объясняется недостаточным пониманием возможных последствий. У хулиганов, вышедших из детского возраста, нет уже этой внутренно оправданной безответственности, их шалость—озорство принимает характер злостности, *пакостничества*. Озорной, безразличный к объекту характер хулиганства интересен не только с психологической, но и с юридической стороны, потому что он обусловливает легкость совершения, *частоту преступ-*

---

[1]) Так и комментаторы 176 ст. проф. К и с е л е в (Уг. Код. советских Республик под ред. С. Канарского, Госизд. Укр. Изд. 2 (1925) стр. 365-366), проф. Г р о д з и н с к и й. „Преступления против личности" (изд. „Пр. и Ж." М. 1924, стр. 59-62).

[2]) Г р о м о в. Безмотивное преступление, ст. в Журн. Мин. Юст. 1913 г. кн. 5.

[3]) Психология хулиганства, стр. 85—86,

ления. Не нужно ни особого внешнего повода, ни особых качеств объекта, ни какой-либо обстановки, благоприятной для преступления. Хулиган „всегда готов". *Хулиган, каким мы видим его уже перед судом, никогда не является виновником единичного хулиганского акта, но всегда—целого ряда их.* К этому моменту мы вернемся, когда будем говорить о мерах воздействия.

Теперь обратимся к дальнейшему анализу новой редакции 176 ст. Укр. Уг. Кодекса.

В третью часть статьи выделены случаи, квалифицированные по признаку *исключительного цинизма или наглости.* Эти два обиходные житейские понятия не представляют твердого критерия. Здесь же с их наличием связано *изменение подсудности,* то-есть, досудебная оценка трудно учитываемых обстоятельств дела. Процессуальные неудобства, которые вызывает эта часть статьи, скажутся немедленно. В самом деле, как квалифицировать обнажение половых частей перед женщиной? Есть ли тут *цинизм?* Несомненно. И в то же время мы знаем, что подобные действия суды нередко подводят под оскорбление (ст. 172). Можно ли считать *наглостью* громкий крик во время спектакля? С точки зрения тысячи человек публики в театре,—конечно, можно. И в то же время вряд ли можно отрицать, что это типичный случай, полностью подходящий под I ч. 176 ст. УК.

Термины эти перешли в украинский закон из проекта российского Угол. Код. 1925 г., но замена слова „дерзость" словом „наглость" не улучшает дела. И эпитет „исключительный", конечно, не устранит крайнего субъективизма в оценке, неизбежного в отношении 3 части ст. 176. Практика нового закона уже выдвинула затруднения, теоретически, казалось бы, немыслимые. Подвыпившим парнем побиты окна в двух хатах,—оказалось, что в одной из них были только женщины. Подходит ли этот случай под 3 часть статьи? А если хата принадлежит женщине, и это известно хулигану?

Все эти замечания имеют целью показать весь вред той казуистичности, которую вводит новый закон. Она породит излишнюю путанницу и нестроту кассационной практики. В частности, в Украинских условиях обязательности предварительного следствия по всем делам, подсудным Окрсуду, получится колоссальная загрузка следователей, Уголовных отделов Окрсудов и Кассколлегии Верхсуда: один формальный признак — совершения преступления *группой*—послужит основанием для передачи большинства дел из дежурной камеры, где они до сих пор разбирались, в Окрсуд через Нарследователя.

Мотив передачи дел по 3 ч. 176 ст. в Окрсуд непонятен. При наметившейся тенденции расширения подсудности Нарсуда на все общеуголовные преступления до ст. 143 включительно, совершенно необосновано создание подсудности Окр. судам для таких дел, как приставание двух подвыпивших парней (группа!) к прохожим, или битье ими стекол. Не знаю, думал ли законодатель о повышенной репрессии, и будет ли она достигнута? *Но замедление в рассмотрении дел о хулиганстве совершенно неизбежно.* А быстрота репрессий здесь играет самую существенную роль. Можно опасаться, что при обязательности предварительного следствия нередкими будут случаи оставления хулиганов до суда на свободе. А мы приводили выше нарекания на это обстоятельство, которые делались на сессии ВЦИК'а.

Казалось бы, гораздо правильнее, не выделяя всех этих случаев из подсудности Нарсуда, не создавая дробных делений, неясных и казуистических,—повысить максимум наказания хотя бы до того же

предела в 3 года и представить суду широкий выбор между отдельными мерами воздействия, в зависимости от проявленных хулиганом свойств и всей обстановки преступления.

III.

Центр тяжести нового закона, а по нашему мнению, и главный юридический дефект его, лежит в 4-й части статьи.

Читая ее, ясно понимаешь, почему законодатель, идя вслед за новой редакцией 176 ст. в России, выпустил из определения хулиганства в 1-й части слово „*бесцельные*". Очень трудно сочетать такие два понятия, как *бесцельность* и *изнасилование*, а они были бы формально связаны в контексте статьи.

Но, конечно, этот чисто внешний прием не спасает положения. Остается то же неестественное сочетание понятий: *озорные действия* связанные с *неуважением к обществу* и сопряженные с .... *изнасилованием, поджогами* и проч.

Тут неудачно все, начиная с технической конструкции фразы. Получается, что усиленным вплоть до высшей меры наказанием облагается не само по себе убийство, поджог, изнасилование, а *озорство*, если оно сопровождается одним из этих действий [1]), т. е. убийство, поджог и пр. являются лишь квалифицирующими обстоятельствами. По существу же 4-я часть статьи закрепляет ходячее словоупотребление: убийство и тяжкие телесные повреждения, и поджог, и изнасилование,—все это есть разнообразные формы одного и того же преступления—хулиганства! Таким образом, совершенно стираются грани, отделяющие хулиганство, как юридическое понятие, от других преступлений. Конечно, это было бы не так важно, если бы пострадала только юридическая техника, и *одна статья* нашего Уг. Кодекса оказалась бы несовершенной. Но дело гораздо серьезнее. Одним взмахом пера законодателя упраздняется вообще систематика Уголовного Кодекса, и теряют значение ранее данные и не отмененные законодателем характеристики отдельных преступлений и вызываемые их совершением санкции. Сейчас я попробую доказать это положение.

Статьи 142, 143, 144, то-есть, все виды умышленного убийства, ст. 147—убийство неосторожное, ст. 149 и 151 — умышленное тяжкое телесное повреждение, ст. 154 (поскольку практика подводит под нее все неосторожные телесные повреждения, независимо от их тяжести), ст. 169—изнасилование, и ст. 197—умышленное истребление имущества путем поджога [2])—все эти преступления, различные по объекту, мотивам, степени опасности для правопорядка и, следовательно, по наказуемости,—сливаются теперь в одном понятии хулиганства.

Я включил в этот перечень статьи, предусматривающие неосторожное убийство и нанесение телесных повреждений, и думаю, что

---

[1]) Попутно следует отметить вообще на редкость неудачную технику данного закона. В первой части статьи, очевидно, сознательно неприменена обычная формулировка УК: „карается", это вызвано общими правильными соображениями о каре и целях уголовного принуждения. Но что же получилось? „Хулиганство... влечет за собой принудительные работы"... Конечно, хулиганство само по себе не влечет работ, работы—юридическое, а не физическое последствие совершения преступления. И потому в статье надо было бы употребить выражение: „хулиганство... влечет применение меры социальной защиты в виде (форме) принудительных работ и т. д." В остальных же частях статьи просто нет сказуемого, т. к что получается фраза такой конструкции: „те же действия, если они... лишения свободы... при этом точно такая небрежность редакции допущена и в украинском тексте, что устраняет предположение об опечатке.

[2]) А почему потопление или взрыв имущества не отнесены к 4 ч. 176 ст.?

я прав. Весьма нередки случаи, когда типично-хулиганская выходка, хотя бы со швыряньем камней и пр., оканчивается непредвиденным преступником тяжким телесным повреждением или лишением жизни. До издания рассматриваемой новеллы, по общему правилу, выраженному в ст. 29 УК, такая идеальная совокупность преступлений подводилась практикой под статью, устанавливающую большую наказуемость, то-есть под 147 или 154. Теперь, при наличии в деянии признаков хулиганства и одного из преступлений, поименованных в 147 или 154 ст.,—суд обязан будет, на основании той же 29 ст. УК, квалифицировать преступление по 4 части 176 ст., как хулиганство.

Независимо от этого не трудно показать, что подведение *любого* случая соответствующего преступления под 4 часть 176 ст. будет очень простым делом. В первую очередь это относится к изнасилованию.

Это преступление, по общему правилу, имеет свой специфический мотив и озорным не бывает [1]). Но теперь *все случаи изнасилования* очень легко могут быть подведены под 4 ч. 176 ст. Ведь для этого преступления в высокой степени характерно то пренебрежение к правам, желаниям и достоинству личности, которое свойственно хулиганству. Но в то же время изнасилование есть преступление, резко отличающееся по объекту и характеру мотивов от всех других. Для насильника проявляемое им пренебрежение к личности и желаниям жертвы является лишь средством для достижения определенной цели. Для хулигана, как мы отмечали выше, это пренебрежение, озорство—самоцель.

Точно также возможно подвести под 4 ч. 176 ст. отдельные случаи убийства и нанесения тяжких телесных повреждений. При этом интересно подчеркнуть, что чаще всего будут подводиться под 176 ст. те случаи убийства, которые, по мысли законодателя, характеризуют убийцу, как менее опасного для правопорядка, и карались до сих пор легче, то-есть убийство под влиянием тяжкой обиды со стороны потерпевшего (ст. 144) и убийство, совершенное без наличия особенно низменных мотивов и других квалифицирующих обстоятельств (ст. 143). По фактической обстановке эти случаи легче всего могут рассматриваться, как „озорные“, „безмотивные“.

Все эти рассуждения вовсе не отвлеченно-теоретичны,—подкладка их весьма практическая. Ведь подведение перечисленных выше преступлений под 4 ч. 176 ст. увеличивает даже для *средних* случаев их наказуемость до десяти лет лишения свободы (по ст. 197 максимум—5 лет, по ст. 147 — 1 год, по ст. 154 — 6 месяцев) и грозит „при особо отягчающих обстоятельствах“ высшей мерой наказания.

Что же считать особо отягчающими обстоятельствами? Для каждого отдельного типа преступления в уголовных законах обычно указываются специальные отягчающие обстоятельства. Наш Угол. Кодекс называет, напр., для убийства ряд таких обстоятельств в виде низменности мотива, рецидива, мучительности способа убийства,

---

[1]) В практике Украинского Верхсуда был случай, когда два парня, рассерженные отказом девушки отдаться им, захватили ее в укромном месте и гвоздем прорвали ей девственную плеву. Вокруг этого казуса было много споров по вопросу о квалификации. Суд подвел его под и з н а с и л о в а н и е, хотя здесь как раз можно было говорить о конкуренции двух статей, предусматривающие телесное повреждение и хулиганство. Даже в этом случае суд приписал преступникам специфически половой мотив, благодаря особому характеру нанесенного ими телесного повреждения. Что же касается насильственного полового совокупления, то только в самых редких случаях оно может не иметь этого специфического мотива и цели.

особых отношений к жертве... Совершенно очевидно, что ни один из этих признаков не подойдет под „отягчающие обстоятельства“ 4 ч. 176 ст., ибо каждый из них непримпримо отвергает *озорной* характер действия, свойственный хулиганству. Такие же обстоятельства можно найти и при других преступлениях (систематические истязания по 149, сознательное несоблюдение правил неосторожности по 147, и опять-таки их нельзя подвести под отягчающие обстоятельства 4 ч. 176 ст. УК.

Значит, *юридически правильно* будет подведение под 4 ч. 176 ст. с отягчающими обстоятельствами и, следовательно, под высшую меру наказания таких случаев убийства и пр., которые с точки зрения законодателя, выраженной в соответствующих статьях Угол. Кодекса, являются сравнительно легкими.

Текст статьи не дает никаких указаний. Нельзя при самых серьезных преступлениях, как убийство, изнасилование, поджог, говорить о цинизме и наглости, которые упоминаются в 3-й части статьи... В чем же,—в объективной или субъективной стороне преступления искать отягчающие обстоятельства? Но в субъективной всякий низменный мотив переведет преступление в плоскость более тяжкого (по старым статьям Кодекса) и менее наказуемого деяния с определенным составом. И на суде будет наблюдаться любопытное явление: обвиняемый, старающийся доказать наличие самых низменных мотивов, и обвинитель, доказывающий их отсутствие.. Признание же отягчающего значения за обстоятельствами, относящимися к объективной стороне деяния, всегда будет *произвольным*.

IV.

Если мыслить привычными для каждого криминалиста понятиями, придется сказать, что рассмотренная нами законодательная новелла направлена на усиление борьбы не с хулиганством, а с целым рядом более серьезных уголовных преступлений, и что украинский законодатель в качестве борьбы ввел высшую меру наказания за убийство и тяжкие телесные повреждения (умышленные и неосторожные), а также за поджог и изнасилование.

Хотя технически это осуществлено упоминанием высшей меры в одной лишь 176 статье, но фактически высшая мера введена, как мера альтернативная, в санкции старых *девяти* статей. При этом в некоторых из них такая санкция не существовала за все время революции.

Невольно возникает вопрос: какая необходимость вынудила законодателя прибегнуть к этой мере? Неужели в его распоряжении нет иных средств, кроме принципиально отвергаемой социалистическим правосознанием и оставленной в Кодексе лишь в качестве временной крайней меры смертной казни, чтобы справиться с такими преступлениями, как изнасилование, поджог, убийство? Неужели те длительные сроки лишения свободы, которые предусмотрены в санкциях соответствующих статей, недостаточны для исправления и приспособления одних, устрашения других, обезвреживания третьих?

Не наталкиваемся ли мы в этом частном случае на обстоятельство более общего значения,—на то, что наша уголовная репрессия и ее главное средство—лишение свободы, потеряв свое значение специально-превентивное, то-есть в отношении лиц, непосредственно подвергаемых наказанию,—не оказывает больше и общепревентивного воздействия на всех третьих, неустойчивых лиц (ст. 8 Уг. Код.)?

Не слишком ли мы увлекаемся условным осуждением, условным освобождением и применением без достаточных оснований всех способов понизить меру социальной защиты, определенную законодателем в Уг. Кодексе?

Вот несколько примеров судебных приговоров, взятых наудачу из большого числа собранных мною случаев из дел киевских, харьковских и московских:

1) парень трижды покушается на изнасилование девушки, — и всякий раз непредвиденные им обстоятельства препятствуют совершению преступления.... Приговор: принимая во внимание отсутствие вредных последствий, — шесть недель принудительных работ. 2) Выпущенный из допра милиционер, обвиняемый в соучастии в краже, выстрелом из револьвера убивает соседку, которая подралась с его женой, а его назвала вором.... Приговор по делу об убийстве: принимая во внимание его службу.... условно. 3) Селянин из мести стреляет в другого, которого он подозревает в сообщении в ГПУ о его сношениях с бандой. Приговор: так как он просидел по доносу три недели в ГПУ..., принимая 28 статью..—один год без строгой изоляции. 4) Выездная сессия суда, которая судила за хулиганство с поранением в грудь и, принимая во внимание то и другое, дала условно год [1]). 5) Три подвыпивших парня пристали на улице к студенту и девушке; двое работали кулаками, третий, уже *судившийся за хулиганство*, ударил студента ножом в бок... Ранение легкого, серьезная болезнь... Приговор: двоих к принудительным работам *на месте службы* на 3 месяца каждого, рецидивиста-хулигана и подкалывателя—к 6 месяцам лишения свободы [2]).

Примеры эти не нарочито мною подобраны сейчас, они взяты из громадного числа накопившихся вырезок и заметок; их легко было бы умножить, они не исключительны, а типичны. К слову сказать, наши провинциальные газеты до сих пор еще любят помещать заметки о таких приговорах с прибавлением трогательно-слащавых сентенций о том, что советский суд не карает, а исправляет, прощает раскаявшихся и т. п. Я думаю, что значение таких приговоров, да еще разрекламированных в печати, весьма определенно в смысле общего предупреждения... О специальном и говорить не стоит.

Еще несколько примеров из практики мест заключения: 1) лицо, приговоренное в апреле 1924 г. за укрывательство и снабжение бандитов оружием по 16 и 2 ч. 184 ст. к десяти годам лишения свободы со строгой изоляцией, в феврале 1925 года освобождается условно. 2) Рецидивист-бандит, приговоренный за активнейшее участие в налете (очень громкое дело!) к высшей мере наказания, замененной ему *в порядке помилования* 10 годами лишения свободы со строгой изоляцией, условно освобождается через 22 месяца после замены! 3) Человек, четыре раза судившийся за должностные преступления и отделывающийся пустяками, в январе и июне 1925 года *дважды* приговаривается к десяти годам лишения свободы со строгой изоляцией,—статьи обвинения 180[1], 113, 114... В мае 1926 года он на свободе! Тут, каюсь, я выбрал примеры, хотя и не редкие, но эффектные; зато каждый день без большой помпы освобождаются сотни осужденных за убийства, тяжкие ранения, разбойные нападения и хулиганство, едва отсидевшие *четверть срока*, а то и меньше. На Украине это возможно без всяких

[1]) Случай, рассказанный на 2 сессии ВЦИК XII созыва представительницей Московской губ. Баскаковой—Бюллетень VIII стр. 402.

[2]) Случай описан в „Правде“ от 18 сентября 1926 года, при чем в заголовке заметки „Борьба с хулиганством“ слово борьба взято в иронические кавычки.

разгрузок. Расчет простой: приговоренный к году с половиной может получить условно досрочное освобождение через 6 месяцев (одна треть вместо российской половины); но в порядке ст. 118 Испр. Труд. Код. ему засчитывают 2 дня работы за 3 дня срока: следовательно, через 4 месяца он может быть на свободе! А ведь бывают еще разгрузки, как раньше были амнистии...

Эта практика еще вреднее в смысле общепревентивного действия, оказываемого на неустойчивые элементы общества, чем неудачные приговоры. Я уже указывал в другом месте на популярность сокращений, зачетов и разгрузок в определенной среде, на то, что преступный мир прекрасно их учитывает, и что вся совокупность этих мер в нашей судебно-пенитенциарной практике получает характер *обратного общего предупреждения*, окончательно уничтожающего значение законодательной угрозы и даже вынесенного судом приговора [1]).

Пока отбывание наказания лишением свободы не изменит своего характера и не станет серьезным выполнением приговора, пока самые приговоры не начнут выноситься с учетом опасности личности подсудимого и без лишних послаблений в смысле 28 и 36 статей УК,— до тех пор никакое изменение санкции статей, вплоть до введения угрозы расстрелом, не принесет желательных результатов.

Стоит только провести параллель с применением высшей меры к осужденным за бандитские и разбойные нападения, чтобы стало совершенно ясно, что ни провозгласить, ни тем более осуществить высшую меру *во всех случаях* поджога, изнасилования, убийства и нанесения тяжких телесных повреждений *невозможно*.

Отдельные же исключительные случаи применения высшей меры могут скорее служить удовлетворению чувства той или другой общественной группы, взволнованной преступлением, как это было в деле расстреленного в Харькове за убийство Забачты, чем целям нашей карательной политики.

Потушить пожар участившихся поножовщин, легкого проламывания головы первому встречному, имевшему несчастие не понравиться убийце групповых отвратительных по обстановке и жестокости изнасилований,—можно, конечно, не высшей мерой. Явление это, которому присвоено имя хулиганства, выдвинуто сложным действием многих факторов и требует *длительного* применения самых различных орудий борьбы. Судебная репрессия, как мы указали в начале, есть самое слабое из всех орудий. И в этой судебной репрессии, думается нам, вряд ли полезной будет выдвинутая на Украине мера.

Согласно конституции СССР, основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик отнесены к компетенции союзного законодательства. 31 октября 1924 г. были утверждены ЦИК СССР эти „Основные начала“. Примечание 2 к статье 13 „Начал“ устанавливает, что „применение в качестве меры социальной защиты расстрела по суду подлежит особому регулированию законодательством Союза ССР и союзных республик,—*последними в соответствии с директивными указаниями Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР*“.

Эта статья допускает только одно толкование: всякое расширение применения расстрела, по сравнению с действовавшими в союз-

---

[1]) Моя статья „Специальное и общее предупреждение“ (Вестн. Сов. Юст. 1926 г. №№ 1 и 2).

ных республиках к 31/X—1924 г. уголовными кодексами, может производиться *не иначе, как по соответствующему постановлению Президиума ЦИК СССР.*

Согласно тому же примечанию 2 к ст. 13, расстрел, как временная исключительная мера социальной защиты, допускается лишь для борьбы с наиболее тяжкими видами преступления, угрожающими *основам советской власти и советского строя.* Думается, что включить в круг этих преступлений самое низкое убийство частного лица или самое гнусное по обстановке изнасилование все же невозможно.

V.

Нас могут упрекнуть в том, что наши предшествующие рассуждения страдают некоторой отвлеченностью, что мы не учитываем реальных допрских возможностей,—упрек этот обычен.

Но есть некоторые вещи, которые, как пища. должны соразмеряться с потребностью, а не возможностью: при длительном или резком несоответствии количества с потребностью наступают тягостные иногда гибельные последствия. К сожалению, в нашу переходную эпоху уголовная репрессия в определенных формах представляется насущной необходимостью. И давно уже доказано, что дешевая юстиция (в целом, со всеми своими пенитенциарными учреждениями)—скверная юстиция и очень дорого обходится в конечном счете государству, которое на ней экономит. Есть неизбежные в этой области расходы и их сокращать нельзя.

Но это только одна сторона вопроса. С другой стороны, можно, пожалуй, доказать, что и существующие пенитенциарные рессурсы используются не вполне рационально. Суровая действительность показала, что в виде ли „наследия прошлого", в виде ли „криминальных издержек революции",—но мы имеем в обществе большие кадры лиц, которых приспособить к правопорядку можно только путем *длительного воздействия*; некоторые же из них—и их не мало—в наших условиях вряд ли вообще могут быть приспособлены к жизни на свободе.

Еще в 1883 г. проф. Лист выдвинул классификацию преступников и сообразное с нею деление всех карательных мер на а) исправление *исправимых,* б) устрашение *ненуждающихся в исправлении* и в) обезвреженне путем устранения от общежития *преступников неисправимых* [1]). Эта классификация подтверждена была множеством тюремных наблюдений и отразилась в ряде реформ уголовного законодательства. В России ее усвоили многие видные криминалисты (Немировский, Жижиленко, Гогель), и, повидимому, она не встретила особенных возражений и сейчас при обсуждении вопроса в пенитенциарной секции Московского государственного института по изучению преступности и преступника [2]). Говорить ли о привычных преступниках (английское habitual offenders), или об упорных профессионалах, или просто о неисправимых, — суть остается та же: это преступники, в отношении которых почти или совсем недостижима цель приспособления [3]). Выпускать же их в общество для соверше-

[1]) Der Zweckgedanke im Strafrecht, Zeitschr. fdg. Strrw. III, S. 36.

[2]) Ср. статью Б. Утевского. Из трудов пенитенциарной секции в сборн. „Проблемы преступности" М. 1926, стр. 282 сл.

[3]) Проф. Поздышев во всех своих работах подчеркивает мысль, что наука не знает преступников неисправимых, а только неисправленных. Но поскольку он сам чи тает, что многие закоренелые преступники не могут быть исправлены в максимальный десятилетний срок нашего законодательства, и что срок этот для такой категории должен быть удлинен,—практическая разница между неисправимыми и неисправленными сводится к нулю.

ния новых преступлений, с точки зрения идеи социальной защиты, нельзя. И так как массовое их истребление путем смертной казни, конечно, невозможно, то остается два теоретически мыслимых выхода: первый—ввести для них длительное заключение, отнюдь неопределяемое сроком в судебном приговоре,—целью которого в первую очередь была бы изоляция от общества, и лишь дополнительно принималась в расчет возможность исправления; второй выход—найти замену длительного заключения в ином наказании. Первый путь—*неопределенных приговоров* (или предупредительного заточения сверх отбытого по приговору срока); на путь этих двух мероприятий стал целый ряд западно-европейских государств; он одобрен и Лондонским Международным тюремным конгрессом 1925 года. Второй путь—ссылки [1]).

Первый путь пенитенциарная секция института по изучению личности преступника отвергла, повидимому, не обсуждая его в деталях. По крайней мере, принципиальных возражений против идеи неопределенности в статье Утевского о работах секции мы не находим.

На второй путь секция стала, правда, со многими оговорками и осуждением методов старой колонизационной ссылки. В резолюции по этому вопросу читаем: „Существующая уже сеть исправительно-трудовых учреждений и планомерное развитие в различных местностях СССР колоний типа ремесленных, сельско-хозяйственных, фабричных, промысловых, мелиорационных и „передвижных“ (для массовых общественных работ)—с условием применения в них разной степени изоляции дают полную возможность осуществить в рациональных формах также и удаление из определенных местностей с обязательным поселением в других местностях, предусматриваемое основными началами уголовного законодательства. При организации колоний разнообразного типа особенное внимание должно быть уделено организации временных или передвижных колоний, ставящих своей задачей осуществление работ государственного или общественного характера (постройка железнодорожных путей, мостов, проведение шоссейных дорог и т. п.), а также мелиорационного характера (расчистка лесных площадей, осушка болот, устройство плотин и т. п.). Одновременно весьма целесообразной должна быть признана организация нескольких отдельных колоний в местностях, естественно изолированных по географическим условиям“ [2]).

Настоящие строки были написаны, когда телеграф принес известие, что среди других мер по борьбе с хулиганством, вырабатываемых в Харькове, „возбуждается вопрос о *высылке* наиболее неисправимых хулиганов за пределы Украины—в Сибирь, на Сахалин, в Нарымский край“ [3]).

Конечно, речь здесь идет о *ссылке*, а не высылке. И можно думать, что вопрос скоро станет в плоскость делового обсуждения в масштабе всесоюзном.

На происходящем в Москве совещании по борьбе с хулиганством отмечалось, что „значительную роль в росте хулиганства играет безнаказанность хулиганов. Суды, действуя нерешительно, создают

---

[1]) Б. Утевский подчеркивает, как главный мотив, принципиальный отказ советского законодателя от постройки новых тюрем. Я считаю, что нашему законодателю присущ прежде всего трезвый подход к вопросу, и если бы жизнь потребовала этого, он декретировал бы и постройку новых испр.-трудовых учреждений.

[2]) Сборн. „Проблемы преступности“, стр. 294.

[3]) „Правда“ от 21 сентября 1926 года.

впечатление, что на хулиганство можно смотреть сквозь пальцы“ [1]). Ряд представителей мест настаивал на увеличении максимума лишения свободы по 176 ст., на необходимости применения высылки опасных хулиганов в отдаленные местности СССР.

К сожалению, в проекте мероприятий по борьбе с хулиганством, принятом совещанием, имеется и „применение для хулиганов, нападающих с оружием в руках, статей УК, трактующих о бандитизме“. А наркомвнудел Белобородов указывает на необходимость применения расстрела для виновных в особо серьезных случаях хулиганства, соединенных с изнасилованием женщин, убийствами и т. п.

Хотелось бы думать, что при окончательном обсуждении в союзных органах вопрос будет стоять в плоскости длительной и регулярной борьбы с тяжелыми формами уголовной преступности. Для такой борьбы расстрел мало пригоден.

В качестве средств борьбы можно рекомендовать вышеуказанные меры, сообразно с особенностями отдельного преступника.

Для тех, кого можно приспособить к условиям нашего правопорядка—*длительное воздействие соответствующего пенитенциарного учреждения.* И так как при этом назначение определенного срока является всегда малоуспешной попыткой „на глаз“ взвесить нужную дозу лекарства, то для преступников, совершивших более тяжелое преступление, или являющихся рецидивистами-хулиганами, необходимо ввести *неопределенные приговоры* с указанием лишь минимума, раньше отбытия которого не может быть применено условное освобождение. Для тех же из наиболее тяжких преступников и в частности упорных хулиганов, которые могут быть отнесены к категории неисправимых,—*ссылка*, преследующая, как основную цель, длительную их изоляцию.

В нашей литературе много раз обсуждались все отрицательные стороны ссылки. И все же ее следует предпочесть расстрелу, как меру, которую можно применить с пользой для общества к *тысячам* преступников соответствующего типа, и которая способна оказать сильное воздействие на „третьих лиц“. В ссылку попасть легче, чем под расстрел, а выйти из нее труднее, чем из допра: уж по одному этому ее общепревентивное значение окажется выше.

Для преступников же, не нуждающихся в исправлении (их называют разно—преступники обстоятельства, случайные) допр должен быть заменен штрафом, принудительными работами, условным осуждением с соответствующим надзором. И тогда самый вопрос о загрузке допров, из которых будут выведены две категории преступников, слишком часто теперь туда попадающих, потеряет свою остроту.

Все дело—в уничтожении шаблона в суде, в правильном выборе меры воздействия, соответствующей той категории, к которой принадлежит каждый отдельный преступник.

VI.

К каким же выводам мы приходим?

1. В борьбе с хулиганством и другими преступлениями судебная репрессия имеет лишь относительное значение, которое не может быть поднято механическим повышением карательных ставок отдельных статей.

---

[1]) „Правда“ от 18 сентября 1926 года.

2. Юридически неправильно распространять понятие хулиганства на издавна установленные и принятые Уг. Кодексом отчетливые виды других преступлений с определенным объектом и легко распознаваемыми мотивами и целями.

3. Новая редакция 176 ст. Украинского Угол. Кодекса без всякой нужды нарушает всю систематику кодекса включая в круг „посягательства на личность и ее достоинство"—убийство, тяжкие телесные повреждения, изнасилование и даже чисто имущественное посягательство—поджог, при чем все эти тяжкие преступления становятся лишь квалифицирующими обстоятельствами при совершении хулиганского поступка.

Эта редакция ст. 176 создает ряд процессуальных неудобств, увеличивает возможность неправильных приговоров и в конечном итоге расшатывает революционную законность, допуская произвольное изменение судом мер социальной защиты, определенных законодателем в ряде статей особенной части.

4. Введение высшей меры в санкцию статей по общеуголовным преступлениям без соответствующего постановления президиума ЦИК СССР является нарушением Основных начал уголовного законодательства Союза и союзной конституции.

5. Введение высшей меры, как орудия борьбы с рядом общеуголовных преступлений, нецелесообразно. Вместо него следует укрепить линию судебной репрессии в рамках действующих статей УК и обеспечить выполнением судебных приговоров в части лишения свободы.

6. В качестве мер судебной борьбы с особенно опасными бандитами, убийцами, изнасилователями, поджигателями и упорными хулиганами следовало бы, быть может, применять неопределенные приговоры и ссылку.

М. А. Чельцов-Бебутов.

Реформа австрийского уголовного законодательства в отношении малолетних и несовершеннолетних правонарушителей.

Хотя и с большим запозданием, австрийское законодательство вступает, наконец, также на новый путь борьбы с детской преступностью, которым уже пошли многие из современных государств. Внесенный недавно в Национальный Совет (Nationalrat) законопроект имеет задачей коренное преобразование всего действующего уголовного (материального и процессуального) законодательства в отношении малолетних и несовершеннолетних правонарушителей. Интерес к законопроекту, как реформаторскому акту, сосредоточивается не на одной его новизне, как событии в хронике австрийского правотворчества, но и на целом ряде нововведений правового характера, неизвестных иностранным законодательствам, но ценных с точки зрения уголовной политики в отношении борьбы с детской преступностью.

Идея борьбы с детской преступностью не наказанием, а мерами воспитательно-исправительного воздействия, давшая в практическом своем применении в других странах блестящие результаты, проложила себе путь в австрийское правосознание не сегодня: она была воспри-

нята еще довоенной Австрией, и история ее практического осуществления насчитывает почти целых десять лет. Еще в 1907 году в тогдашнюю Палату Господ (Herrenhaus) был внесен соответствующий законопроект, который, однако, попав в волокиту бюрократического хождения, так и остался проектом. Последовавшие политические события: война и революция совершенно оттеснили собой самый вопрос о реформе, которой суждено было быть поставленной на очередь лишь только в 1926 году. Правда за этот период времени законом 25 января 1919 года были введены специальные суды по делам малолетних. Однако, введение этих судов не сопровождалось соответствующим преобразованием материального и процессуального законодательства, без чего, разумеется, не могла быть достигнута основная цель, ибо, как справедливо замечает объяснительная записка к нынешнему проекту: „man baute eine Klinik, aber es fehlten die Instrumente und die Heilmittel“ [1]).

В основу проводимой реформы положена идея, коренным образом расходящаяся с принципами действующего законодательства. Вместо возмездия за зло, причиненное малолетним правонарушителем потерпевшему и правопорядку, т. е. наказания, проект ставит задачу прямо противоположную: *не карать*, а спасти павшего, путем воспитания и исправления укрепить в нем моральное сознание, которого он лишен, и парализовать те порочные инстинкты, которые привели его к конфликту с уголовным законом. Проект, однако, не вполне выдерживает последовательность этой основной идеи, ибо наказание, как таковое, все же сохраняется, хотя как и не обязательная санкция, а лишь как возможное, вернее—неизбежное средство реакции, если по убеждению судьи, воспитательно-исправительное воздействие не может оказаться достаточным в достижении поставленной цели [2]).

В соответствии с этой основной идеей, подвергаются преобразованию нормы материально-процессуального права и создается новое положение о воспитательно-исправительных мерах.

I. Преобразования материально-правовых норм.

1. Вменяемость. Одной из первых уступок современным требованиям, которую делает проект, является передвижение возрастной границы вменяемости в пользу малолетних. По действующему праву уголовно-недееспособными по возрастному признаку почитаются лица, недостигшие полных 10 лет. Проект передвигает эту границу до полных 14 лет (Wer eine mit Strafe bedrohte Handlung begeht, bevor er

---

[1]) Bundesgesetz über die Behandlung junger Rechtsbrecher, Vorlage der Bundesregierung. Begründung, S. 10. В дальнейшем изложении мы будем цитировать этот источник сокращенно—„Begründung“.

[2]) Эту непоследовательность подчеркивает, между прочим, и объяснительная записка, ссылаясь в подтверждение нецелесообразности применения наказаний, на следующие интересные данные.

Из поступивших в исправительную тюрьму в Kaiser-Ebersdorf'e (около Вены) присужденных к разного рода наказаниям было малолетних:

Год.	Общ. число.	Рецидивистов.
1922	461	200
1923	254	126
1924	183	150

Из 1215 осужденных в 1923 году за кражу, несовершеннолетних в возрасте от 14 до 20 л. было 251 уже *дважды* отбывших наказание за кражу: из числа 1892 осужденных в 1924 году в возрасте от 14 до 18 л. было 514 рецидивистов.

das vierzehnte Lebensjahr zurückgelegt hat, ist nicht strafbar", § 1). Эта уступка, как поясняет Объяснительная Записка, вызывается необходимостью принятия во внимание индивидуальных и специальных условий развития субъекта. Период до наступления полных 14 лет— есть длительный процесс образования характера, сознательности и восприятия школьного образования и воспитания. Исполнение полных 14 лет связано с наступлением половой зрелости, признанием общегражданскими законами за малолетним правоспособности к совершению некоторых гражданско-правовых актов. Поэтому сколь не велик был бы ущерб, вызванный уголовно-наказуемым деянием малолетнего, последний не должен нести за него ответственности, как он не несет ее в гражданско-правовом отношении [1]).

Передвигая границу безусловной невменяемости до полных 14 лет, проект сохраняет, вместе с тем, и условие, *относительной* вменяемости для несовершеннолетних, не достигших полных 18 лет,— условие „разумения", отсутствие которого освобождает несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Проект определяет „разумение" как степень достаточного умственного развития для понимания недозволенности содеяного и соответствующего поведения (....noch nicht reif genug ist, das Unerlaubte seiner Tat einzusehen oder dieser Einsicht gemäss zu handeln", § 2). В пояснение этой формулировки, Объяснительная Записка замечает, что наследственные дефекты, беспризорность, болезнь, недостаточность питания и другие препятствующие нормальному развитию факторы могут послужить помехой развитию и укреплению в несовершеннолетнем требуемой законом степени душевного развития и после достижения им 14-летнего возраста, и потому содеянное несовершеннолетним в возрасте до полных 18 лет уголовно-наказуемое деяние не может быть ему вменено при всяких условиях [2]).

Это определение „разумения" проектом и мотивировка его Объяснительной Запиской, заключают в себе не много нового. Тем не менее оно заслуживает особого внимания, поскольку практическое применение этой нормы закона впредь вверяется особому судье которому закон дает в руки специальный аппарат педагогически-клинического изучения представшего перед ним психо-физически и социально-дефективного субъекта, что разумеется, может служить достаточной гарантией правильной постановки и разрешения вопроса о вменяемости.

2. Наказание. Следующий преобразовательный шаг проект делает в отношении исключения из общей лестницы наказаний ряда наказаний и значительного смягчения сохраняемых. Наказание каторгой вовсе исключается и заменяется продолжительным лишением свободы, если к моменту совершения преступления обвиняемому не исполнилось полных 16 лет. При чем, такая замена может иметь место и в отношении недостигших полных 18 лет, если, по обстоятельствам дела, эта мера наказания окажется непомерной в соотношении с виной обвиняемого (п. 1 § 4). Сроки лишения свободы сокращаются по следующим правилам: пожизненное и двадцатилетнее заключение сокращается до 15 лет максимум, десятилетнее—до 7 и пятилетнее—до 3 лет (п. 2 § 4). Сокращаются и сроки давности: по преступлениям—5 лет и прочим наказуемым деяниям—3 года (п. 4 § 4). Вовсе исключая из лестницы наказаний надзор полиции и вы-

---

1) „Begründung", S. 11.
2) „Begründung", S. 11.

сылку, проект предписывает избегать наказания краткосрочным лишением свободы и в тех случаях, когда обвиняемый имеет заработок—заменить краткосрочный арест незначительным штрафом. В тех же случаях, когда обвиняемому не исполнилось 16 лет,—избегая наказания арестом или штрафом,—суд может отдать его под надзор близких или оставить его в школе, если он в таковой пребывает (п. 3 § 5). В незначительных случаях суд может ограничиться лишь наставлением (п. 4 § 5).

3. Замена наказаний мерами воспитательно-исправительного воздействия. Упраздняя некоторые виды наказаний и сокращая сроки сохраняемых, проект выдвигает систему замены наказаний мерами воспитательно-исправительного воздействия, что практически отнимает у сохраняемых наказаний, если можно так выразиться, их живую душу, т. к. тяжесть их карательнвй угрозы парализуется возможностью и должностью применения системы замены. По точному смыслу § 3 проекта, если недостигший 18 лет несовершеннолетний, совершивший уголовно-наказуемое деяние, которое не может быть ему вменено, был лишен воспитательно-попечительного воздействия, в котором он нуждается, то суд, по обстоятельствам дела, принимает меры или опекунского надзора (ст. ст. 177—178а, 217, 254 Гражд. Код.), или постановляет о помещении его в семью, детский дом, или подобное учреждение, или, наконец, делает распоряжение об отдаче его в государственное воспитательно-исправительное заведение, учреждаемое согласно положениям проводимой реформы. Ст. 6 Проекта устанавливает, как общее правило, применение системы замены наказания мерами воспитательно-исправительного воздействия по отношению к уголовно-правоспособным несовершеннолетним, т. е. действовавшим в момент совершения уголовно-наказуемого деяния с „разумением“, если судом будет установлено отсутствие у обвиняемого воспитательно-попечительного воздействия, в котором он нуждается. Если же наказание несовершеннолетнему не может быть заменено мерами воспитательно-исправительного воздействия на основании правил §§ 3 и 6 Проекта, то суду предоставляется (§ 7) или применить условное осуждение (Закон 23 июля 1920 г.), отсрочив приведение в исполнение приговора на срок испытания от 2 до 5 лет [1]), или же опять-таки прибегнуть к системе замены по правилам §§ 3 и 6 на срок от 2 до 5 л. испытания, *если*, как выражается Проект, „исполнение приговора о наказании штрафом или лишением свободы может быть избегнуто без вреда для правопорядка и самого обвиняемого“ (§ 7). Таким образом система замены наказания мерами воспитательно-исправительного воздействия практически устраняет наказание в большинстве случаев, т. к., за редким исключением, несовершеннолетний обвиняемый не находится в тех условиях, наличность которых обязывает судью применять систему замены, ибо ведь дети-преступники в большей и подавляющей своей части—дети улицы.

4. Досрочное освобождение. Проект подвергает изменению также порядок применения к несовершеннолетним досрочного освобождения от наказания (закон 23 июля 1920 г.). По закону отбывающий наказание несовершеннолетний может, в виду наличия примерного поведения, быть условно освобожден от дальнейшего отбывания наказания, если он *уже* отбыл $^2/_3$ последнего. В изменение

[1]) По закону 23 июля 1920 г. устанавливается *точно* определенный срок испытания.

этого порядка, Проект предоставляет суду право при постановлении приговора,—в случаях невозможности замены наказания мерами воспитательно-исправительного воздействия, —устанавливать минимальный и максимальный сроки отбытия наказания, в течение какового возможно ожидать исправления осужденного. В силу такого бланкетного характера приговора, несовершеннолетний, примерным своим поведением обнаруживший исправление, может быть условно освобожден и *ранее* срока отбытия $^2/_3$ наказания, при условии, однако, если минимум наказания определен сроком на 1 год, а максимум—половина законом установленного срока (§ 29).

5. Дисциплинарные наказания. Подвергается изменению также и порядок применения наказания за проступки и преступления, совершенные несовершеннолетними в период пребывания в воспитательно-исправительных учреждениях или в местах лишения свободы. В изъятие из общего порядка, разрешение дел по этим правонарушениям Проект относит к компетенции дисциплинарной власти заведующего соответствующим учреждением. „Передача подлежащему суду или административной власти разрешения этих дел, поясняет Объясн. Записка, послужила бы лишь помехой воспитательно-исправительной задаче“ [1]).

II. Преобразование норм процессуального права.

Преобразование норм процессуального права Проект проводит в большем соответствии с основной идеей реформы. В этом отношении суду присваиваются функции, значительно отличные от функций общих судов. Вместо судилища, устанавливающего вину и воздающего должную кару, суд по делам малолетних превращается в своего рода институт социальной клиники, задачу которой составляет прежде всего и главным образом изучение индивидуальных и социальных дефектов юного правонарушителя и избрание наиболее отвечающих случаю воспитательно-исправительных мер воздействия для устранения этих дефектов. Эта точка зрения на задачу суда и определяет собой требование создания таких процессуальных условий, наличность которых гарантировала бы правильное выполнение задачи социальной терапии. Отсюда и вытекает основное требование: вверение отправления правосудия не судье—профессионалу, а судье—педагогу—с одной стороны, а с другой—введение особых процессуальных правил [2]), расходящихся по существу с общепризнанной системой судебных гарантий современного уголовного процесса. Отправляясь от этого основного требования, Проект и подвергает преобразованию судоустройственные и судопроизводственные правила, не всегда, однако, выдерживая последовательности своей основной точки зрения.

1. Изъятие из ведения суда присяжных дел несовершеннолетних и передача их суду шеффенов (§ 10). Введение этого процессульного положения Объясн. записка мотивирует ссылкой на театральный характер обстановки суда присяжных, вызывающий в несовершеннолетнем подсудимом ложное представление о роли его, как героя важного события [3]). Поскольку велик с

---

[1]) „Begründung“ S, 14.

[2]) Останавливаясь в настоящем изложении лишь на наиболее важных положениях реформы, мы, к сожалению, за недостатком места, вынуждены пройти мимо целого ряда второстепенных преобразований, полных глубокого интереса.

[3]) „Begründung“, S. 16.

педагогической точки зрения вред такого самосознания, препятствующего выполнению задачи суда, постольку понятен отказ Проекта от суда присяжных. Однако, и суд шеффенов, состоящий из 4-х членов, не лишен театрального характера своей обстановки и так же, как Суд присяжных, не может своим характером торжественного действия избежать того, чего избегнуть стремится проект.

2. Передача по усмотрению Союзного Канцлера дел несовершеннолетних по правонарушениям и маловажным преступлениям участковым судьям (п. 1 § 12). Считая „Суд шеффенов, не отвечающим идеалу судопроизводства по делам несовершеннолетних“ [1]) и учитывая преимущества, с педагогической точки зрения, рассмотрения дел несовершеннолетних единоличным судьей, Проект вводимым положением увеличивает круг подсудных местным судьям дел по правонарушениям и преступлениям, караемым каторгой не свыше 5 л., оставляя т. о. в компетенции Суда шеффенов лишь дела по более важным преступлениям и по пересмотру дел участковых судей в апелляционном порядке (п. 2 § 12).

3. Выделение в особое производство дел несовершеннолетних по соучастию со взрослыми (§ 23). Введение специальных процессуальных правил по делам несовершеннолетних, отличных от общего порядка, само собой уже делает недопустимым рассмотрение дел несовершеннолетних по соучастию со взрослыми в одном и том же процессе, ибо в последнем случае суд должен был бы быть поставлен в затруднение в применении специальных правил в отношении несовершеннолетних и общих—в отношении взрослых. Отсюда и логическая необходимость настоящего положения, вводимого в изменение ст. 56 Уг. Проц. Код.

4. Ограничение применения предварительного заключения условием возможности достигнуть цель досудебного лишения свободы другими мерами: помещением привлеченного в заслуживающую доверия семью или воспитательно-исправительное учреждение (§ 26).

5. Удаление несовершеннолетнего обвиняемого из залы заседания (§ 27) может иметь место в тех случаях, если имеется опасение, что рассмотрение некоторых вопросов в присутствии обвиняемого может иметь вредное на него влияние [2]).

6. Ограничение публичности заседаний (§ 28). Отказ от принципа публичности судебных заседаний вызывается необходимостью оградить трудную и сложную работу судьи—в откровенной и интимной обстановке беседы с обвиняемым изучить психико-физические дефекты посл него и избрать надлежащие меры к их устранению—от того постеднего, излишнего элемента, который не имеет прямого или вспомоорольного отношения к выполнению этой задачи. Публичность заседагатесуда, которая допускает присутствие, помимо представителей печати, и публики, стремящейся нередко в зал суда в целях удовлетворения праздного любопытства и развлечения, как показал опыт, в большинстве случаев вызывает в несовершеннолетнем обвиняемом ложное редставление как о самом процессе, так равно и о роли в нем самого обвиняемого. Это обстоятельство само

---

[1]) „Begründung“, S. 16.

[2]) Параграфы 26 и 27 Проекта являются повторением с некоторыми добавлениями положений, введенных законом 25/1 1919 г. о судах по делам малолетних, с той только разницей, что отныне правила эти находят применение и по делам, подсудным Суду шеффенов.

по себе создает между судьей и обвиняемым то средостение официальности, которое мало отвечает клинико-педагогическому характеру создаваемого суда. И, наоборот, обстановка интимной беседы судьи с обвиняемым как врача с пациентом, без излишних свидетелей и лиц, не имеющих непосредственного касательства к делу, устраняет самую возможность образования у обвиняемого указанного нежелательного представления и скорее располагает юнца к доверчивому откровению, значительно облегчающему судье разрешение его задачи [1]). Поэтому Проект отказывается от принципа публичности заседания как во время судебного следствия, так и при объявлении приговора. В исключение от этого правила и в интересах общественного значения суда, Проект предоставляет право присутствовать на заседаниях, кроме официальных лиц, обязанных к тому законом, представителям патроната и других, ведающих делом надзора над малолетними и несовершеннолетними, учреждений, а также и печати. Оглашение в печати отчетов, без разрешения судьи, воспрещается. В публикуемых же отчетах воспрещается упоминание фамилии обвиняемого и местожительства, равно как воспрещается напечатание его фотографии.

7. Личный состав Суда. Клинико-педагогический характер функций суда для несовершеннолетних определяет собой и установление ряда положений, касающихся образования личного состава Суда. Положения эти относятся как к единоличным судьям, так равно и шеффенам.

Судьями по делам несовершеннолетних могут быть назначены *лишь* лица, обладающие педагогическими знаниями. Они должны иметь стаж по опекунским делам и по возможности должны иметь специальное образование по психологии, психиатрии и педагогике (§ 16). Устанавливая это положение, как общее правило, Проект дополняет его требованием, чтобы в состав Суда шеффенов, имеющих ведать делами несовершеннолетних, *обязательно* входило лицо с педагогическим стажем или лицо из деятелей или из бывших деятелей патронатов по делам несовершеннолетних. Включение в состав Суда шеффенов лица женского пола обязательно, если обвиняемая девушка (п. 1 § 11).

В исполнение требования § 16 в отношении суда шеффенов должно быть соблюдено следующее правило: при ежегодном составлении общих списков личного состава суда шеффенов, должны быть составлены также специальные списки тех шеффенов, которые должны войти в состав судов, ведающих делами несовершеннолетних. При составлении этих специальных списков должны быть приняты в руководство не общие судейские списки, а те предложения и представления, которые получит Председатель Окружного Суда от Окружного школьного Совета (Landesschulrat) Патроната (Landesjugendamt) и других учреждений, ведающих делами призрения и попечительства малолетних и несовершеннолетних (п. 2 § 11).

8. Дополнительная гарантия. Обеспечив приведенными выше правилами соответствующий поставленной задаче подбор личного состава Суда, Проект вводит, как дополнительную гарантию, еще одно важное положение: при выборе, изменении и отмене принимаемых в порядке §§ 3, 6 и 7 Проекта в отношении несовершеннолетних мер воспитательно-исправительного воздействия Суд обязан заслушать по этому поводу заключение Патроната или лица, сведующего в делах попечительства (п. 3, § 14).

---

[1]) „Begründung", S. 17.

9. Порядок рассмотрения дел обусловливается соблюдением следующих правил, представляющих собой чрезвычайно ценное нововведение. По всем делам несовершеннолетних суду вменяется в обязанность расследовать совокупность всех условий жизненной обстановки обвиняемого, которые могли бы служить данными для изучения и оценки физических и духовных особенностей последнего. В сомнительных случаях—освидетельствование обвиняемого врачем обязательно (§ 24). Во всех стадиях такого клинико-педагогического исследования и изучения обвиняемого, суд обязан привлечь представителей Патроната, обществ, организаций или лиц, занятых деятельностью попечения и надзора, которые предложили бы суду свое сотрудничество (п. 1 § 25). Суд может поручить этим лицам [1]) расследование личных условий обвиняемого, надзор над ним, наблюдение над выполнением данных предуказаний, наблюдение над результатами применяемых попечительных мер, а равно и заступничество за несовершеннолетнего во время судебного процесса (п. 2 § 25).

10. Отсрочка постановления приговора о наказании. По рассмотрении в указанном порядке дела, суд постановляет в соответствии с положениями §§ 3, 6 и 7 (см. выше гл. 1, п. 3) или применить меры попечительного надзора и воспитательно-исправительного воздействия, или применить систему замены наказания мерами воспитательно-исправительного воздействия, или же, наконец, приговорить обвиняемого к наказанию с применением или без применения условного осуждения.

В случае применения системы замены наказания мерами воспитательно-исправительного воздействия, суд, определяя точную меру такого воздействия, *может не определять род и меру наказания, подлежащего замене, а отсрочить* постановление приговора о последнем на срок испытания от 2 до 5 л. (§ 7). Если в установленный срок цель воздействия будет достигнута, то обвинительный приговор почитается погашенным (п. 3 § 7). Если же в установленный срок или ранее того срока цель воспитательно-исправительного воздействия окажется недостигнутой, то суд *лишь тогда* постановляет приговор о наказании, определив род и меру его (п. 3 § 7).

Это положение, мало известное другим законодательствам, имеет, несомненно, ряд преимуществ. Оно несколько приближается по своему характеру к условному осуждению по признаку момента применения наказания. Но в то время, как при условном осуждении род и мера наказания определены в самом приговоре и подсудимый уже считается приговоренным к наказанию, *осужденным*, по новому положению несовершеннолетний подсудимый уходит из залы суда в правовом отношении неопороченным и в случае исправления не имеет за собой обвинительного приговора, не имеет судимости. Объяснительная записка выдвигает два момента преимущества вводимого порядка: в отношении обвиняемого и в отношении правильности постановления приговора о наказании. Для обвиняемого,—неизвестность грозящего наказания может скорее способствовать его исправлению и предостеречь от рецидива, чем заранее определенная мера наказания, которая может казаться испытуемому незначительной. Для судьи,—вынужденного, в виду безуспешности допущенного испытания, подвергнуть несовершеннолетнего наказанию,—возможность использования для определе-

---

[1]) Этот Институт попечителей был введен еще законом 25 января 1919 года о судах для несовершеннолетних.

ния меры наказания результатов наблюдения и изучения истинного характера находившегося на испытании [1]).

11. Недопустимость частного обвинения (§ 18). Потерпевший в праве подать лишь жалобу, которой дается ход в порядке прокурорского надзора. „Недопустимо, поясняет объяснительная записка, с точки зрения угол. законодательства в отношении малолетних, чтобы частные лица могли бы оказывать влияние на ход дела и имели бы возможность высказываться, какое в отношении подсудимого должно быть применено наказание или избрана та или иная мера воспитательно-исправительного воздействия“ [2]).

12. Обязательность назначения судом защитника (§ 20). Положение это приобретает особое значение по делам, подсудным суду шеффенов. Обвинительный приговор, постановленный судом шеффенов, как первой инстанцией, считается недействительным, если несовер. подсудимый во время судебного следствия не имел защитника (п. 2 § 20).

III. Меры воспитательно-исправительного воздействия.

Идея борьбы с детской преступностью не наказанием, а мерами воспитательно-исправительного воздействия обосновывается данными наблюдения и изучения вызывающих ее факторов. К числу последних относятся дефекты психо-физического и социального порядка. Борьба с детской преступностью приобретает, поэтому, особый характер и свойства, приближаясь своей природой к категории явлений социально-терапевтического характера, в которых карательный меч правосудия не только не у места, но, как показал опыт—в особенности в рецидиве детской преступности—играет подчас даже роль самостоятельного фактора детской преступности.

Эту точку зрения усвоил также и австрийский проект, последовательно проводя положение о замене наказания мерами воспитательно-исправительного воздействия. Поставленную задачу проект осуществляет установлением как порядка и условий замены наказания мерами воспитательно-исправительного воздействия, равно как созданием специальных государственных учреждений, на коих возлагается осуществление и проведение этих, заменяющих наказание, мер.

В предшествовавшем изложении (гл. I и II) мы остановились на положениях, касающихся порядка и условий применения системы замены наказания. Здесь мы остановимся на рассмотрении самих мер воспитательно-исправительного воздействия и тех положений, которые создают специальные государственные учреждения для применения и приведения названных мер.

В качестве мер воспитательно-исправительного воздействия Проект предоставляет в распоряжение судьи: 1) установленные Гражданским Кодексом (ст. ст. 177, 178, 178a, 217 и 254) меры, применяемые опекунскими судами в отношении подлежащих опеке малолетних и несовершеннолетних в гражданско-правовом порядке; 2) попечительный надзор, помещение в семью, детский дом или подобное учреждение и 3) помещение в специальное государственное воспитательно-исправительное заведение, ныне впервые учреждаемое (§ 3).

Все эти меры, за исключением третьей категории, до сих пор имели широкое применение как в практике опекунских судов, так и

[1]) „Begründung“, S. 13.
[2]) „Begründung“, S. 20.

судов по делам малолетних, с момента учреждения последних законом 25 января 1919 года. Опыт этих судов в этом отношении дал не мало успешных результатов в борьбе с беспризорностью и с детской преступностью, что дало возможность и основание присвоить этим мерам свойства и значение испытанных методов борьбы с беспризорностью и преступностью. Но вместе с тем тот же опыт показал, что меры эти,—поскольку они не осуществляются в порядке государственно-правовой власти, а предоставлены инициативе и управлению частных лиц и учреждений,—в большинстве случаев беспочвенны и объективно неосуществимы. Практика показала, что не редки были случаи, когда лица, по закону обязанные иметь попечение о подопечном, за неимением материальных средств, не в состоянии были исполнить своих обязанностей, или когда существующие попечительные и детские дома, куда направлялись беспризорные, отказывали в их приеме, ссылаясь на недостаток места. Отдача в частные семьи или попечительный надзор частных лиц являлись возможностями весьма ограниченными.

Сохраняя эти меры, Проект стремится вместе с тем создать объективно-реальные условия для их осуществления и для этого привлекает государственную власть, возлагая на нее обязанность учреждения и содержания специальных заведений, в которых оказалось бы возможным широкое и всестороннее применение воспитательно-исправительного воздействия. С этой целью Проект и вводит положение об открытии специальных государственных воспитательно-исправительных учреждений (§ 39).

По характеру своему учреждения эти—детские дома, организованные по системе так называемых семей, в которых дети должны быть расселены отдельными группами, составленными по возрасту, развитию и степени испорченности. Режим учреждения—строго педагогический, воспитательно-исправительный. Задача учреждения—предоставление своим воспитанникам [1]) соответствующего их возрасту образования и воспитания, а равно обучение определенному ремеслу, соответственно способностям и склонностям воспитанника (п. 1 § 40). Специально оговорено в Проекте требование об организации для воспитанников работ на открытом воздухе и преимущественно работ по садоводству и сельскому хозяйству (п. 2 § 40). Воспитанники должны оставаться в этих учреждениях до тех пор, пока это необходимо для достижения поставленной воспитательно-исправительной цели, но не дольше, однако, наступления 20 лет. возраста (п. 3 § 40). Минимальный срок пребывания определен в три года, каковой, однако, может быть по усмотрению заведующего учреждением сокращен до $1^1/_2$ лет, если заведующий найдет возможным дальнейшее воспитательно-исправительное воздействие поручить, за счет самого учреждения, заслуживающей доверия семье (п. 1 § 41). С разрешения суда эта последняя мера может быть применена и ранее $1^1/_2$ г. срока (п. 2 § 41). В этих случаях воспитанник до наступления 20 лет. возраста продолжает оставаться под постоянным надзором заведующего учреждением (п. 3 § 41).

Преимущества *специальной* организации и постановки воспитательно-исправительного дела говорят сами за себя. Если введение системы воспитательно-исправительного воздействия в тюрьмах для несовершеннолетних уже успело дать много положительных резуль-

[1]) Проект основательно употребляет выражение „воспитанник“ —„Zögling“, характерно подчеркивая этим смысл реформы.

татов, то само собой разумеется, что специальные учреждения будут иметь все шансы преимущества, ибо последние—не тюрьма с решетками, засовами и запорами, а дом, где юный мир отверженных должен найти заботливый и любовный уход, нормальное воспитание и образование, приобрести полезные знания, которые укрепят его волю и сознательность в предстоящей борьбе за жизнь.

IV. Отбывание наказания.

Проект вносит некоторые преобразования и в этот отдел уголовного законодательства, пытаясь внести в тюрьму смягчающий ее суровость дух воспитательно-исправительной системы. Задачу эту Проект осуществляет введением следующих положений.

Отбыванию наказания должно сопутствовать применение мер воспитательно-исправительного воздействия и обучение ремеслам (п. 1 § 32). Особое внимание д. б. уделено физическому воспитанию, введению разных видов спорта [1]) и воспитательно-полезных игр (п. 3 § 32). Проект специально оговаривает требование, чтобы обращение с несовершеннолетними заключенными было проникнуто серьезностью и благоволением („Sie, т. е. заключенные,—sind mit Ernst und Güte zu behandeln") щадило и укрепляло их чувство чести („Ihr Ehrgefühl muss geschohnt und gestärkt werden", п. 2 § 32).

Весьма значительным является вводимое ст. 33 положение, согласно которого начальствующие в тюрьмах для несовершеннолетних должностные лица должны быть сведующими в педагогике и, по возможности, в психологии и психиатрии.

Несовершеннолетние заключенные должны содержаться отдельно от взрослых (§ 34). Наказания лишением свободы должны отбываться несовершеннолетними в тех тюрьмах или их отделениях, которые приспособлены для несовершеннолетних. Несовершеннолетние осужденные остаются в этих тюрьмах до наступления полного 21 года, если срок наказания не истечет до этого времени. Не исключается возможность пребывания в них заключенного и до достижения полных 24 лет, если на то последует особое разрешение Союзного Канцлера (п. 2 § 34). Последнее положение введено в интересах ограждения тех положительных результатов, которые достигнуты были бы применением воспитательно-исправительного воздействия и которые, в случае перевода заключенного на общий тюремный режим, подвергались бы риску быть сведенным на нет [2]).

Проект намеченной реформы, по принятии его законодательными Палатами (Национальным и Союзным Советами), должен вступить в силу закона 1 января 1927 года (§ 48). Судя по тому широкому сочувствию, которое встретил Проект в печати и общественности, надо полагать, что он не натолкнется на серьезные препятствия в прохождении через законодательные палаты и с нового года станет законом.

Х. М. Чарыхов.

---

[1]) Насколько нам известно, это первый случай введения спорта в регламент тюремного режима.

[2]) „Begründung", S. 22.

Из данных о современной проституции.

(Брачное положение).

В качестве практической работы по моральной статистике студентами судебного отделения факультета советского права 1-го Моск. Гос. Унив. было произведено обследование проституток, задержанных органами дознания по тем или иным причинам (хулиганство, подозрение в краже и т. д.). Вопросы, предлагавшиеся при этом обследовании, касались лишь тех сторон, которые не могли вызвать подозрительного отношения к опрашивающим. Необходимо заметить, что опрос носил вполне добровольный характер и нежелающие могли не отвечать.

Из дореволюционных данных известно, что по брачному положению проститутки вербовались почти исключительно из „девиц".

Совершенно иное наблюдается по материалам нашего обследования: 114 обследованных проституток распределяются по своему брачному положению так: 9 находятся в зарегистрированном браке, 7—вдовы, 14—разведены, 31—девицы, не находящиеся в сожительстве, и 53—находящиеся в сожительстве. Таким образом, по абсолютным числам лиц, не бывших в зарегистрированном браке, подавляющее большинство. Однако, если сравнить эти цифры с численностью населения соответствующей категории (перепись 1923 г.), то можно видеть, что на 10.000 женщин данного брачного положения приходится обследованных проституток: с зарегистрированным браком 0,8, вдов—8,2, разведенных—37,0 и девиц—3,8. Как и следовало ожидать, состоящие в браке дают минимальное количество проституток, а разведенные дают максимум их. В Бюллетене Центр. Стат. Упр. № 95 нам приходилось указывать на высокую интенсивность самоубийств среди разведенных, а здесь видим громадное участие тех же разведенных в рядах проституток. Конечно, отсюда нельзя делать вывода, что развод является причиной проституции как и самоубийства; возможно, что разводятся именно лица неуравновешенные, после развода идущие по тому или иному из двух печальных путей, но обратить внимание на факт тем не менее следует.

Во всяком случае нельзя не признать, что современная проституция пополняется в громадной степени из лиц, имевших дело с зарегистрированным браком, тогда как до революции девицы составляли почти исключительно кадр проституток.

При исчислении коэффициентов на 10.000 жителей был принят во внимание возрастный состав проституток, и население для сравнения было взято только того возраста, какой имели проститутки. Вся масса их состоит из лиц в возрасте от 15—24 лет и были лишь единичные случаи более молодых или более старых проституток.

Итак, в отличие от дореволюционных проституток значительная доля современных состояла, а отчасти и состоит в зарегистрированном браке. С этим в полной мере совпадают (и это подтверждают) сведения о начале половой жизни (дефлорации) их.

Доктор *Порошин* [1]) опросил женщин, живущих в 8 домах терпимости гор. Казани (конец прошлого столетия), и из их ответов выявилась поразительно однообразная картина начала их половой

---

[1]) Приведено у Е. С. Дрентельн: „О проституции с точки врения динамики жизни", М. 1908 г.

жизни: из 38 только 3 начали ее с мужем; 8—с лицами одинакового социального положения с согласия женщин; 23—с лицами более высокого социального положения, от которых они обычно материально зависели, тоже с согласия или же путем насилия; 4—неизвестны. Таким образом в громадной массе дореволюционных проституток начало половой жизни не было связано с будущей брачной жизнью.

Совершенно иное начало половой жизни современных проституток. Лица более высокого социального положения или случаи насилия указаны в ответах 27 женщин, одинаковое положение и добровольное согласие—в 61 и с мужьями—29. Таким образом те или иные формы насилия составляют меньше $^1/_3$ части. И это тем более замечательно, что опрашиваемым проституткам было бы выгоднее изобразить из себя жертвы насилия. Следовательно, прежде чем вступать на путь проституции обследованные теперь прошли в большей части или зарегистрированное замужество или во всяком случае не насильственное сожительство

Но и облик насильников до революции и современных совершенно различен.

Разница в начале половой жизни, конечно, находится в связи с возрастом этого начала. Вот эти данные:

	10—14 л.	15 л.	16 л.	17 л.	18 л.	19 л.	20 л.	21 г.	Ст. 21 г.
По опросу Порошина .	10	6	8	7	4	1	1	1	Нет.
„ „ 1926 г. . .	7	10	20	20	24	17	5	3	10

Таким образом, если до революции половая жизнь проституток, связанная с насилием привилегированных классов (кстати припомним, что именно они сравнительно с другими преступлениями являются более частыми виновниками насильственных половых актов), началась рано, то теперь она начинается позднее, так как насилие здесь играет гораздо меньшую роль. 30 женщин бывших или состоящих в браке во время опроса (замужние, вдовы и разведенные) указали все, что у них начало половой жизни совпадает с замужеством.

Из некоторых ответов женщин можно было узнать, что начало половой жизни явилось для них первым шагом к проституции. Они указывали, что по существующим предрассудкам после этого они потеряли надежду зажить семейной жизнью.

Косвенным образом, это можно подтвердить и цифровыми данными. Употребление алкоголя женщиной характеризует если не ее жизнь, то во всяком случае настроение и, конечно, является неблагоприятным симптомом.

Если бы, как полагают сторонники антропологических причин проституции, дегенерация была причиной этого печального занятия, то надо думать, что употребление алкоголя должно начаться у проституток очень рано. Что проститутки здесь не скрытничали, можно видеть из того, что $^2/_3$ ответили положительным ответом на вопрос об употреблении алкоголя. Зато соповставляя сведения о возрасте, с которого они начали пить, со временем начала половой жизни, можно видеть поразительную картину: изо всех пьющих 13% стали пить до начала половой жизни (их можно отнести к дегенератам по учению антропологов, если только не было социальных причин), 34,8% стали пить с началом половой жизни и 52,2% стали пить в годы последующие за началом половой жизни.

Если начало половой жизни связано с браком зарегистрированым или фактическим и при том добровольным, свободным, а употребление

алкоголя последовало за этим, то отсюда следует, что употребление алкоголя у проституток, конечно, не должно быть связываемо с дегенерацией и, очевидно, имеет житейские социальные причины.

Д. П. Родин.

Шестой международный конгресс по борьбе с торгом женщинами и детьми.

Осенью, в конце сентября 1924 г., в Граце состоялся VI Международный Конгресс по борьбе с торгом женщинами и детьми. Эти международные конгрессы периодически созывались после первого конгресса, собравшегося в 1899 г., в Лондоне, и состояли из представителей Национальных Комитетов по борьбе с торгом женщинами, а также иногда и делегатов от правительства.

В октябре 1923 г. Международное Бюро созвало в Лондоне предварительную конференцию, где каждый Национальный Комитет охарактеризовал свою работу за ближайшее истекшее время и где было решено на следующий 1924 г. созвать VI конгресс, при чем был намечен созыв его в Граце. Таким образом для знакомства с работами VI конгресса нужно в сущности ознакомиться с протоколами как предварительной конференции 1923 г., так и самого конгресса 1924 г., тем более, что вопросы, обсуждавшиеся как в Лондоне, так и в Граце, являются в обоих случаях в значительной степени тождественными. На Конференции, как явствует из протоколов, опубликованных в специальной книжке, присутствовали делегаты от 18 государств, а на Конгрессе—от 25.

Вопросов на Конференции для представления их на обсуждение Конгресса было поднято сравнительно мало. особенно по сравнению с последним Лондонским конгрессом 1913 г., где были приняты резолюции по 23 вопросам, но тем не менее материала накопилось достаточно, чтобы отчет о Конгрессе занял книжку в 190 страниц.

Конференция 1923 г. началась краткими докладами Национальных Комитетов—их было семь (Греция, Бельгия, Швейцария, Нидерланды, Германия, Испания, Венгрия). Доклады эти были сжаты и носили краткий информационный характер; шире других являлся бельгийский доклад, характеризовавший не столько работу Комитета, сколько ряд мероприятий, принятых бельгийским правительством. Эти же доклады на Конгрессе носили несколько расширенный характер.

Обращаясь к бельгийским докладам, сделанным как на Конференции, так и на Конгрессе, следует отметить, что в обоих случаях они сводились к изложению тех мероприятий, которые были приняты в Бельгии по отношению к торгу женщинами и детьми и также к действиям, имеющим внутреннюю связь с этим занятием, после последнего Лондонского конгресса. В 1912 г. по закону 15 мая 1912 г. введены детские суды. В 1914 г. распоряжением бельгийских почтовых властей запрещена выдача корреспонденции „до востребования“ мальчикам до 17 л. и девочкам до 18 лет, если для получения ее нет письменного разрешения со стороны родителей или лиц, их замещающих.

Издается закон 26 мая 1914 г. о мерах борьбы с торгом женщинами и детьми, основанный на Парижской конференции 1910 г. по вопросу о торговле женщинами.

Закон 29 августа 1919 г. относительно продажи спиртных напитков, регулирующих этот вопрос, имеет в себе задачу борьбы с этим пособников торга женщинами и детьми.

Законом 1 сентября 1920 г. запрещается посещение кинематографических представлений детям до 16-летнего возраста, которые могут посещать кинематографические сеансы, специально для детей устроенные.

Закон 24 февраля 1921 г. регулирует вопрос продажи ядов и наркотических веществ (кокаина и пр.).

В 1922 г. издается распоряжение министра железных дорог о расклейке объявлений на станциях железных дорог и в почтово-телеграфных конторах о добровольных организациях, оказывающих содействие девушкам, путешествующим в одиночку или ищущим занятий.

Закон 20 июня 1923 г., изменяющий статьи уголовного кодекса, направлен на борьбу с пропагандой абортов или распространением средств против деторождения.

В декабре 1923 г. снова было восстановлено отмененное в 1920 г. распоряжение об удалении из Бельгии иностранок-проституток, не только находящихся в домах терпимости, но и занимающихся этим делом тайно.

Декрет 25 февраля 1924 г. о перевозке эмигрантов, содержит в себе статьи о покровительстве эмигрирующим.

Швейцарский докладчик, профессор Нинк, указывает, что со времени начала Европейской войны, изолировавшей Швейцарию, отметилось значительное уменьшение случаев торга женщинами. Хотя, однако, отмечались случаи увоза женщин на автомобилях. Публичные дома в Швейцарии закрыты повсюду, кроме Женевы, но и тут ожидается скорое их закрытие.

Отмечая эти явления, докладчик констатирует распространение идей аболиционизма и сознания в обществе того, что принудительное медицинское освидетельствование есть скорее иллюзия, чем реальная гарантия против распространения заболеваний. Проф. Нинк отмечает, что Швейцарский Комитет обеспечен средствами, так как ему помогают около 40 разных обществ и организаций помощи молодым девушкам.

Докладчиком от Нидерландов в подготовительной конференции выступал один из деятельных членов международной организации д-р Грааф, а на конгрессе Вельтьюзен. В построенной характеристике своих работ оба они останавливались на отрицании распространенных сведений о том, будто после войны много германских девушек было вывезено из Германии через Нидерланды в Южную Америку. Они указывают на то, что соответственный вопрос был сделан в парламенте и были произведены общественными организациями обследования, которые не констатировали фактов такого явления,—но тем не менее был установлен, в виду таких случаев, контроль над пароходами, отбывающими из Нидерландов в порта Южной Америки.

В противоположность этому заявлению, представитель Германии д-р Юнг на подготовительной конференции указывал именно на стремление торговцев вывести женщин из Германии в Нидерланды. В доказательство д-р Юнг указывал на факт задержания на германской границе женщины с 5 девушками, которых она старалась

перевести в Нидерланды. Далее он указывал на задержание осенью 1923 года двух таких торговцев, из которых один подозревался в том, что он отправил уже в Нидерланды до 50 девушек в 1922 году. У другого было найдено письмо, датированное 13 сентября 1923 года из Гамбурга. Текст его был оглашен д-ром Юнгом: „Пять девушек прибыли и устроены в безопасном месте, теперь уже едут в Нью-Йорк. В Гамбурге много полиции. С трудом мы устроили девушек на пароходе. Две из них едва нас не выдали, но вы знаете хорошее действие хлороформа". Далее письмо говорит о двух девушках, отправленных в Сан-Франциско. „Там они—написано в письме—могут кричать и звать папу и маму, сколько им угодно. Если у вас есть свежий товар, пришлите его немедленно. Адрес знаете. Если полиция что-либо заподозрит, уезжайте в Бремен. Чек на 1.000 долларов посылаю. Если девушки добровольно не поедут, направьте их в то место, о котором я говорил, там они будут благоразумны. Письмо уничтожьте".

Вместе с такими указаниями на вывоз девушек через Гамбург и Нидерланды, д-р Юнг указывает также на то, что чрез Германию проходит значительное количество живого товара и из стран Восточной Европы, частью направляясь к германским портам, а частью оставаясь в притонах германских городов.

Эти заключения германского представителя на Конгрессе были еще раз опровергнуты со стороны нидерландского представителя, заявившего, что все произведенные расследования не показали следов существования вывоза женщин из Германии чрез Нидерланды.

Д-р Юнг высказал также то положение, что вообще, при восстановлении после войны международных отношений, торговля женщинами возобновилась и это особенно почувствовалось в оккупированных территориях. Такое заявление вызвало возражение со стороны французского представителя Эннекена, а в более резкой форме со стороны бельгийского представителя, Брифо, члена Бельгийского парламента, посещавшего районы французской, бельгийской и английской оккупации и не могущего согласиться с мнением д-ра Юнга.

Доклад представителя Испании о работах Испанской организации ограничивался указанием на то, что за последнее время было оказано много помощи девушкам, числом к концу 1912 г. свыше 7000, которым Патронат, имеющий до 50 филиалов по Испании, оказал поддержку, при чем свыше 800 было им отвлечено от распущенного образа жизни.

Доклад представителя Венгрии М-м Латинович сводился к изложению текущей работы венгерской организации, направленной как к возбуждению судебных преследований против лиц, заподозренных в торге женщинами, так и в известных превентивных мерах организации предупредительных дежурств на станциях железной дороги. Из общих мероприятий докладчица отмечает запрещение приема иностранных женщин в дома терпимости.

Доклад греческой организации был представлен на предварительной конференции, но не был сделан на Конгрессе, где вообще греческих представителей не было. В докладе указывается на то, что в Греции разрабатывается ряд мер и законопроектов по борьбе с торговлей женщинами. Попытка кинематографических представлений с порнографическими картинами была пресечена. В виду имевших место сведений от греческого консула в Александрии об эмиграции молодых девушек из Греции в Египет, было издано распоряжение о том, что эмиграция из Греции девушек ниже 21-летнего возраста

может быть допущена лишь с письменного согласия родителей или заступающих их место, а в случае отъезда их в Египет необходимо указывать, куда и к кому такая девица едет и кто ее сопровождает.

Кроме этих докладов, сообщенных на предварительной конференции и воспроизведенных на самом Конгрессе, в Граце был доложен еще ряд докладов от других государств, которые были непосредственно представлены Общему Собранию делегатов VI конгресса.

Таковым прежде всего являлся доклад Международного Бюро по борьбе с торгом женщинами, а затем доклады от Дании, Франции, Швеции, Норвегии, Италии, Польши и Египта.

Выступавшие на Конгрессе другие представители, как, напр., представитель Китая, Юго-Славии, Чехо-Словакии—не делали сообщений и докладов, а ограничились лишь приветствиями и очень краткой информацией.

Доклад от Международного Бюро, которым и открылись работы Конгресса, был сделан секретарем мисс Бекер. В этом докладе, представленном Конгрессу, мисс Бекер старалась кратко изложить главнейшие события за истекшие 11 лет—после последнего Конгресса в Лондоне. Указывалось на основание новых комитетов по борьбе с торгом женщинами в Польше, Чехо-Словакии, Греции, и Данциге. Затем доклад отмечал ту роль, которую в рассматриваемом вопросе приняла на себя Лига Наций, так как пункт С ст. 23 ее Устава возлагает на нее обязанности по борьбе с торгом женщинами и детьми. Согласно с этим была созвана в 1921 г. официальная конференция, в которой вместе с официальными правительственными делегатами государств, входящих в Лигу Наций, входило представительство и от Международного Бюро по борьбе с торгом женщинами и детьми. Результатами этой конференции было заключение Международной конвенции 1921 г., задачей которой является не столько замена собой ранее заключенных международных соглашений, сколько их пополнение. Далее эта же конференция создала при Лиге Наций специальный постоянный Совещательный Комитет по делам борьбы с торгом женщинами и детьми, в состав которого входят делегаты от отдельных правительств и 5 представителей от международных общественных организаций по борьбе с торгом женщинами. Из этого факта мисс Бекер делает вывод, что работа отдельных Комитетов является чрезвычайно важной. Останавливаясь на работах Совещательного Комитета, доклад отмечает, что он предложил, как тем государствам, у которых существует система домов терпимости, так и тем, у которых она отменена, высказать, представив свои данные о состоянии того и другого положения, о наличии в данной стране торга женщинами и детьми. При чем такие страны, как Бельгия, Нидерланды, Польша, Чехо-Словакия, в которых отменена система домов терпимости, уже дали ответ, что наличие этих домов является одним из главных побудительных начал для эксплоатации женщин для безнравственных целей и таким образом не является мерой предупреждения против заболеваний или гарантией порядка. Ответы других государств ожидаются в ближайшее время. Затем постоянный Совещательный Комитет образовал Обследовательскую Комиссию для обследования при содействии соответствующих правительств объема торга женщинами и детьми и его способов. Денежные средства на это обследование дала Американская Ассоциация общественной гигиены. Ввиду того, что обследование этого вопроса, иногда чрезмерно раздуваемого газетной прессой, более представляется удобным провести через общественные организации, последние через Секретаря

Лиги Наций призваны к этому делу. Комитетом затронут вопрос о борьбе с торгом женщинами и детьми в связи с эмиграцией и иммиграцией, и здесь Международное Бюро национальных комитетов связало свою работу с Совещательным Комитетом и вместе с тем приготовило соответственный доклад для официальной международной конференции, по вопросу об эмиграции, собирающейся в Риме.

Из самостоятельной работы Международного Бюро, не связанного с органом Лиги Наций, мисс Бекер отметила поездки в Грецию, Египет и Палестину с целью создания и переустройства работ местных комитетов, при чем в связи с этим был устроен ряд публичных митингов в Каире, Александрии, Порт-Саиде, Иерусалиме и Яффе, содействовавших успеху намеченной работы.

Также большая работа имеется для Бюро и в Лондоне, где в год оказывается поддержка до 2.000 молодым девушкам, самых разнообразных наций, приезжающих в Лондон, не знающих его условий жизни и могущим попасть в руки предпринимателей и вербовщиков в притоны разврата. Лондонский порт обслуживается в этом отношении еврейской Ассоциацией покровительства девушкам и женщинам.

Указывая на то, что постоянный совещательный комитет обратился ко всем правительствам с просьбой представить тексты законов и распоряжений о борьбе с торгом женщинами и детьми, действующих в стране, докладчик предлагает и представителям национальных комитетов также принять участие в этой намечающейся кодификации. В заключение докладчик обращает внимание на то, что проект Парижской конвенции 1910 г. о борьбе с порнографией был рассмотрен в официальной конференции, созванной по инициативе французского правительства в Женеве в сентябре 1923 г., в которой принимали участие представители 35 государств и был выработан проект новой конвенции.

Доклад датского делегата (Шепелери-Ларсен), указывавшего на то, что регламентация отменена в Дании в 1906 г., а с 1910 г. закрыты дома терпимости, отмечает тот факт, что увоза женщин из Дании для вовлечения их в занятие проституцией за границей давно уже не имеется и работа комитета в Дании сводится к оказанию поддержки женщинам, приезжающим в Данию или из нее эмигрирующим.

Доклад от Египта был сделан дважды, при чем особый успех имело выступление Чарауи-Паша, женщины-мусульманки. В своем докладе она отмечала случаи бессовестнейшей эксплоатации, известные случаи похищения девушек до 16-тилетнего возраста, нередко в возрасте 7—8 лет и помещения их в притоны, где ужасное обращение с ними служило причиной их преждевременной смерти. Отмечая стремление египетского правительства бороться с этим злом, докладчица считает, что существующий режим капитуляций связывает в этом отношении руки египетскому правительству, почему она полагает необходимым, чтобы Конгресс обратился к соответствующим европейским правительствам с просьбой развязать египетскому правительству руки, в деле закрытия домов терпимости, содержателями которых в Египте являются большей частью иностранцы.

Докладчиком от Франции выступил в Конгрессе Эннекен, старый работник на этом поприще борьбы с торгом женщинами и детьми, упомянув о деятельности создателя французской организации сенатора Беранже, который являлся и крупным деятелем по организации международных съездов и создания международных соглашений, Эннекен считает, что сейчас работа французской организации облегчилась, так как со времени начала войны он уже не может отметить

случая во Франции вывоза женщин или девушек за границу. Поэтому работа организации свелась к оказанию помощи и содействия женщинам и девушкам, такой явилась, напр., организация Лиги трудовых организаций, где раздавалась работа женщинам, мужья которых были призваны на военную службу.

Из других интересных моментов, связанных с деятельностью на рассматриваемом поприще, Эннекен указывает на основание специального департамента, именуемого Отделом общественной морали, возникновение которого обязано тем жалобам на разврат и распущенность, на фронте и в тылу, которые поступали на офицеров и солдат.

Норвежский доклад (Фэрден) констатирует отсутствие за последнее время фактов увоза женщин и отмечает работу организации в форме помощи и советов приезжающим в Норвегию.

То же самое содержится и в шведском докладе, отмечающем также и широкую осведомительную работу, выразившуюся в чтении более чем 400 лекций в Стокгольме и других городах относительно торга женщинами и опасностях, угрожающих им при эмиграции.

Доклад от Италии (Чирио-Пейзер) указывает, что образованный еще в 1902 г. комитет под председательством сенатора Луццатти за последнее время оживил свою работу—в 1923 г. Под его давлением итальянское правительство опубликовало декреты: 1) о преступлениях, относящихся к торгу женщинами и детьми; 2) о бюро для найма на работу женщин; 3) об Итальянском Центральном Бюро по борьбе с торгом женщинами и детьми при Министерстве Внутренних дел. В тот же 1923 г. был созван в Милане Съезд итальянских общественных деятелей по борьбе с торгом женщинами и детьми, вынесший ряд резолюций, касающихся вопросов о службе женщин в полиции нравов, об охране материнства и детства; об отмене регламентации; об эмиграции, иммиграции и посреднических бюро для найма; о запрещении детям участвовать в кафе-концертах и подобных учреждениях, о надзоре за танц-классами и о цензуре кинематографических фильм.

Предварительная конференция в Лондоне наметила для VI конгресса обсуждение следующих вопросов: 1) о запрещении опубликования в печати бесстыдных (obscene) произведений; 2) вопрос об эмиграции; 3) запрещение допущения иностранных женщин в дома терпимости; 4) женская полиция; 5) служба женщин за границей в театрах, кафе-концертах и подобных заведениях. Последний вопрос, в виду затянувшихся прений по первым четырем, был снят с повестки конгресса и вообще вопроса о сексуальном воспитании, но он на предварительной конференции, в виду его обширности, не был одобрен для повестки Конгресса.

Первым на Конгрессе был поставлен вопрос (доклад великобританского представителя—Норман-Кендаль) о бесстыдных печатных произведениях (obscene publications), в связи с чем была заслушана указанная выше Женевская конвенция 1923 г., направленная к запрещению торговли и распространения различного рода печатных произведений, кинематографических фильм и прочих разных предметов скабрезного характера, а равно, и их ввоза и вывоза. Обсуждение этого вопроса разногласий не вызвало, но были выставлены только различные проекты мер по борьбе с распространением. Одни (напр., Эннекен) считали, что лучшей мерой является воспитание. Австрийский представитель проф. Уде, считая, что борьба с распространением таких произведений, на которые имеется спрос, есть борьба с ветряными мельницами, также полагал, что при нынешнем упадке морали воспитание есть лучшее средство. Английские представители

указывали, что кинематографические ленты с неприличным содержанием в Англии никогда не допускались. Бельгийский представитель Брифо, подходя с точки зрения позитивного законодательства, полагал правильным считать, как наказуемое деяние, извлечение прибыли от торговли, распространения и выставления в общественных местах произведений или предметов скабрезного характера. При этом он затруднялся дать точное определение понятия obscene. Это же затруднение возникло и у всех других членов Конгресса. Поэтому Конгресс, присоединяясь к решению Женевской конвенции, предложил каждому государству изложить по-своему, как оно понимает, понятие, определяемое словами—obscene publications.

Вторым вопросом, вопросом близко связанным с делом международного торга женщинами и детьми, явился вопрос об эмиграции, неоднократно поднимавшийся уже и на предыдущих конгрессах. Обсуждение этого вопроса на Конгрессе было открыто обширным докладом великобританского представителя Когена. Докладчик обратил внимание на то тяжелое положение, которое создалось в связи с установлением в Соединенных Штатах нормы допуска эмигрантов, благодаря чему многие эмигранты,—выехавшие из родины и не будучи допущены в Соед. Штаты, принуждены оставаться в различных европейских портовых городах. Докладчик указывал на известный ему факт, что на о. Кубе сконцентрировалось до 6.000 таких эмигрантов, не имеющих работы и, благодаря чему, в притонах разврата этого острова можно всегда найти девиц из числа этих эмигрантов. Официальная конференция в Риме широко занималась вопросом об эмиграции. Докладчик предлагает Конгрессу обсудить этот вопрос с той точки зрения, которая составляет предмет его работы, и в результате после обмена мнениями единогласно принимается резолюция, предлагающая следующие мероприятия:

1) Рекомендовать правительствам запрашивать правительства стран, куда направляется эмигрант, о фактической возможности допущения его туда; 2) сделать распоряжение, чтобы при переездах едущие в страну члены семьи не разделялись; 3) облегчить доступ на суда и в отели для эмигрантов членам общества покровительства эмигрирующим; 4) на все суда, занимающиеся перевозкой эмигрантов, допустить особых лиц женского пола, которым поручалась бы забота об интересах женщин и детей; 5) предложить пароходным компаниям распространять на пароходах сведения, полезные для эмигрирующих женщин и детей и 6) признать допустимым, что мероприятия правительств для охраны эмигрирующих женщин против лиц, занимающихся торгом женщинами, могут иметь своим следствием вмешательство в личную свободу даже совершеннолетней женщины.

Дальнейшим вопросом, представленным для обсуждения Конгресса, был вопрос о запрещении приема иностранных женщин в дома терпимости. Вопрос этот вызвал горячие прения. Возник он благодаря тому, что в Совещательном комитете при Лиге Наций он был принят большинством голосов против двух, по предложению Сокаля, польского делегата. В виду этого Международное Бюро поставило этот вопрос на обсуждение Конгресса. Среди лиц, защищавших это мероприятие, были лица, участвовавшие в принятии его в Совещательном комитете. Их точка зрения, хотя все они объявили себя аболиционистами, направленная на поддержку этого проекта, заключалась в том, что, по их мнению, запрет принятия иностранок в дома терпимости прежде всего уничтожает международную торговлю женщинами, пресекая возможность увоза женщины из одной страны для

помещения в дома терпимости той страны, где они еще существуют. В дальнейшем же невозможность привоза их заставит закрываться дома терпимости, так как в некоторых странах в эти дома принимаются почти исключительно иностранки, так, напр., в Южной Африке в этих домах их насчитывают до 80%.

Эту точку зрения поддерживали и представители главным образом Великобритании, где, как известно, надзор за проституцией был отменен с 1886 г. Другую точку зрения выдвигали представители стран, где дома терпимости еще допускаются.

С большой речью выступил французский делегат Эннекен против предложения Бюро, ссылаясь на то, что Французский Комитет высказал свой взгляд на этот вопрос. Он считает, что международные конвенции имеют задачей борьбу против совращения угрозами, обманом и хитростью и вовлечения на путь проституции девиц до 21 г.— предложение же Сокаля вводит Лигу Наций в решение дел, превышающих ее полномочия в силу ст. 23 Версальского Договора и заставляет ее вторгаться во внутренние дела государства. Он находит странным запрещение совершеннолетней женщине вступать в дом терпимости по ее желанию там, где эти дома дозволены.

Французский делегат считает, что выступление Сокаля есть выпад перед Лигой Наций против регламентации проституции. Далее он полагает считать ошибочным предположение Сокаля, будто принятием его предложения уничтожатся дома терпимости. Он примерами указывает, что торговля женщинами идет и направляется в страны, напр., в Германию, Англию, Соедин. Штаты и др., в которых дома терпимости отменены, и таким образом отмена регламентации и домов терпимости есть только показная сторона, не отменившая ни проституции ни тайных домов терпимости. Свою точку зрения он иллюстрирует ссылками на ряд фактов. В 1907 г. Германский Национальный Комитет жаловался министрам Юстиции и Внутренних Дел, что ст. 180 угол. Кодекса не соблюдается и полиция допускает дома терпимости. В 1913 г. на международном Конгрессе по борьбе торгом женщинами германский делегат указывал на существование таких домов в Дрездене и Лейпциге.—В Англии в 1903 г. было возбуждено в Ливерпуле 101 судебный процесс, окончившийся по обвинению в содержании домов терпимости и 451 процесс по тому же обвинению в том же году в Лондоне. Как видно из доклада Великобританского правительства, вносившего в Парламент в 1917 г. билль об усилении наказания за содержание домов терпимости, владельцы последних получают огромную прибыль. Из одного новейшего судебного процесса известно, что содержатель дома имел дохода 17 фунт. стерл. в день, т. е. более чем 6.000 фунт. в год, в другом случае за 6 месяцев содержатель дома положил в банк 2.000 фунт. стерл.

Такие же возражения представлял и делегат от Уругвая д-р Паулина Луизи, которая при голосовании Совещательного Комитета Лиги Наций принадлежала к тем двум, которые голосовали против предложения Сокаля. По ее мнению это предложение носит характер компромисса, а не решительной борьбы против домов терпимости, что она, действуя во имя морали, не может допустить. Это же мероприятие и с практической точки зрения она считает бесполезным, указывая, напр., что в Бразилии, хотя правительство и и не допускает домов терпимости, но их существует довольно много.

Бельгийский делегат, Маус, также несколько поддерживал последнюю точку, ссылаясь на тот факт, что в 1923 г., согласно указанному выше решению, принятому в Лиге Наций, было выслано

много иностранок-проституток, но в конце концов многие из них скоро под тем или иным предлогом снова вернулись в Бельгию.

В результате этих продолжительных дебатов, поднявших весь пыл аболиционистского настроения против регламентации и домов терпимости, резолюция Международного Бюро была отклонена 10 голосами против 9 при 1 воздержавшемся (голосовали лишь государства, допущенные с правом решающего голоса). Вместо нее была предложена резолюция профессором Уде (Австрия) и профессором фон-Дюрингом (Германия), высказавшим в своей речи, что аболиционисты „желают отмены регламентации домов терпимости не только по моральным соображениям и правовым, но и по гигиеническим целям". Поэтому эта резолюция, считая точку зрения Совещательного Комитета своего рода компромиссом и полумерой, выражает мысль о необходимости полной отмены регламентации и домов терпимости и гласит таким образом:

„Шестой Международный Конгресс держится того мнения, что регламентация и система домов терпимости являются главной причиной существования торга женщинами, и где бы это ни было, оно является нарушителем прав и достоинства человечества. Поэтому Конгресс, не рассматривая представленного ему вопроса, продолжает, как раньше, бороться за идею аболиционизма".

Последняя резолюция была принята 12 голосами (Австрия, Дания, Египет, Франция, Германия, Нидерланды, Венгрия, Польша, Швеция, Швейцария (против 6), Аргентина, Канада, Великобритания, Международное Бюро, Испания и Соединенные Штаты (при 2-х воздержавшихся), Бельгия и Италия.

Вопрос о женской полиции. Он был решен в смысле желательности ее организации еще на V Конгрессе в Лондоне. Из докладов по этому вопросу теперь выяснилось, что женская полиция, одной из главнейших задач которой является оказание помощи женщинам и борьбе с проституцией, уже отметила свою работу. В Дании она появилась с 1910 года. Опыты ее введения произведены в Соединенных Штатах. Имеются они в Швеции. О работе этой полиции в Англии и в Шотландии были представлены на Конгрессе подробные доклады. Из доклада видно, что в Англии, благодаря настоянию Национального Совета женщин Великобритании и Ирландии и энергии ныне умершего известного Александра Кута, творца и вдохновителя объединенной международной борьбы с торгом женщинами, организовались „Женские патрули". Эта добровольческая организация в 1914 г. была признана правительством, которое в 1916 г. согласилось содержать ее за государственный счет, а в 1918 г. был организован отряд женской полиции. В 1920 г. Специальный Комитет под председательством парламентского помощника статс-секретаря по внутренним делам, обследовавший работу женской полиции, признал ее необходимой. Численность служащих в ней 122 женщины. Им приходится иметь дело с больными женщинами и детьми, испорченными, покинутыми, бездомными, жертвами сексуальных преступлений. Таким образом, в сферу их наблюдения входят подозрительные притоны, игорные дома, ночные клубы, бродяжничествующие лица. Они принимают участие в расследовании преступлений, где объектом явилась женщина; они заняты перевозкой женщин и детей в госпиталь, рабочие дома, исправительные приюты, а также пьяных женщин; под их надзором состоят женщины преступницы, находящиеся в госпитале, а также проститутки.

Резолюция по этому вопросу рекомендовала Национальным Комитетам возбудить пред своими правительствами ходатайство об организации при полиции специального кадра женщин-полицейских для тех дел, где виновниками являются женщины или дети.

По окончании заседаний Конгресса участники его были приняты прибывшим специально Президентом Австрийской Республики д-ром Гайнишем, обратившимся с приветственной речью, в которой он, останавливаясь на огромном значении обсуждавшегося на Конгрессе социального вопроса и сожалея, что ныне так мало уделяется времени заботам „о моральном восстановлении", желает, чтобы работы Конгресса имели успешный результат.

Местом следующего конгресса проектируется Женева.

Н. Захаров.

Академическая хроника.

Юридический факультет Киевского Института Народного Хозяйства.

В соответствии с принятой на Украине системой профессионального образования юридические факультеты, существующие в Киеве, Харькове и Одессе, входят в состав Институтов Народного Хозяйства. Преподавание на юридич. факультетах до сего времени было 3-летним, с будущего же учебного года оно превращается в 4-хлетнее. На юридич. факультете в Киеве числилось в истекшем 1925/26 уч. году 329 студентов, из них 112 на I-м курсе, 105—на II-м курсе и 112—на III-м курсе. Последний состоял из двух отделений (уклонов)—судебного и административного. Деканом факультета состоит проф. А. Э. Кристер.

Учебный план и состав профессоров и преподавателей следующий:

I курс. Исторический материализм (Г. Я. Маренко, В. Ф. Асмус).—Политическая экономия (С. Д. Сидоряк, Б. Е. Радзиковский).—Введение в изучение права (Р. М. Бабун).—Общее учение о праве (Я. С. Розанов).—История правовых институтов (В. В. Карпека). — Основы семейного права (А. К. Митюков).—Государственное право (Л. С. Карум).

II курс. Экономическая политика (С. А. Посвольский). — Гражданское право (А. Э. Кристер, Б. А. Язловский). — Уголовное право (Н. Н. Паше-Озерский, Н. И. Сикорский). — Административное право (Н. Н. Товстолес).—Финансовое право (П. Л. Кованько). — Земельное право (М. М. Гершонов.)—Трудовое право (Б. О. Черный). — Международное право (В. Ф. Яновский).—Судоустройство (А. Н. Бутовский).

III курс. Торгово-промышленное право (М. И. Митилино, А. С. Добров).—Гражданский процесс (Е. И. Кельман, А. К. Митюков). — Уголовный процесс (М. А. Чельцов-Бебутов, С. И. Борисенок).—Частное международное право (А.Э. Кристер).—Судебная медицина (В. М. Гаккебуш). — Судебная статистика (вакансия). — Транспортное право (В. И. Бокшо). — Биржевое право (В. И. Лабейковский). — Техника составления договоров (М. С. Мазор). — Техника дознания и следствия (А. Д. Щербак).

Преподавание ведется лекционным методом и путем семинарской проработки. При факультете имеются учебно-воспитательные учреждения: кабинет публичного права, кабинет частного права и юридическая клиника.

Преподаватели факультетов участвуют в издаваемом Институтом журнале „Техника, Экономика и Право".

А. Д.

Из деятельности Московского Судебно-Медицинского О-ва.

Проф. П. А. Минаков сообщил, что он в заседании Ученого Медицинского Совета 19/II—26 г. сделал следующее заявление.

В некоторых руководствах по технике патолого-анатомического исследования трупов рекомендуется для дезинфекции инструментов, перчаток, рук и пр. применять сулему и оксицианистую ртуть.

При недостаточно осторожном пользовании сулемой как самим врачом, так и особенно низшим медицинским персоналом и техническими сотрудниками, возможно случайное попадание ее в органы трупа, которые будут подлежать химическому анализу в случаях предполагаемого отравления. П. А. Минаков приводит случай, в котором предположение, что найденная при химическом анализе внутренних органов сулема попала случайно в труп во время вскрытия его, повело к запутыванию судебного дела.

Проф. А. И. Крюков. О значении дегенерации при определении причины скоропостижной смерти. Докладчик приводит свои наблюдения над трупами, умершими скоропостижно. У таких трупов он мог подметить целый ряд дегенеративных признаков — со стороны строения черепа, сердечно-сосудистой системы, желез внутренней секреции, внутренних парехиматозных органов. Самое существенное значение дегенерации автор видит в соотношении объема мозга с внутренней вместимостью черепной коробки, преждевременно сделавшейся неподатливой вследствие раннего срастания черепных швов.

В связи с этим наступает нарушение кровообращения, лимфообращения и неправильное удаление продуктов обмена мозговой ткани, что ведет к нарушению правильной мозговой деятельности.

Эти признаки, в сочетании с узостью аорты и увеличением зобной и лимфатических желез (status thymico-lymphaticus), автор особенно часто видал у самоубийц.

В обстоятельных и оживленных прениях (проф. П. А. Минаков, В. Ф. Владимирский, Криворотов, Моргенштерн, Попов и др.), связанных с этим докладом, в общем подтвердилось наблюдение, что у самоубийц встречаются изменения в черепной коробке, описанные А. И. Крюковым. Что же касается зобно-лимфатической конституции (status thymico-lymphaticus) мнение собрания разделилось. П. А. Минаков, З. И. Моргенштерн не считают такое состояние за аномалию конституции; хорошо выраженная зобная железа и лимфатический аппарат встречаются у здоровых людей.

В заседании 17/V—1926 г. д-р Б. Г. Лебедев приводит свои наблюдения над самоубийцами по материалу Института им. Склифасовскаго. Из его данных видно, что всего за 1925 г. через терапевтическое отделение прошло 323 чел. Из них 65 чел. мужчин, т. е. 20%, женщин 258, т. е. 80%.

По роду занятий: мужчин безработных 16, рабочих и служащих 29, остальных 10; женщин безработных 83, домашних хозяек—67, рабочих и служащих—67, остальных 31.

По месяцам: максимум—март и апрель (40—43), минимум—январь (19).

По роду ядов: больше всего отравлений приходится на уксусную кислоту: всего 174 отравления—53%. Из них мужчин—31, т. е. 18%, женщин 144 случ.—82%. Второе место по частоте занимают щелочи: нашатырный спирт, едкий кали и натрий.

Отравилось всего 44 чел., т. е. 31%. Из них 12 мужч. и 32 женщины. Затем идет сулема, 16 случаев, мышьяк—4 случая, опием и морфием—22 случая, различные кислоты и алкалоиды.

Большой интерес вызывали случаи повторных самоубийц, ибо они раскрывают психопатическую и дегенеративную конституцию самоубийц.

Было также обращено внимание на время наибольшего подъема числа самоубийств.

Обычно наблюдаемое увеличение числа самоубийств в весенние время наводит на размышление, что климатические условия оказывают влияние на организм, изменяя его обмен веществ (Моргенштерн).

На заседании от 31/V—1926 г. д-р З. И. Моргенштерн сообщает об одном наблюдении, касающемся вопроса во внутриутробном трупном окоченении. Женщина в конце беременности внезапно умерла от острого кровотечения вследствие нанесенных ей ран. На вскрытии через 2 часа после смерти оказалось, что младенец, доношенный, находился в состоянии полного трупного окоченения. Автор подтверждает мнение, что внутриутробное трупное окоченение возможно и что быстрое окоченение в этом случае зависит от влияния повышенной температуры среды. Раннее внутриутробное окоченение имеет значение в судебной гинекологии, ибо младенцы, окоченевшие внутриутробно из-за ригидности членов, могут препятствовать нормальному родовому акту. И это обстоятельство следует учесть в судебной гинекологии.

Д-р М. И. Авдеев приводит свои наблюдения над материалом новорожденных, прошедших через Инст. Суд. Мед. I М. Г. У. Из его данных видно, что процент насильственных смертей равен 34%.

Анализ материала подтверждает известное правило, что главным критерием при суждении о доношенности плода является длина его. Ядро окостенения в эпифизе бедра может появляться уже к концу 9-го месяца. Спускание яичек в мошонку может иметь уже место на 8 месяце утробной жизни.

З. И. Моргенштерн,
Секретарь Моск. Суд.-Мед. О-ва.

В. К. Случевский.

(† 29 апреля 1926 г.).

Десять лет тому назад, когда 20 мая 1916 года праздновался пятидесятилетний юбилей общественной работы Владимира Константиновича Случевского, московский юридический журнал „Вестник Права“ [1]) поместил на своих страницах статью, посвященную этому знаменательному юбилею. В этой статье я приводил слова самого Владимира Константиновича о его настроении, с которым он приступал в 60-х годах истекшего века к началу своей работы. Ему тогда казалось, что та полоса жизни, в которую он вступал, будет длиться „чуть не вечно, что сердце не похолодеет, разум не познает скептицизма и здоровье будет постоянным спутником“. Приводя эти слова, я имел тогда все основания сказать о 72 - летнем юбиляре, что ожидания его далекой молодости сбылись, что целых полвека длится неустанная работа, что попрежнему горячо бьется его сердце и борется со скептицизмом разум. Теперь, когда прошло еще десять лет и 29 апр. 1926 г. сердце Случевского перестало биться, а я пишу о нем эти короткие слова некролога, я спрашиваю себя: не похолодело

[1]) № 21, 1916 г.

ли сердце 82-летнего старца за эти десять лет много раньше? Когда каждый год последнего десятилетия равнялся многим годам, когда каждый день, неся с собою величайшие события мировой истории и родной страны, бурей врывался в сознание каждого мыслящего, тот самый скептицизм, который так естественен в старости и которого так боялся Случевский, не одержал ли, наконец, победу над его разумом? И я отвечаю себе: нет. Его трудовая жизнь продолжалась и в эти бурные годы. С лета 1919 года мы видим его на кафедре в Московской Военно-Педагогической Академии, где он читает лекции по социологии; еще ранее, с самого начала 1919 г., он становится членом комиссии по пересмотру военно-морских законов при Морском Генеральном Штабе, а позднее, с конца 1920 г., он несет свои юридические знания в Нар. Ком. Юстиции, где состоит консультантом по август 1921 г., когда тяжелая болезнь заставляет его прекратить свою общественную работу. Конечно, между политическими воззрениями либерала-шестидесятника В. К. Случевского и правящих кругов Советского Союза была „дистанция огромного размера", но, несмотря на это, у него было „нечто", что он, человек глубокой принципиальности и честности, мог дать и что у него могли взять: это его знания. Если он с гордостью открыто в печати заявлял при царской власти—„мы не шли на компромиссы" и „не опасались тех носителей власти, которые, по образному выражению А. Ф. Кони, являлись потерпевшими от нового суда лицами", то он мог повторить это и в последние годы своей жизни.

В. К. Случевский родился в 1844 г. Окончание курса юридических наук в 1866 г. совпало со временем судебной реформы, проводником которой в жизнь и был он, занимая различные должности по судебному ведомству вплоть до Сената. А. Ф. Кони, делясь в письме к нам своими воспоминаниями о покойном, которого „он искренне любил и уважал", называет его „представителем лучших традиций шестидесятых годов, умевшим в строгую роль обвинителя вносить теплую сердечность человеческого отношения к несчастью". В роли товарища председательствующего в уголовном отделении суда он доводил свое беспристрастие даже до некоторого педантизма. А. Ф. Кони вспоминает, как горячо возражал В. К. Случевский „против презренного толкования, что одно лишь привлечение к уголовной ответственности, независимо от исхода по политическим делам, поражает навсегда политические права привлеченных". Судья, прокурор, сенатор—Владимир Константиновит был всегда (к сожалению не в пример многим другим) строгим судьею над самим собою, именно как над „профессиональным" судьею.

С этой стороны очень интересны его признания, когда он говорит о вырабатывающихся в судебном работнике предубеждениях, которые как гвозди закалачиваются в мозг и лишают судью отзывчивости. Самому Случевскому пришлось уже на втором пятилетии своей судейской работы тяжело чувствовать одолевавшую его предубежденность и укреплять в себе сознание о необходимости покончить с нею во что бы то ни стало, хотя бы ценою оставления судейской деятельности.

Преподавательская работа В. К. началась поздно — лишь на 40 году жизни, в 1883 г., в училище Правоведения. С 1895 г. он занимает кафедру уголовного права в Военно-Юридической Академии и уже через 16 лет своей педагогической работы он получает звание заслуженного профессора. В 1916 г. Петроградский университет избирает его почетным доктором прав. Из вопросов уголовного права его исключительное внимание привлекает уголовный процесс и судо-

устройство. Его учебник русского уголовного процесса, вышедший в 1913 г. четвертым изданием, был настольною книгою каждого криминалиста, так как давал, при глубоком теоретическом освещении вопросов, богатейшие указания систематизированной кассационной практики. Этот талант глубокого теоретического освещения вопросов практики уголовного процесса, при удивительной ясности мысли и четкости изложения, В. К. проявлял постоянно, вплоть до его работ по комментированию многочисленных статей о гражданском иске в уголовном суде в систематическом Комментарии к Уставу Уголовного судопроизводства (5 выпусков в период 1914—1916 г.). Это сочетание теории и практики, олицетворением чего был в своей деятельности и сам Владимир Константинович, было не простым „естественным симбиозом", а плодом продуманной мысли, которую он развивал в своих статьях „Об отношении судебно-уголовной практики к законодательству и науке права" и „О значении опытного, научного и философского знания в практике судьи".

Но, уделяя свое главное внимание вопросам уголовного процесса, Случевский далеко не оставался чуждым и другим научным интересам. Из многочисленных его статей мы отметим для обрисовки широты его научных интересов прежде всего целый ряд статей, которые относились к материальному уголовному праву. Таковы его характеристики представителей уголовно-антропологической школы, данные им в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона и статьи: „Особенности социологической школы уголовного права", „Толпа и ее психология", „Мотивы преступлений", „О преступлении поединка" и др. Из статей по другим вопросам назовем: „Раздвоение личности", „Ложь как элемент личной и общественной жизни", „Философия жизни общества и ее будущее".

Помимо судебной, преподавательской и литературной работы Владимир Константинович принимал участие в деятельности нескольких обществ (юридического при Петербургском университете, где он был председателем уголовного отделения этого общества, в философском обществе, почетным руководителем занятий при консультации присяжных поверенных, он был одним из основателей и почетным членом общества попечения о несовершеннолетних преступниках). В числе других криминалистов профессоров он принимал участье по реформам как материального, так и процессуального уголовного права. О работе покойного в последние годы мы уже говорили выше.

В. К. Случевский прошел долгий жизненный путь. Он шел по этому пути чаще всего не по господствовавшему течению, а против него, когда кругом бушевала реакция. Шел, не сложа руки, как праздный зритель, а как честный труженник, занятый своею работою почти до самой смерти. И путь его был не общею проторенною дорогою, так как его ум ученого был постоянно занят исканиями не только правды судебного приговор , но (говоря словами заголовка одной из его статей) и „философии в жизни общества".

Мы не знаем, нашел ли он для себя „философский камень алхимиков", но когда я вспоминаю еще не так давно виденный мною спокойный взгляд, лучистые глаза, еще не так давно слышанную мягкую, но живую речь этого старого работника, мне кажется, что у него было завидное сознание честно прожитой жизни.

Мих. Гернет.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Die juristische Literatur der Sowjet-Union. Entwicklung und Bibliographie. Mit Beitraegen von Fakultaetsassistent A. Dobrow (Kiew), Rechtsanwalt Dr. H. Freund (Berlin), Dozent M. Gerschonow (Kiew), Prof. E. Kelmann (Kiew), Prof. B. Landau (Moskau), Prof. B. Pletnjew (Moskau), Prof. I. Rosanoff (Kiew), Prof. M. Tschelzoff Bebutoff (Kiew), W. Wakar (Kiew).—Herausgegeben von Prof. Dr. E. Kelmann (Kiew) und Rechtsanwalt Dr. H. Freund (Berlin).—R. L. Prager. Berlin 1926. 108 стр. Ц. 7 м.

Появление рецензируемой книги следует признать вполне своевременным. Знакомство Запада, в частности Германии, с советским правом, в общем, до сих пор очень недостаточно и порой, как правильно указано в статье д-ра Freund'a, дается без достаточной степени объективности.

Между тем, такой значительный исторический факт, как советский строй, с соответствующим этому строю правовым укладом, не может, конечно, не привлекать к себе внимания всякого беспристрастного исследования.

Редакторы сборника, проф. Кельман (Киев) и д-р Freund (Берлин), поставили себе задачей—дать немецкому читателю материал по юридической литературе, касающейся Советского Союза, какой имеется на немецком, украинском и русском языках.

С этою целью участвующие в составлении сборника авторы дали ряд библиографических обзоров по соответствующим областям советского права, снабдив свои обзоры руководящими замечаниями, касающимися главным образом вопроса развития юридической литературы в определенной сфере права.

Руководящие замечания — кратки, но всегда содержат необходимые для читателя указания. Обзоры составлены с достаточной полнотой и могут вполне ориентировать читателя, желающего ознакомиться с соответствующей отраслью советского права.

Из отдельных обзоров отметим вводную статью проф. Е. Кельмана, посвященную развитию нашей юридической литературы после Октябрьской революции, а также статьи проф. М. Чельцова-Бебутова (обзор литературы по советскому уголовному и процессуальному праву) и проф. Плетнева (обзор литературы по советскому конституционному праву). Менее полны обзоры М. Гершонова и А. Доброва, посвященные аграрному, торговому и промышленному праву. Вне поля зрения обоих авторов остался целый ряд интересных исследований, опубликованных по этим отраслям права в советских периодических изданиях. В частности А. Добров не отметил ни одной специальной работы, посвященной разработке вопросов синдикатского права. Особняком стоит интересная статья д-ра Freund'a, в которой автор знакомит читателей с тем, что пишут о советском праве за рубежом. Ее несомненно с большим интересом прочтет каждый русский читатель.

Было бы желательно появление этой книги и на русском языке.

А. Рождественский.

И. И. Евтихиев и С. А. Тиняков. Законодательство о городских землях. Сборник узаконений, инструкций, циркуляров и разъяснений ведомств, с объяснительными замечаниями. *Юрид. Изд. НКЮ РСФСР. М. 1926 г. Стр. 352. Ц. 3 р. 25 к.*

Книга распадается на две, почти равных по объему, части. Первая—содержит систематическое изложение важнейших законодательных и административных актов, относящихся к вопросу о городских землях, с объяснительными замечаниями составителей, и распадается на 9 глав: 1) основные положения земельного законодательства, 2) города и категории поселений, 3) о городских землях, 4) о землеустройстве, 5) Положение о земельных распорядках в городах, 6) право застройки, 7) рента с городских земель, 8) единый сельско-хозяйственный налог с городских земель и 9) введение метрической системы в земельном хозяйстве городов. Во второй части книги приведены текстуально важнейшие акты, излагаемые или упоминаемые в первой части. В конце книги приложен алфавитно-систематический указатель.

Необходимо признать, что подбор материалов сделан составителями весьма тщательно: сколько-нибудь значительных и бесспорных пробелов в книге положительно нет. Равным образом, удачны, в общем, и объяснительные замечания, которыми составители снабжают приводимые ими материалы. Однако, некоторые положения, выставляемые составителями, вызывают сомнения, а то и возражения:

1) Так, в комментарии к ст. 2 Зем. Код. (стр. 5), между прочим, читаем: „право (собственности государства на землю) осуществляется посредством ряда актов государственных органов. Этими актами, являющимися актами управления, определяется в отдельных конкретных случаях земельный оборот". Выписанный абзац, затрагивающий вопрос о земельном обороте, слишком лаконичен, чтобы разрешить этот чрезвычайно трудный, при наличном положительном материале, вопрос; без дальнейших пояснений отмеченная фраза должна быть признана, по крайней мере, неточной.

2) Комментарий к ст. 8 Общего Положения о городских и сельских поселениях (стр. 12) отмечает, что при перечислении населенных пунктов из одной категории в другую изменяется правовое положение землепользований. В чем же такое изменение состоит, при этом не указывается; составители ограничиваются отсылкой к „соответствующим" статьям Зем. Код. о городских землях (инстр. 8 окт. 23 г., приложенная под № 1, также вопроса не разрешает). Между тем, в связи с производящимся за последнее время составлением списков городских поселений и массовым перечислением населенных пунктов из одной категории в другую, вопросы правового положения землепользований возбудили на практике много сомнений (напр.—вопрос о принадлежности к земельному обществу и др.); имеется ряд ведомственных разъяснений НКЗ и пр.; использование этого материала и вообще некоторые пояснения к данному тезису были бы весьма желательны.

3) Комментарий к ст. 1 Пол. о земельн. распор. (стр. 52) изложен так, что береговая полоса судоходных рек и озер оказалась приравненной к землям, находящимся в ведении различных ведомств и учреждений. Между тем, через постан. СНК СССР от 22/IX—1925 г.—„об использовании берегов судоходных рек и озер в интересах транспорта" („С. З." 1925 г., № 71, ст. 525) красной нитью проведена мысль, что береговая полоса находится *в пользовании прибрежных землепользований*, разумеется, с ограничениями, определяемыми этим законом.

4) На стр. 55 составители замечают, что изданные НКЗ и ВСНХ РСФСР правила о порядке производства отводов участков поверхности для

нужд горной промышленности сохраняют силу „в значительной своей части, не противоречащей положению о земельных распорядках в городах“ и затем (после двоеточия) приводят §§ 3 и 12 названных правил. Получается впечатление, что только эти два параграфа и сохранили силу; между тем, в действительности не так, да и составители, очевидно, смотрят иначе: два параграфа они не назвали бы значительной частью из общего числа 16. Для практики было бы весьма важно получить здесь точное указание, какие же параграфы названных „Правил“ утратили силу.

5) В комментарии к ст. 2 Полож. о зем. расп. (кстати сказать, очень интересном и содержательном) на стр. 64, вследствие редакционной неточности, в конце концов получилось, что факт нахождения городских земель в непосредственном ведении соответствующих ведомств не может быть сам по себе во *всех случаях* достаточным обоснованием для признания таких земель изъятыми; но из предыдущего изложения составителей ясно, что их мысль иная и совершенно правильная, что в *некоторых* случаях, кроме названного факта, требуется что-то еще для признания земель изъятыми из непосредственного ведения исполкомов.

6) На стр. 91 и сл. составители излагают порядок, в котором „возможно проводить регистрацию городских земель“, при чем не осведомляют читателя, указан ли этот порядок в каком-нибудь правительственном акте или он рекомендуется составителями. В тексте (стр. 91) сделаны лишь оговорки, которые позволяют читателю догадываться, что дело идет о выводах составителей. Следовало бы это уточнить и подчеркнуть.

Изложенные частные замечания отнюдь не умаляют общей ценности книги, производящей самое благоприятное впечатление широкого плана составителей и тщательностью его выполнения.

И. Новицкий.

Новые Соловки, еженедельная газета на о. Соловках, 1926 г. (второй год издания). *Подписная цена на 6 месяцев с пересылкой 1 р. 94 к.*

Соловецкие острова. Ежемесячный журнал—орган Управления Соловецкими Лагерями особого назначения. 1926 г. (год издания третий). *Подписная цена на полгода с пересылкою—3 р. 45 к.*

В № 40 от 3 октября 1926 г. еженедельной газеты, выходящей на дальнем северном острове, сыгравшем немалую роль в русской истории, а ныне являющемся островом ссыльных, — в маленьком, но постоянном отдельчике газеты „Новости музея“ напечатано сообщение об интересной находке „прадедушки печатного станка“: в одном из темных закоулков стариннейшей стены Соловецкого Кремля был найден в виде „первобытного сооружения“ станок для печатания тех прекрасных гравюр Соловецких монахов, которые известны не одним любителям далекой русской старины. Это сообщение о находке „прадедушки“ печатного станка (говоря словами газетной заметки) было оттиснуто на том же дальнем острове „правнуком“—новою печатною машиною, выбрасывающей теперь многие тысячи печатных листов еженедельной газеты, ежемесячного журнала, сборников и научных трудов... Конечно, все эти издания предназначены не только для тех, кто не по собственному желанию заселил Соловецкие острова, но и для круга читателей, живущих далеко вне „полярного круга“. Говоря об этом круге читателей вне полярных льдов, мы имеем в виду не только родных и близких, для кого серые листки еженедельной газеты и ежемесячного журнала может быть дороже, чем гравюры с ликами святых, вывозившиеся в продолжение более ста лет с острова богомольцами. Кроме них мы имеем в виду и многих других и

в том числе представителей различных научных специальностей—археологов, историков, естествоведов, даже криминалистов. Лично мы являемся довольно аккуратными читателями газеты и журнала не только потому, что знакомимся с жизнью на острове, поскольку она проявляется на страницах печатных органов, но и потому, что находим там не безынтересные для нас криминологические материалы. Такие материалы могут быть разбиты на две группы. В одну входит творчество (проза и поэзия) „блатного мира", т. е. уголовных профессиональных преступников, рецидивистов-воров, налетчиков-бандитов и др. Некоторые из ссыльных объединились в особую секцию „криминологическую" при имеющемся на острове Обществе краеведения. Означенная секция собрала анкетным путем материал, характеризующий как самих правонарушителей, так условия совершения ими преступлений и условия их разнообразного быта на самом острове. Собирается словарь воровского языка, образцы творчества заключенных, в частности песни мира тюрьмы и проч. На страницах газеты и журнала мы находим статьи и очерки посвященные психологии преступного мира и уголовной социологии. Часть таких очерков вышла отдельною книгою под заглавием: „49". Автор этой книги Борис Глубоковский, один из членов криминологической секции, а вместе с тем и литератор, дает характеристики „сорока-девятников", т. е. выселенных в Соловки в порядке 49 ст. Уголов. Код. воров, проституток и других, описывая их быт и на самом острове. Такие очерки несомненно дают частью и новые для нас материалы. С образованием же криминологической секции и с началом систематического и планомерного изучения обитателей Соловков они дадут еще больше. Газета „Новые Соловки" своим объемом в две-три страницы напоминает „Рабочую газету", но содержание ее глубоко отлично, так как главное внимание уделяется описанию жизни острова и особенно работы на нем и в частности деятельности различных секций Общества краеведения. В каждом номере даются отделы с информациями о новых поступлениях в различные музеи Соловков (и в каждом номере сообщается о новых интересных находках, в результате производящихся систематически поисков, раскопок и проч.), о театральных постановках, кино, экскурсиях, работе разных школ, шахматных турнирах.

В отделе „Соловецкое хозяйство" и в других сообщается о работах по рубке леса, по добыче торфа, о разведении „живой пушнины" (имеются особые питомники чернобурых лисиц, соболей и др. животных). Сообщения о работе даются корреспондентами газеты и иллюстрируются фотографиями, иногда очень недурно выходящими на страницах газеты. Кроме того мы находим в газете статьи, представляющие нужды и интересы военной команды на островах, статьи на политические темы, стихотворения, фельетоны, письма репортера (похождения Соловецкого репортера), библиографию и проч.

Что касается журнала „Соловецкие острова", то мы находим в нем более или менее обширные статьи беллетристического и научного содержания. Так, например, седьмой номер журнала, объемом в 126 страниц обычного журнального формата, содержит в себе следующие статьи: Цвибельфиш—На острове Анзере; Н. Литвина—На Баб-губе; Б. Емельянова—Из памятки преступлений; Софии Окерман — В строках и между строк; Б. Емельянова, Б. Евреинова, Б. Радо, Сидорова—стихи; Зорина—Соловецкий пожар 1923 г. (с чертеж.); А. А. Реммер-Работникова—В армии Бермондт Авалова (из воспоминаний); Б. Глубоковского—Путешествие из Москвы в Соловки; В. Смирнова — Криминологические этюды (к вопросу Соловецкой преступности); В. И. Массальского—Монастырь—приполярный промышленник; Подшувейта — сельское хозяйство в Карелии; А. И.—Что могут дать Соловки Карелии; Д. Н. Матвеева — Опытно-Культурные начинания сельхоза Соловков (с чертеж.);

М. Н.—Соловецкий био-сад и охрана дичи на островах Белого моря; Б. Кривош-Неманича—Весенний бюллетень 1926 г., Научные работники центра на Соловках; Н. Виноградова — Железные изделия Соловецкого монастыря (из старины). Книга журнала иллюстрирована на отдельных листах видом Соловков с моря, фотографией „Сторожевой башни", построенной в 1584 г., и др.

Оценка тех или других статей со стороны их содержания выходит за пределы нашей задачи отметить на страницах нашего журнала самый факт существования указанных в заголовке этой заметки периодических изданий на Соловках. И то и другое издание интересны и ценны дня нас с той криминологической точки зрения, которую мы подчеркивали в этой нашей заметке.

Мих. Гернет.

Наша Газета, периодический орган Псковского Губер. Исправ. Трудового дома, 1926 г. №№ 1—12.

Это небольшая по размерам, выпускаемая стеклографическим способом, газета, заслуживающая внимания по характеру своих статей. В большинстве случаев они произведение заключенных из общей уголовной массы, т. е. творчество авторов с очень небольшим образовательным уровнем. Все газетные статьи очень небольшого размера, иногда и не совсем гладко написанные, хотя, вероятно, и сглаженные рукою работников учебной части Испр. Труд. Дома. В этом непосредственном творчестве самих заключенных, которые сами же и составляют „редакционную коллегию" газеты, очень привлекательная сторона „Нашей Газеты". Темы соответствуют невысокому уровню массового читателя из обитателей Испр. Труд. Дома. Газета, однако, чутко отзывается на запросы жизни и ее текущие события. Так, мы находим, например, статьи, подготовляющие кампанию выборов „культурников" из числа заключенных, призывы отнестись сознательно к этим выборам, а затем и сетование газетки, что выборы прошли без должного внимания к кандидатурам, подчеркивание полной непригодности к культурной работе одного из избранных, известного, как завзятый картежник и проч. Параллельно с ростом внимания к борьбе с хулиганством на свободе, уделяется внимание борьбе с ним и в пределах самого дома заключения: этому посвящены и статейки и хроника. Как и во многих других местах заключения, газета уделяет место каррикатуре и сатире. Некоторые из каррикатур на большие и маленькие факты тюремной жизни и на обитателей дома совсем недурны, а иногда и прямо удачные. Мало кому известна эта сторона современных тюремных журналов и газет русских исправтруддомов и изоляторов, а он заслуживает внимания особого исследования. Отметим здесь кстати, что в музее криминологии и уголовной политики 1-го Моск. Госуд. Универ. составляется коллекция точных пересников рисунков заключенных из их стенных газет, журналов и вообще их периодических органов. Включая в себе в настоящее время уже много сот таких рисунков (частью в красках), она представляет выдающийся интерес для изучения как быта современных мест заключения, так и творчества самих заключенных.

Мих. Гернет.

Шейнис Л., доктор медицины и доктор юридических и экономических наук. Проблемы криминологии и социальной психологии. *Изд. З. Гржебина. Париж. 1926 г., 227 стр.*

14 ноября 1925 г. в Париже пал жертвою уличного движения доктор Лев Шейнис. Его имя мало известно молодым русским криминалистам, но знакомо пожилым и старым по нескольким его научным статьям, напечатанным в период начала девятисотых годов, по вопросам критики уголовно-антропологической школы и о самоубийствах. Меня связывали с покойным не только личное знакомство в период моей жизни в Париже (1903—1904 г.г.), но и общая работа в Высшей Школе Социальных Наук в Париже, основанной М. М. Ковалевским и Ю. С. Гамбаровым, где он читал курс лекций по уголовной антропологии и где его лекции всегда привлекали большую аудиторию из эмигрантской молодежи. Медик и юрист по образованию, чрезвычайно отзывчивый на научные запросы современности не только в медицинской и юридической области, но и в других, он был плодовитым и интересным научным работником. Для уяснения широты его научных интересов, нашедших себе лишь слабое отражение в рассматриваемом нами сборнике его статей, укажем название некоторых из его статей, печатавшихся в Русском Богатстве, Мире Божьем, Вестнике Воспитания, Правде, Вестнике и Библиотеке самообразования и др.: „Роль психического автоматизма в русском искусстве“ (Рус. Богат. 1900, сент.), „Буржуазная мораль для детского обихода“ (там же январь 1900 г.), „Верховная власть и Парламент в Италии“ (Вестник Знания № 11, 1905 г.), „Реформа суд. медиц. экспер. во Франции (Журн. Мин. Юст. 1900 г., январь), „Из области правовой детской психики“ (Вестник Воспитания, 1912 г., сент.), „Реформа в юридич. положении женщины во Франции“ (Союз женщин 1908 г., ноябрь) и др. Мы привели лишь несколько названий из многих десятков статей автора, не называя более сотни его медицинских работ на русском и французском языках, его переводов в издании Павленкова нескольких книг (наприм., Жида „Основы полит. экономии“ 1896 г.) и тех статей по криминологии и социальной психологии, которые составляют содержание рецензируемой нами книги.

К статьям по вопросам криминологии принадлежат в сборнике следующие:

1) Биологические и социальные факты преступности, 2) Ломброзо и его значение в эволюции криминологии, 3) Преступность, ее эволюция и социальное значение, 4) К психологии преступника. Но кроме этих статей вопросы криминологии затрагиваются автором и в других его статьях, как например: „К истории самоубийств“, „Эпидемические самоубийства“, „Из области правовой детской психики“. Автор сторонник социологической школы в науке уголовного права. Его статьи, написанные в самом начале девятисотых годов, носили тогда несомненную печать новизны. Ученый по складу своего ума и интересов, автор давал в своих статьях большой научный материал, используя главным образом иностранную литературу и поэтому статьи его не утеряли исторического интереса и в наши дни. Что же касается названных статей на темы о самоубийстве, то, принимая во внимание развитие самоубийств у нас в настоящее и последнее время, они имеют также интерес и современности.

Кроме названных статей в сборнике напечатаны статьи: „Художественное творчество и наука“, „К истории франц. молодежи и ее идеалистических мечтаний“, „Международное рабочее право“, „Псевдо-антропологические основы антисемитизма“. Сами заглавия говорят о разносторонности научных исканий автора. Старый эмигрант, социалист, позитивист он умел держать в своих руках очень разнообразную по своему составу аудиторию Высшей школы социальных наук

в Париже, заставляя ее без труда слушать свои лекции, глубокие по содержанию и изящные по форме. Нам думается, что эти лекции ныне покойного преподавателя перечтут вероятно многие из его бывших слушателей-эмигрантов, проживающие теперь в СССР, а вместе с ними и те другие читатели, которые интересуются затронутыми автором проблемами.

Мих. Гернет.

А. Е. Петрова. Психологическая классификация личностей. Элементарная методика психологического исследования. С предисловием проф. **П. Б. Ганнушкина.** *Изд. М. и С. Сабашниковых. 1926 г., 292 стр.*

Только что вышедшая книга психолога Психиатрической Клиники 1-го Моск. Гос. Университета и Гос. Института по изучению преступности и преступника *А. Е. Петровой* затрагивает один из самых волнующих современную науку вопросов о различных конституциях (типах) человеческих личностей. К изучению этого вопроса подходят две науки: психология, с одной стороны, психиатрия—с другой. Работавший в области психологии *А. Ф. Лазурский* посвятил всю жизнь выяснению типов человеческих личностей, но его классификация оказалась мало обоснованной, громоздкой и совершенно непригодной для целей изучения живых личностей, и оттого она не привилась ни в какой практике: ни в психологической, ни в психиатрической, ни в педагогической. Психиатрии посчастливилось в этом отношении не больше. Недавно появившаяся (в русском переводе 1924 г.) книга *Кречмера „Строение тела и характер"* намечает два главные типа человеческих личностей согласно их различной реакции на социальную среду: типы циклотимический (циклоиды) и шизотимический (шизоиды), при чем *Кречмер* подчеркивает, что при тонком анализе индивидуальностей все более и более расплываются границы между здоровьем и болезнью. Несмотря на ожесточенную критику книги *Кречмера*, его классификация заняла прочное место в психиатрическом обиходе и проникает даже в психологический.

Классификация автора в главных пунктах совпадает с классификацией *Кречмера* (хотя автор пришел к своей классификации независимо от *Кречмера*); в ней проводится психологический анализ намеченных *Кречмером* типов и даются дальнейшие дифференциации. Так, автор намечает три главные типа: конкретно-эмоциальный (психологическое обозначение циклотимического типа *Кречмера*), аффективно-абстрактный (шизотимический), третий тип (введенный автором)—интеллектуально-волевой и ряд промежуточных типов. В самой психологической терминологии автора заключается очищение нормальных типов от болезненных наслоений, присущих классификации *Кречмера*. Автор показывает, что „все типические особенности людей находятся в определенных отношениях друг к другу более близкого и более отдаленного родства, образуя в совокупности систему с характерным внутренним соотношением членов". Кроме того, автор вводит еще совершенно новый признак различения людей: по культурному уровню и развитию (примитивы и непримитивы). Примитив способен иметь уклон во все конституциональные различия, особенно резко выраженные на культурном фоне. Таким образом, получилась схема психологической классификации с четко вырисованными и легко обозримыми типами.

Центр работы заключается в методике, в которой даются нормы объективных признаков для учета реакций примитивов и лиц различных типов, при чем устанавливается соотношение психических функций, присущих определенно выраженным психическим конституциям.

Методике посвящена вся первая (большая) часть книги; во второй дается общая схема классификации и

в третьей (последней) делаются общие выводы и ставятся проблемы, связанные с вопросом о психических конституциях.

То новое, что дает автор в своей методической части, заключается, как указывает и он сам,—не в методах. Это методы *Бине, Штерна, Роршаха, Россолимо, Бурдона* и т. д. Пользуясь этими старыми методами исследования, автор—на основе опытных данных—делает новый подход к их применению и истолкованию. Обычно все эти методы употреблялись для установления лишь уровня умственной одаренности, так сказать, принималась во внимание только количественная сторона ответов. Автор впервые обратил внимание на качественную их сторону и показал, как люди различных конституций различно реагируют на один и тот же раздражитель и как единство их типа проявляется во всех психических функциях, что собственно и дало автору возможность говорить об определенных типах людей. Реакции отдельных типов во всей книге богато иллюстрированы примерами, взятыми главным образом из исследований над правонарушителями, и читатель получает определенное представление о каждом типе. Всю книгу проникает стремление разобрать личность со всех сторон, стараясь в разрезе всех функций выявить то единое, что и является личностью, а не выхватывать произвольно лишь отдельные моменты, чем грешат все системы исследований, как то *Бине, Россолимо, Пиорковского* и др.

Этот подход к личности, как целому, является именно тем научно-обоснованным методом, которого до сих пор не хватало психологам - практикам, при их совместной работе с представителями других дисциплин, как то социологов, психиатров, педагогов.

В частности для социологов и криминологов—при выяснении влияния социальной среды на преступника—данная классификация дает возможность учесть реакцию различных типов на одну и ту же среду.

М. Кононова.

Prof. Dr. Med. E. Riecke. Das Tatanierungswesen im heutigen Europa. Jena. Fischer. 1925. S. 40 u. 24 Tafeln.

Книга профессора *Рике*, снабженная 94 рисунками, является плодом многолетнего обследования и огромного (несколько сот татуированных лиц) собранного автором материала. К сожалению, автор не указывает определенно, где он собрал свой материал, и представляет читателю самому догадаться об этом: но судя по всему, можно с уверенностью сказать, что он был собран в больницах и среди непреступного населения, при чем автор сам сообщает, что больше всего он получил материала в Бельгии и во Франции во время войны; кроме того, он обследовал также и проституток в Средней Германии в специальных отделениях.

В своем труде автор дает описание сущности и биологии татуировки и опровергает весьма распространенное в научной литературе, с легкой руки Ломброзо, мнение, что татуировка является признаком моральной дефективности и атавизма и преимущественно свойственна прирожденным преступникам и прирожденным проституткам. Автор, опираясь на свое обследование и обследование Менгера в Берлине, утверждает, что число татуированных проституток далеко не достигает 10% констатированных Ломброзо; Так, согласно Менгеру, из 2448 обследованных проституток, только у 5 была найдена татуировка; более точных результатов своего обследования автор, к сожалению, не приводит. Также автор возражает Ломброзо и в отношении преступников, утверждая, что огромное большинство их татуируется в тюрьмах. Автор полагает, что современная татуировка, утратив

древний ритуальный характер, является результатом скуки, подражания, бравады, удобного случая и, вообще, носит характер игры. Тем не менее, она свидетельствует о более низком уровне духовного развития ее носителя и о некоторых свойствах его характера; так, она чаще встречается у лиц энергичных, предприимчивых, смелых, нежели у лиц слабых и трусливых; поэтому воины, моряки, а из обычных профессий: кучера, мясники, кузнецы, каменщики татуируются охотнее, нежели портные, музыканты и пр.

Только в одном случае автор соглашается с Ломброзо, говоря о непристойных рисунках на теле преступников и проституток, каковые, по его мнению, могут служить признаком морального извращения их носителей; но сейчас же оговаривается, что те же рисунки на теле непреступного человека не являют собою дурного признака и могут быть следствием минутного настроения, опьянения, уговора, тем более, что обычно они наносятся в период полового созревания, когда половое чувство особенно сильно.

Затем автор дает свою классификацию рисунков и особенное внимание уделяет профессиональным татуировкам, наносимым, по его мнению, из чувства цеховой солидарности и гордости своим ремеслом, и приводит целый ряд весьма интересных образцов. Среди профессиональных эмблем, интересной новинкой является сломанный аэроплан на груди летчика, а среди политических—советская звезда.

Среди приведенных им рисунков, из которых большинство исполнено чрезвычайно тщательно и изящно, имеются — профессиональные, религиозные, политические, военные, морские, цирковые, эротические, экзотические и пр.

Приветствуя необычный для врача социологический подход автора к теме, мы должны констатировать, что, к сожалению, автор не обработал статистически собранного им огромного материала и не подкрепляет своих положений цифровыми данными.

С. Укше.

R. Poincaré. Au Service de la France. Neuf années de souvenirs.—I. Le lendemain d'Agadir. P. 391.—II. Les Balcans en feu. P. 429.—III. L'Europe sous les armes. P. 367. Paris. 1926—Plon.

Временное удаление от активной политич. деятельности и желание ответить на выпады и разоблачения иностранных и домашних противников заставили Пуанкарэ собрать и выпустить в свет свои воспоминания о том периоде его деятельности, когда он, сначала в качестве премьер-министра, а потом президента республики, руководил судьбами Франции и принимал деятельное участие и в мировой политике (1912—1921). Трудно сказать, на сколько томов растянется эта его работа, носящая довольно претенциозное заглавие „На службе Франции". Пока вышли три первые тома, посвященные 1912 и 1913 г. Представляя переработку первоначального дневника, мемуары Пуанкарэ местами носят характер личных воспоминаний, местами превращаются в настоящее историч. исследование. Обладая крупным литературным талантом, Пуанкарэ умеет своему рассказу придать временами особую экспрессию. Те главы, где он повествует о своем посещении Петербурга и Москвы в 1912 г., или где он рассказывает о выборах президента в 1913 г.,—являются своего рода художественными шедеврами. Настоящим историком Пуанкарэ нельзя назвать. Стремление во что бы то ни стало обелить себя и свою родину от ответственности за мировую войну и возложить ее целиком на Германию и ее правительство не всегда делает его объективным изобразителем прошлого. Его бесконечные заявления о миролюбии Франции способны лишь утомить и раздражать читателя. Его сожаления об утраченном покое со

времени переезда в Елисейский дворец и о тягостях официальных приемов и церемоний плохо вяжутся с его ясно выраженным честолюбием и властолюбием. Его неприязнь к политическим недругам, в роде русского посла Извольского, временами чересчур мелочна, напр., его насмешки над тучностью Извольского и его моноклем.

Но все эти недостатки не мешают труду Пуанкарэ занять видное место среди новинок мемуарной литературы. Мемуары Пуанкаре сообщат историку-международнику очень много нового и интересного по истории итало-турецкой войны, балканских войн 1912 и 1913 г., по истории укрепления англо-французского согласия, высвобождения Италии из-под цепей тройственного союза, образование новых политич. группировок в Европе после балканского кризиса 1912—13 г. и особенно по подготовке мировой войны [1]). Мемуары Пуанкарэ живо и естественно изображают надвигающийся пожар—увеличение состава немецкой армии и флота, рост пангерманизма, вызывающий напор Австрии на Сербию, угрожающие речи имп. Вильгельма и выходки прусского офицерства, ответом на что были вооружения России и Франции, укрепление сердечного согласия, искание Францией новых союзов и гарантий (напр., визит испанского короля в Париж в 1913 г. дал возможность обеспечить дружественный нейтралитет Испании в предстоящей войне Франции с Германией). Многочисленные официальные публикации и воспоминания политич. деятелей, появившиеся в печати за последние годы, помогли Пуанкарэ уяснить многое в слухах и разговорах, когда-то казавшихся странными и загадочными. Собственные наблюдения, корреспонденция и беседы со многими государственными деятелями дали ему изобильный материал. Нередко приводимые им новые подробности придают особую свежесть уже известным фактам. Какой драматичностью веет от рассказа Пуанкарэ о разоблачениях Джолитти и Титтони на счет намерений Австрии в 1913 г., о докладе Людендорфа с планом нападения на Францию от 19 марта того же года, о беседе бельгийского короля с Вильгельмом, открывшим ему секрет нападения на Францию и т. д.

Историк внутренней жизни Франции найдет у Пуанкарэ не мало любопытного относительно финансов, парламентской и партийной жизни, рабочего движения и т. п.—Для историка России мемуары Пуанкарэ дадут ряд любопытных характеристик русских государственных деятелей недавнего прошлого, начиная с царя и великих князей и ценных наблюдений над русской жизнью и особенно русской иностранной политикой. Непрочность франко-русского союза Пуанкарэ изображает с особенной яркостью: в распоряжениях русского правительства нет ни согласованности, ни последовательности; отдельные послы ведут какую-то личную политику; с союзными державами нет никакого контакта; постоянные заигрывания с Берлином, заставляющие Париж с каким-то ужасом смотреть на всякий визит царя в Германию или германского императора в Россию и т. п.

Н. И. Радциг.

---

[1]) Перу Пуанкарэ принадлежит книжка „Происхождение мировой войны", русск. пер. изд. „Мир" М. 1924 г.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

О китайских тюрьмах.

(The First Peking Prison By Chen chi. Peking. 1916).

Брошюра „Первая Пекинская тюрьма" содержит историю этой тюрьмы с момента ее возникновения в 1909 г., ее структуру и внутренний распорядок. Попутно автор—китаец по происхождению—затрагивает общее положение тюремного дела в Китае, находившегося в ужасном состоянии почти до самого последнего времени. Тюрьмы недаром назывались адом—они были темны и антисанитарны, обращение с заключенными было самое варварское, т. ч. китайская тюремная администрация стала притчей во языцех во всем цивилизованном мире. Заключенные умирали в тюрьмах массами от пыток и лишений, т. ч. ежегодное количество казненных не достигало и половины умиравших от жестокого тюремного режима. И эта система существовала столетиями. Автор видит три причины такой отсталости Китая от других цивилизованных стран, а именно: во-первых, в традиционной идее высокого звания чиновника, смотревшего с презрением на народ, а так как в тюрьмы обыкновенно попадали низшие классы общества, то думать об улучшении их положения считалось не только не нужным, но даже унизительным для китайского чиновничества; пока существовал такой взгляд, о тюремных реформах не могло быть и речи. Вторая причина—это образ правления: в Китае в продолжении 4 тысяч лет существовала преемственная монархия, покоившаяся на угнетении народа и считавшая необходимой принадлежностью правильного функционирования власти наложение суровой кары на преступников, что также не располагало к проведению тюремных реформ. Наконец, третья причина—это отсутствие средств и опытных в тюремном деле людей, что делало невоможным немедленное введение тюремной реформы даже и тогда, когда она была официально признана в конце последнего царствования.

Китай, хотя и был допущен к работам международной тюремной конференции (впервые в 1890 г.), тем не менее мог приступить к тюремным реформам лишь с 1903 г., когда был окончательно осужден прежний тюремный режим, состоявший в одном заключении без малейшей заботы об исправлении и моральном воздействии на преступников. С этого времени стали возникать индустриальные учреждения для заключенных, хотя еще и не вполне современного типа. В министерстве юстиции были произведены некоторые реформы—был учрежден специальный тюремный департамент. В Пекинском университете была введена кафедра тюрьмоведения, увеличилось число лиц, кончивших японские специальные тюремные школы. В 1909 г. министр юстиции подал императору петицию о постройке Пекинской образцовой тюрьмы, которая и была начата в этом году. В следующем году был издан приказ об организации во всех провинциях специального тюремного образования для подготовки специалистов в этой области. Этот период автор называет подготовительным. Всего он различает три периода: 2-й—между вторым и третьим годом республики—период введения тюремных реформ и 3-й—начинающийся с третьего года республики—период прогресса.

Во второй год республики министр юстиции—человек очень опытный в тюремном деле, член международной тюремной конференции—представил президенту проект тюремной реформы для немедленного ее проведения. В проекте говорится о необходимости поставить китайские тюрьмы и тюремную администрацию на одном уровне

с западно-европейскими, т. к. иначе западные государства отказываются быть с Китаем на равной ноге и требуют экстерриториальной юрисдикции для своих подданных, что унизительно для Китая. В проекте говорится о необходимости постройки во всех провинциях тюрем по образцу Пекинской, об устранении скученности в тюремных камерах и введении системы одиночного заключения, об организации тюремных работ на принципе самоокупаемости тюрем и пр. Открытие Пекинской Образцовой тюрьмы в 1912г. положило начало новой тюремной системе в Китае. Весной следующего (1913 г.) министерство юстиции обязало каждую провинцию послать двух студентов тюремно-правовой школы для прохождения практического стажа в этой тюрьме, в виду необходимости подготовки опытных служащих в этой отрасли и проведения однотипной тюремной системы по всей стране.

В третий год республики министр юстиции, опытный юрист, бывший председателем верховного суда в Пекине, изучавший за границей современную тюремную систему, поставил китайскую тюремную администрацию на должную высоту. При нем Пекинская образцовая тюрьма была переименована в Первую Пекинскую тюрьму в отличие от второй Пекинской тюрьмы—старой, перестроенной на новый лад. Другая старая тюрьма была превращена в отделение при первой Пекинской тюрьме. Таким образом, тюремное дело в столице было поставлено вполне удовлетворительно. В провинциях было также заново организовано по две, по четыре тюрьмы. Автор приводит расход на организацию всех этих тюрем в среднем до 200 тыс. ф. на каждую.

В конце года были кодифицированы тюремные статуты. В следующем году были посланы тюремные комиссары для инспекции провинциальных тюрем и организована в Пекине выставка работ заключенных, а также был созван съезд начальников тюрем для обсуждения необходимых мер дальнейшего улучшения постановки тюремного дела и унификации китайской тюремной системы. „В настоящее время, говорит автор, система быстро развивается и ей предстоит блестящее будущее".

Далее автор дает подробное описание первой Пекинской тюрьмы. Из него видно, как возникла и развивалась эта тюрьма, служащая образцом для всех китайских тюрем. Она построена на старом поле, служившем раньше военным плацом—место выбрано не совсем удачно—оно самое низкое в столице и окружено болотом, т. ч. потом были приняты меры к его осушению и переустройству камер. В эту тюрьму принимаются только осужденные к заключению — присужденные к смерти и другим наказаниям сюда не принимаются, также как и лица с заразными заболеваниями. При приеме производится медицинский осмотр, фотографирование и измерение заключенных, а также регистрация их и затем распределение их по камерам. К концу 1-го года республики было принято 244 человека, во второй год еще 210 и к концу 3-го года всего было 642 человека. Автор приводит количественное распределение заключенных по роду преступлений и возрасту; больше всего грабителей (207) и воров (134), убийц—74. По возрасту большее число от 25 до 30 лет (229 ч.). К концу 3-го года было принято 40 женщин-преступниц, которым, за неимением отдельного помещения, отвели несколько камер в госпитале. Позднее им был выстроен отдельный корпус силами заключенных. В административном отношении тюрьма распадается на 3 департамента, ведающих различными отраслями. Тюремные служащие принимаются со строгим разбором по конкурсу и их обязанности точно определены, при чем им вменяется в обязанность серьезное и внимательное отношение к заключенным. Постановка работ в Пекинской тюрьме не вполне удовлетворительна главным образом из-за недостатка средств, мешающего оборудованию достаточного количества рабочих помещений—(всего 8 рабочих комнат, вмещающих 250 человек), так что часть заключенных осуждена на бездействие (около 150 чел.). В Пе-

кинской тюрьме введено 9 родов работ: ткачество, печатание, шитье, сапожное мастерство, плотничное, выделка бамбуковых изделий, металло-литейное, прачечное и земледелие. Большая часть предметов в тюрьме сделана самими заключенными. Лучше всего поставлено печатное дело и выделка бамбуковых изделий—это единственные отделы, где спрос превышает предложение и приносит значительную прибыль. В общем же тюремные изделия не находят большого сбыта. Работа распределяется между заключенными соответственно возрасту, наказанию, классу, профессии и физической силе. Неквалифицированные рабочие употребляются как каменщики, прачки, повара, сиделки, кули и парикмахеры—все они обслуживают тюрьму и заключенных. Оплата труда заключенных очень низка—от 1 до 6 медных центов поденно или поштучно. Заключенные работают также вне тюрьмы. План такого рода работ был проведен не сразу, и лишь с 1914 г. начались перевозочные и построечные работы, которые потом значительно развились. Что касается земледельческих работ, то за неимением земли они ограничены возделыванием тюремного поля. На внетюремные работы заключенные назначаются начальником тюрьмы с последующим докладом об этом министру юстиции. Если их количество недостаточно для исполнения работ, то к ним присоединяются заключенные из других пекинских тюрем той же специальности. Работы ведутся под руководством инструктора и под строгим надзором тюремных служащих, ответственных за выполнение работ. Оплата—15 центов в день, из них 2 цента выплачиваются наличными, остальное вносится в депозит министерства юстиции. На внетюремные работы назначаются лица, приговоренные на срок менее 1 года, или же те, чей срок истекает менее чем через 4 месяца. Они должны выходить на работу в особых арестантских шапках и со связанными руками. Для заключенных, работающих вне тюрьмы, установлены определенные весьма строгие правила, нарушение которых влечет за собой телесное наказание.

В общем работы заключенных в Пекинской тюрьме мало прибыльны, что видно из приведенных автором статистических приходных и расходных таблиц.

Тюремный режим основан на принципе поднятия морального и умственного уровня преступников Обращено также внимание и на физическое воспитание. Пытки, практиковавшиеся в старых тюрьмах, отменены окончательно и за заключенными установлен только один надзор. В санитарном и гигиеническом отношении тюрьма поставлена удовлетворительно Медицинский обзор обязателен при приеме и оставлении тюрьмы, а также каждые три месяца.

Свидания происходят 1 раз в месяц с родными (только в случаях крайней необходимости — с посторонними) в присутствии надзирателей, а переписка лишь с родными (с посторонними можно переписываться лишь в тех случаях, когда администрация признает это необходимым). Вся переписка проходит через руки администрации.

За каждым заключенным установлено наблюдение—оно идет по линии оценки его морального и умственного воспитания, его работоспособности, отношения к тюремной администрации, к другим заключенным, к родным и друзьям, а также учитывается его заботливое отношение к предметам обихода и рабочим инструментам. Эти наблюдения вписываются в особую книгу, имеющуюся во всех рабочих комнатах. К концу 6 мес. начальник 2-го департамента собирает их и подает начальнику тюрьмы, и на собрании в присутствии начальников всех департаментов тюрьмы, главного смотрителя, доктора и учителей, под председательством начальника тюрьмы обсуждается поведение каждого заключенного и соответственно с ним назначается та или иная награда или наказание. Награды состоят в ежемесячном свидании с родными и переписке 2 раза в месяц, в праве иметь свои письменные принадлежности и белье и читать собственные книги, в ежедневной прибавке к заработку 6 центов и в прибавке 2-х или 3-х

блюд каждые 10 дней. Несовершеннолетним (моложе 18 л), помимо всего перечисленного, даются письменные принадлежности. Лицам, открывшим побег, поймавшим бежавшего или спасшим чью-либо жизнь, а также выказавшим особые заслуги в минуту опасности—дается 50 центов.

Наказания, применяемые в Пекинской тюрьме следующие: выговор, лишение некоторых привилегий (как свидания с родными в течение 3-х месяцев и корреспонденции, чтения и ношения своего белья), урезывание денежного вознаграждения или полное его упразднение, уменьшение пайка и заключение в отдельную камеру не более как на 7 дней. К несовершеннолетним последние 2 наказания не применяются.

В последней главе автор говорит об освобождении до и по истечении срока и приводит первые случаи освобождения, проведенные Пекинской тюрьмой. По освобождении организован надзор за освобожденными, результаты которого были весьма благоприятны.

В заключение автор говорит, что постановка первой Пекинской тюрьмы вполне удовлетворительна — только еще не проведено отделение несовершеннолетних от взрослых и не совершенна система отдельных камер—около $^3/_4$ камер отведено под большое количество заключенных. Когда эти недостатки будут устранены, то, по мнению автора, Пекинская тюрьма станет лучшей не только в Китае, но и в целом свете (!).

В общем статья представляет интерес в смысле ознакомления с проведением тюремной реформы в Китае и дает картину состояния 1-й Пекинской тюрьмы.

Ю. Падерина.

Международное обозрение по теории права. Год 1-й 1926/1927.

Revue internationale de la théorie du droit. Année 1-re 1926/27. Cahier 1. Brno

Нужно всячески приветствовать появление международного журнала теории права, издающегося под руководством таких крупных ученых, как *Г. Кельсен, Л. Дюги и Ф. Вейер*. „В конце концов — совершенно правильно указывается в передовой статье рецензируемого номера—мы имеем достаточное количество периодических изданий, посвященных разработке отдельных отраслей национального права, но чрезвычайно редки журналы, в которых бы специально разрабатывались обще-юридические проблемы А между тем эти проблемы в настоящее время должны привлекать к себе усиленное внимание“. С целью устранить указанный пробел и издается данный журнал. Он должен выходить четыре раза в год, книжками по сто страниц в каждой. Редактором его является профессор Брюннского университета Седлачек.

Задачей журнала является не морализирование над теми или иными правовыми нормами, не оценка их, а выяснение общих предпосылок юриспруденции. „Не философией права, а теорией права будем мы заниматься“ —говорится в передовой статье от редакции.

Статьи печатаются на немецком, французском и итальянском языках.

Первый номер открывается очень интересной статьей крайнего представителя современного кантианского нормативизма в государствоведении знаменитого венского профессора Ганса Кельсена „О существе государства“. („Das Wesen des Staates“). В этой новой своей работе Кельсен сжато и отчетливо излагает основные взгляды на право и государство той школы, которую он представляет. Государство — говорит он —это не что иное, как только регулируемый правом порядок отношений между людьми. Кроме этого правового порядка нет в государстве ничего. Не отдельные люди и не вещи, не чиновники и здания составляют государства, а только правовая связь между людьми. Поэтому

там, где нет права — нет и государства. Самая проблема о соотношении между правом и государством, проблема вызывающая большие споры в современной юридической литературе, является с точки зрения Кельсена в корне ложной, т. к., по его мнению, право и государство это одно и то же, это — две стороны, два аспекта одного и того же явления.

В этом воззрении теория правового государства получила наиболее последовательное свое выражение. В отличие от других апологетов правового государства, как, напр., голландского профессора Краббе,—автор книги „Суверенитет права", — Кельсен не привносит в свои исследования никакого моралистического элемента. Он подходит к вопросам формально логически и стремится все государство растворить в юридических формах.

Однако, эти попытки встречают серьезные возражения, которые выставляются и на страницах рецензируемого журнала в следующих статьях, к рассмотрению которых мы теперь и перейдем.

В противоположность Кельсену известный французский (Бордоский) профессор Дюги стремится обосновать идею правового государства социологически. Изложению его взглядов посвящена статья проф. Боннара— „Доктрина Дюги о праве и государстве". Дюги решительный противник всяких туманных абстракций, всякой метафизики. Л. Дюги хочет все обосновать на фактах и утверждает реальность общества в виду естественно необходимого минимума социальной солидарности между людьми. Общество создает известный порядок взаимоотношений своих членов, известное право. Государство есть тоже явление общественное. Но общество и его правопорядок шире государства и правопорядка этого последнего. Поэтому государство ограничено существующим в данном обществе правопорядком. Но с другой стороны, государство само творит право. Право, как совокупность юридических норм, санкционированных властью, должно быть основано на государстве. Первое право является правом объективным. Второе—позитивным.

Как эмпирист кантовец Дюги является противником волюнтаризма в юриспруденции. Право это—не предоставленная и ограниченная сфера свободы и проявления воли субъекта, а определенная в общественных интересах функция, которую должен исполнять член целого. Поэтому Дюги сливает частное право с публичным. Понятие субъективного права можно основать только на идее личности, а последнюю только на внутреннем, психологическом, интроспективном опыте. Во внешнем эмпирическом опыте личность не постигаема. Поэтому с точки зрения контизма отрицается психология. Поэтому же отрицается и понятие субъективных прав.

Отрицание субъективных прав государства, вместе с учением об ограничении государства правом, приводит к отрицанию понятия суверенитета, понятия, которое до сих пор рассматривалось, как основное в государственном праве.

Если Кельсен пытается обосновать идею правового государства трансцендентально-логически, если он является представителем рационалистического позитивизма в юриспруденции, если, с другой стороны, Дюги стремится обосновать юриспруденцию эмпирически, является представителем т. н. опытного позитивизма, то третий автор рецензируемого журнала профессор Люблинского (в Юго-Славии) университета Леонид Питамик в статье „Les déformations du raisonnement, sources d'erreurs dans les théories de l'Etat" стремится стать на синтетическую точку зрения. Он полагает, что все трудности, которые до сих пор не может окончательно преодолеть современная юриспруденция, вытекают из стремления изучать право таким же образом, как естествознание изучает материальные предметы, то-есть аналитически. Государствоведы и цивилисты, уголовники и международники, все хотят разложить изучаемое ими на элементы, а между тем эти элементы не могут быть об-

особлены друг от друга. Общество есть прежде всего совокупность координаций, связей. Поэтому синтетический, а не аналитический метод должен быть положен в основу изучения общественных явлений. Ни одно явление общественной жизни не может быть осмысленно вне связи с другими явлениями, каждое из них предполагает другое, как каждое слово в фразе предполагает другое слово. Нельзя понять фразу—анализируя слова каждое в отдельности, вне связи их друг с другом. Нельзя понять права вне связи его с государством и, наоборот... Отдельные элементы государства—территорию, население, власть нельзя понять в отрыве как друг от друга, так и от идеи права. Подобно тому как смысл слова меняется в зависимости от того, в ряду каких других слов оно стоит, так и каждое юридическое понятие получает тот или иной смысл в зависимости от того, в ряду каких других понятий оно находится.

Проф. Питамик поэтому считает неправильным и односторонним нормативизм Кельсена, но, с другой стороны, он не может согласиться и с крайними социологистами. Нельзя государство растворять в праве, т. к. право меняется, меняются даже конституции, а государство остается тем же самым государством, но нельзя государство считать чем-то отличным от права, чем-то основывающим право, т. к. оно само основывается на праве. Только в гармоническом сочетании разных начал, в их согласовании друг с другом видит он выход из положения.

Из остальных статей рецензируемого сборника отметим La Giurisprudenza pura e i suoi limiti (Чистая юриспруденция и ее границы) профессора Палермского университета Джузеппе Маджиоре, где обосновывается необходимость чистой юриспруденции, статью профессора Пизанского университета Венченцо Мичели „La personalità dello stato“ (Персонализм государства) и профессора Брюннского университета Франсуа Вейера La question de la délégation de puissance législative (Вопрос о делегации законодательной власти),

Журнал безусловно очень интересен, т. к. в нем отражается борьба основных направлений западно-европейской мысли. Для нас же он особенно ценен, т. к. в СССР при обилии журналов, посвященных разработке конкретных, прикладных вопросов права, нет ни одного, где можно было бы специально трактовать проблемы философии права.

А. М. Ладыженский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
I.	**Л. И. Фишман.** Приобретательная давность	3
II.	Проф. **Б. Б. Черепахин.** Исковая давность по действующему советскому железнодорожному праву	13
III.	**Б. И. Гомберг.** Гражданская ответственность без вины в отношениях внедоговорных по Гражд. Кодексу	23
IV.	**П. С. Эйбушитц.** К проекту постановления о государств. торговых предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (торгах)	38
V.	Вопросы цивилистики. **В. С. Малченко.** Иск о прекращении кооперации	46
VI.	**В. П. Голубев.** Правовые вопросы ледкампании 1925-26 г. в Ленинградском торговом порту	48
VII.	**Б. В. Иванов.** К пересмотру Гербового Устава	54
VIII.	**В. И. Куфаев.** Детское право, его предмет и объем	59
IX.	Проф. **Н. Н. Полянский.** Задачи уголовного правосудия по „Основам судоустройства СССР"	65
X.	Проф. **М. А. Чельцов-Бебутов.** Наша карательная политика и борьба с хулиганством	75
XI.	**Х. М. Чарыхов.** Реформа австрийского законодательства в отношении малолетних и несовершен. правонарушителей	89
XII.	**Д. П. Родин.** Из данных о современной проституции (Брачное положение)	100
XIII.	Проф. **Н. А. Захаров.** Шестой международный Конгресс по борьбе с торгом женщинами и детьми	102
XIV.	Академическая хроника. **А. Д.** Юридический факультет Киевского Института Народн. Хозяйства	111
	Из деятельности Московского Судебно-Медицинского Общества	112
XV.	**М. Н. Гернет.** В. К. Случевский. (Некролог)	113
XVI.	Библиография. **А. А. Рождественский.** Die juristische Literatur der Sowjet-Union. **И. Б. Новицкий.** И. И. Евтихиев и С. А. Тиняков. Законодательство о городских землях. Сборник узаконений, инструкций, циркуляров и разъяснений ведомств, с объяснительными замечаниями. Юрид. Изд. НКЮ. М. 1926. **М. Н. Гернет** 1. „Новые Соловки", еженедельн. газета на о. Соловках, 1926. 2. „Соловецкие Острова". Ежемесячн. журн. — орган Управл. Соловецкими лагерями особого назначения. 1926. 3. „Наша Газета", период. орган Псковского Губ. Испр. Труд. Дома. 1926. № № 1-12. **М. Н. Гернет.** Шейнис, Л. Проблемы криминологии и социальной	

психологии. Изд. 3-е. Гржебина. Париж. 1926. **М. Кононова.** А. Е. Петрова. Психологическая классификация личностей. Элементарная методика психологического исследования. С предисл. проф. П. Б. Ганнушкина Изд. М. и С. Сабашниковых. 1926. **С. А. Укше.** Prof. D-r Med. E. Riecke. Das Tatanierungswesen im heutigen Europa. Jena. Fischer. 1925. **Н. И. Радциг.** R. Poincaré. Au service de la France. Neuf années de souvenirs. I. Le lendemain d'Agadir. II. Les Balcans en feu. III. L'Europe sous les armes.—Paris. 1926. Plon . 116

XVII. Из иностранной жизни и литературы. **Ю. А. Падерина.** О китайских тюрьмах. (The First Peking Prison By Chen chi. 1916). **А. М. Ладыженский.** Revue internationale de la théorie du droit. Année I-re (1926-27). Cahier I. Brno . . 126

Ответств. редактор проф. **А. М. Винавер.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5-й год издания **„ВОПРОСЫ ТРУДА“** 5-й год издания

Тел. редакции: 5-11-00; Изд-ва: 4-11-12. Под редакцией А. М. Стопани.

посвященный вопросам охраны труда, рынка труда, тарифной политики, социального страхования, профдвижения, конфликтной работы, трудового права, научной организации труда, жилищного рабочего строительства и другим вопросам, связанным с деятельностью НКТ и его местных органов.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Аникст А. М., Бахутов А. М., Войтинский И. С., Герман Л. И., Гиндин Я. И., проф. Данилова Е. Н., Джиджадзе А., проф. Догадов В., Догадов А. И., Жаров С., Жемчужникова М. Н., Заводовский П. И., Исаев А., Каминская П., Каплун С. И., Кац Б. (Вена), Кузятин В. Д., Кусиков А. (Грузия), Левитов Н., Лернер Е., Лозовский А. С., Ломтатидзе Е., Лях А. Ф., Том Манн, Маркус Б., Мезенцев (Украина), Милютин Б., Немченко Л., Нин А., Ноа Ф., Новиков В., Овсянников В., Поволоцкий Л., Прохаско В. (Чехо-Словакия), Рабинович-Захарин С., Резников И. Г., Робинсон С. Г., Рудаков М., Саид-Али-Ходжаев (Узбекистан), Сафонов Ф. В., Стопани А. М., Струмилин С. Г., Томский М. П., Троицкий И., Файнгольд В., Фалькнер-Смит М. Н., Хлебников Д., Шляпников А. Г., Шмидт В. В., Шпильрейн И. Н. и др.

	На 1 год	На 1/2 года	На 1/4 года
Подписная цена по СССР:	12 руб.	6 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Подписная цена за границу:	7,5 С.-А. дол.	4 дол.	2,5 долл.

Цена отдельного номера 1 руб. 25 коп.

Подписку и объявления направлять Издательству **„Вопросы Труда“**: Москва „Центр“, Старая площ., 6, или его Отделениям и Агентствам во всех областных и губернских городах СССР.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1927 год

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД“

ОРГАН МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО СУДА. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

Выходит под редакцией т.т.: **А. СТЕЛЬМАХОВИЧА, Г. СЕГАЛА, И. СТАНКОВА.**

„ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД“—орган судебной политики и практики Суда. Журналу придан строго производственный характер. Изложение вполне доступно для широкого читателя. „ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД“ является ценным правовым пособием для работников мест и народных заседателей, нужным руководством для фабзавкомов, жилтовариществ, хозяйственных, профессиональных и прочих учреждений. В журнале регулярно печатаются циркуляры Наркомюста, постановления Пленума Верховного Суда РСФСР, отчеты о пленумах Губсуда, циркуляры и инструкции, освещается кассационная деятельность, регулярные обзоры текущего законодательства и даются ответы подписчикам по всем вопросам права. „ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД“ имеет постоянные отделы: „Суд и Жизнь“, где даются литературные обзоры показательных процессов и наиболее интересных дел, и отдел „Жизнь Суда“, посвященный организационной деятельности Московского Губернского Суда в области рационализации работы. Имеется библиография и справочный отдел.

ГОДОВЫМ ПОДПИСЧИКАМ „ПРОЛЕТАРСКОГО СУДА“ ВЫСЫЛАЕТСЯ ДВА БЕСПЛАТНЫХ ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Разработанные программы и конспекты для работы с нарзаседателями и для бесед по пропаганде советского права.

2. „Трудовые конфликты“—брошюра Э. Андерсона, 2-е издание, 1927 года, исправленное и дополненное.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—**10** руб., на 6 мес.—**5** руб. **50** коп., на 3 мес.—**3** руб. Для судебных работников—на год—**8** руб., на 6 мес.—**4** р. **50** к., на 3 мес.—**2** р. **50** к.

Требования на подписку и деньги направлять в Издат. „ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД“: **Москва, Тверской бульвар, 18.** Телеф.: 1-86-86, 2-18-64, 1-82-19; добав. 37. По получении письм. заказа Изд. „ПРОЛЕТ. СУД“ высылает журнал и наложенным плат.

1927 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 192

на двухнедельные журналы:

„РАБОЧИЙ СУД“.

Орган Ленинградского Губернского Суда.

24 книги—5-й год издания—1000 страниц.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 10 руб., на полгода 5 руб. с дост. и перес.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:

годовым подписчикам: при подписке 5 руб., 1-го мая—3 руб., 1 сентября—2 руб. полугодовым подписчикам: при подписке 3 р., 1 апр.—2 р. годовым подписчикам на 1927 г., внесшим подписную плату единовременно или в указан. сроки—

БЕСПЛАТНАЯ ПРЕМИЯ НА СУММУ ДВА РУБЛЯ.

(Премия высылается тотчас по получении полной годовой платы).

В премию входят по выбору подписчика:

Кодексы РСФСР (в новом издании—1927 года) или другие издания **„Рабочего Суда“** (из перечня названий, помещенных ниже и на подписных квитанциях).

Подписавшимся сразу на 10 годовых экземпляров „Рабочего Суда“ и внесшим единовременно плату полностью высылается БЕСПЛАТНЫЙ 11-й экземпляр журнала.

24 номера с иллюстрац. в красках.

„СУД ИДЕТ!“

4-й год издания.

Особое приложение к журналу „РАБОЧИЙ СУД“.

„СУД ИДЕТ!“ единственный в СССР журнал по своему характеру и по своим задачам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 5 руб. на полгода 2 р. 50 к. с дост. и перес.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:

годовым подписчикам при подписке половина, 1-го июля остальная сумма; полугодовым подписчикам при подписке 1 р. 50 к., 1-го апреля 1 р. годовым подписчикам журнала „СУД ИДЕТ!“ на 1927 г., внесшим подписную и сумму единовременно или в указанные сроки

БЕСПЛАТНАЯ ПРЕМИЯ НА СУММУ ОДИН РУБЛЬ.

(Премия высылается тотчас по получении полной годовой платы).

В премию входят по выбору подписчика:

Кодексы РСФСР (в новом издании 1927 года) или другие издания **„Рабочего Суда“** (из перечня названий, помещенных ниже и на подписных квитанциях).

Подписавшиеся сразу на 10 годовых экземпляров „Суд Идет!“ и внесшим единовременно плату полностью высылается БЕСПЛАТНЫЙ 11-й экземпляр журнала.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(ПО ВЫБОРУ ПОДПИСЧИКА)

К. ж. „РАБОЧИЙ СУД“:

КОМПЛЕКТ № 1.

Гражданский Кодекс	90 коп.
Гражданско-Процессуальный Кодекс	50 „
Закон об актах Гражданского состояния	40 „
Ветеринарный устав	20 „
	2 руб.

КОМПЛЕКТ № 2.

Уголовный Кодекс	60 коп.
Уголовно-процессуальный Кодекс	40 „
Исправительно-Трудовой Кодекс	30 „
Закон об обязательной военной службе	40 „
Положение о судоустройстве	30 „
	2 руб.

КОМПЛЕКТ № 3.

Озолин, Я. Г. Справочник для Волисполкомов и Сельсоветов по засвид. сделок, договоров и документов	40 коп.
Надеждин, В. А. Судебная медицина в вопросах и ответах	60 „
Положение об арбитражных комиссиях и правила производства дел в арбитражных комиссиях	30 „
Цингерле, Г. Социально-опасные действия душевно-больных и их значение в судебной практике	40 „
Гусаков, Л. А. Аборт (издан. автора)	35 „
Вм.	2 р. 05 к. 2 руб.

К. ж. „СУД ИДЕТ!“.

КОМПЛЕКТ № 4.

Земельный Кодекс	50 коп.
Лесной Кодекс	30 „
Ветеринарный устав	20 „
	1 руб.

КОМПЛЕКТ № 5.

Уголовный Кодекс	60 коп.
Кодекс законов об актах гражданского состояния	40 „
	1 руб.

КОМПЛЕКТ № 6.

Озолин, Я. Г. Справочник для Волисполкомов и Сельсоветов по засвид. сделок, договоров и документов	40 коп.
Надеждин, В. А. Судебная медицина в вопросах и ответах	60 „
	1 руб.

КОМПЛЕКТ № 7.

Цингерле, Г. Социально-опасные действия душевно-больных	40 коп.
Гусаков, Л. А. Аборт (издан. автора)	35 „
Положение об арбитражных комиссиях и правила производства дел в арбитражных комиссиях	30 „
Вм.	1 р. 05 к. 1 руб.

Все Кодексы издания 1927 г. с новыми изменениями и дополнениями и снабжены алфавитно-предметными указателями.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1927 год.

НА ЖУРНАЛ

„ЖИЛИЩНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО—ЖИЛИЩЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО“.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОРГАН:

Московского Управления Недвижимыми Имуществами (МУНИ), Московского Губернского Бюро Союза Жилищных Товариществ, Жил.-Строительного Комитета при Президиуме Моссовета РК и КД, Московского Губернского Союза Жил.-Строит. Кооперативов.

Под Редакцией: **Н. Ф. Попова-Сибиряка, И. И. Матвеева, С. Ф. Стойлякова, В. Б. Жейца и И. Е. Столярова.**

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Общим количеством в 7 печатных листов в месяц.

ЖУРНАЛ ПОДРАЗДЕЛЯЕТСЯ НА СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

Орготдел. Право, Жилищное строительство. Техническая помощь, Счетоводство, По городам СССР, Заграничный отдел, По Союзам Жил. Т-в, Официальный отдел. Уездный отдел. Хроника, Нам пишут, Жилище и Суд, Консультация МУНИ, Справочник домоуправлений, Цены.

В журнале периодически даются теоретические проработки научного характера по вопросам жилищной экономики, жилищного строительства, права и рационализации жилищного хозяйства.

Журнал дает практические разъяснения по всем вопросам, вытекающим из жилищной практики.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Через специально командируемых сотрудников, а также непосредственно в помещении издательства (Неглинная ул., д. 8/4, Тел. 4-86-13), или почтовыми переводами.

ЦЕНА ПОДПИСКИ

1 экз. { 1 год —10 рублей. ½ года — 6 „ } Комплект в 2 экз. { 1 год —15 руб. ½ года — 8 „ }

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1927 год.

„ТРАНСПОРТНУЮ ГАЗЕТУ“

ОРГАН НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ всесторонне освещает деятельность всех видов транспорта СССР и знакомит читателя со всеми достижениями техники и экономики транспорта как у нас, так и за границей.

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ дает все необходимые справки и разъяснения по вопросам, связанным с производственной жизнью транспорта, и является настольным руководством каждого транспортного работника.

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ необходима всем учреждениям, предприятиям и организациям, соприкасающимся с транспортом, и всем частным лицам, интересующимся состоянием и работой нашего транспортного хозяйства.

„ТРАНСПОРТНАЯ ГАЗЕТА“ выходит два раза в неделю и стоит крайне дешево.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 мес.	. . . . .	— руб.	40 коп.
3 „	. . . . .	1 „	20 „
6 „	. . . . .	2 „	30 „
12 „	. . . . .	4 „	50 „

Подписку и деньги направлять: Москва, Новая Басманная, № 2, комн. 147; тел. 1-87-60, доб. 4-22. Подписка принимается также во всех агентствах и магазинах „Транспечати“, во всех почтово-телеграфных конторах СССР и в киосках контрагентства печати.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1927 ГОД

„ВЕСТНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ“

Двухнедельный журнал Наркомюста и Юридического Общества УССР

Выходит под редакцией: Ю. П. Мазуренка, А. Л. Малицкого, С. А. Пригова, И. Д. Фалькевича.

Обслуживая, главным образом, судебных работников, журнал, благодаря широте содержания, является также необходимым пособием для советских, административных, хозяйственных, кооперативных, финансовых, профессиональных, общественных, милицейских работников и юрисконсультов хозорганов.

Журнал издается по следующей программе:

Руководящие передовые и научные статьи по всем вопросам советского права и процесса, страница практика, обзор советского законодательства, хроника, на местах, в украинском юридическом обществе, по советскому союзу, за советским рубежом, практика верховного суда по гражданской кассационной и уголовно-кассационной коллегиям, практика особой коллегии высшего контроля по земельным спорам, практика высшей арбитражной комиссии, библиография, вопросы и ответы, почтовый ящик.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год	10	руб.	— коп.
„ 6 месяцев . . .	5	„	50 „
„ 3 месяца . . .	3	„	— „
Цена номера . . .	—	„	50 „

Для годовых подписчиков допускается рассрочка платежа: первый взнос при подписке—4 рубля; второй—к 1 марта 3 рубля; третий—к 1 июня 3 рубля.

На срок менее трех месяцев подписка не принимается.

Подписка принимается:

В главной конторе—Харьков, улица Свободной Академии, 5; в Харьковском отделении—улица 1-го мая, 8; в Киевском отделении—улица Воровского, 17; в Одесском отделении—улица Лассаля, 17; в Днепропетровском отделении—проспект Карла Маркса, уг. Ленинской; в Артемовском отделении—Харьковская ул., 51; в Полтавском отделении—Котляревская, 11; в Московском отделении—б. Камергерский переулок, угол Б. Дмитровки, 3/6.

руб. 25 коп.

здательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Практические Комментарии к действующим Кодексам:

I. **Гражданский Кодекс.** Проф. Б. В. Попов. Исковая давность, ц.
р. М. М. Агарков. Подряд, ц. 60 к., Проф. А. М. Винавер. Неустойка, ц.
оф. И. Б. Новицкий. Имущественный наем, ц. 60 к. Проф. А. М. Вин
пля-продажа, ц. 1 р. 20 к. Проф. И. Б. Новицкий. Заем. 3-ье изд., ц.
Проф. И. В. Шерешевский. Представительство: а) Поручение, б) Доверен
ц. 1 р. 40 к. Проф. И. Б. Новицкий. Обязательства из договоров, ц. 60 к. П
И. Б. Новицкий. Право собственности, ц. 75 к. Проф. В. И. Серебровский. На
ственное право ц. 1 р. Проф. И. Б. Новицкий. Обязательственное право, ц.

II. **Гражд. Процессуальный Кодекс.** Я. А. Канторович. Государств. уч
и предпр. в Гражд. Процессе, ц. 90 к. И. Л. Брауде. Третейские суды, ц.

III. **Уголовный Кодекс.** Профессора М. Н. Гернет, А. А. Жижил
М. М. Исаев, П. И. Люблинский и А. Н. Трайнин. Общая часть Уголов
Кодекса, ц. 1 р. 75 к. Проф. М. М. Гродзинский. Преступления против личн
ц. 80 к. Проф. А. А. Жижиленко. Воинские преступления, ц. 65 к. Проф.
Жижиленко. Половые преступления, ц. 40 к. Проф. А. Н. Трайнин. Хо
ственные преступления, 3-ье изд. ц. 1 р. 25 к.. Проф. М. Н. Гернет. Им
ственные преступления, ц. 50 к. Уголовный Кодекс. Научно-попул. практ. ком
тарий под редакцией М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. ц. 3 р. 90 к.

IV. **Уголовно-Процессуальный Кодекс.** Проф. А. А. Жижиленко. Суде
заседание, ц. 90 к. Проф. П. И. Люблинский. Меры пресечения. Изд. 3-е, ц.
Проф. П. И. Люблинский. О доказательствах в уголовном суде. Изд. 2-ое, ц.
А. С. Тагер. Кассационное обжалование судебных приговоров. Изд. 2-ое, ц. 1 р.

V. **Земельное Законодательство СССР.** Проф. И. Б. Новицкий. Труд
аренда земли и вспомогательный наемный труд в трудовых земледельче
хозяйствах. Ц. 70 к. И. Новицкий. Право трудового землепользования. Ц. 1 р.

Сборники: законы о торговле, т. I, II и III (с алф. предм. указател
т. III) ц. по 2 р. за том, т. IV (с алф. предм. указателем) ц. 3 р. Составили С
Гуревич и Н. П. Дмитревский, под ред. проф. А. М. Винавера, Н. К. Мурав
и В. Ю. Вольфа. **Законы о деньгах и валютных операциях**, под ред. п
А. М. Винавера, ц. 1 р. 40 к. **Законы о кустарях и их артелях**, под ред. п
А. М. Винавера, ц. 75 к. **Налоговые льготы кустарям и ремесленникам.** С
А. С. Костин, Е. А. Розов и А. В. Смарагдов, под ред. и с предисл. нач. 1
Упр. П. Я. Федорова. Ц. 1 р. 20 к. **Законы о торгах** под ред. проф. А. М. В
вера, ц. 1 р. 25 к. **Новые законы о кооперации.** Сост. А. М. Долматовский,
ред. А. М. Винавера, ц. 5 р. **„Законы о строительстве"** сборник сост. Н
Васильев. Ц. 3 р. 50 к. **„Гос. подряды и поставки"** сост. И. С. Плехан, ц. 1р.

Разные издания: И. Брауде. Акционерные Общества и Товарище
в торговле и промышленности (с кратким комментарием и прилож. пример
устава акц. о-в и договора полн. т-ва). Ц. 1 р. Проф. **А. Н. Трайнин.** Кр
науки уголовн. права, ц. 25 к. Проф. **В. Н. Ширяев.** Дисциплинарная от
ственность служащих. Ц. 80 к. Проф. **М. Гродзинский.** Обвиняемый, его
занности и права в процессе, ц. 1 р. 50 к. Акад. **А. Ф. Кони.** Воспоминани
С. Ю. Витте, ц. 50 к. **Преступный мир Москвы.** Под ред. и с пред. пр
М. Н. Гернета. Издание иллюстрированное, ц. 3 р. 60 к. Проф. **М. Н. Гер**
В тюрьме. Очерки тюремной психологии. Изд. иллюстр., ц. 1 р. 80 к. Проф. **М.**
Исаев. Подпольная адвокатура. ц. 20 к. **Б. А. Ландау.** Концессионное пр
СССР, ц. 75 к. Проф. **М. Д. Загряцков.** Административная юстиция и пр
жалобы, изд. 2-ое, ц. 2 р. 25 к. Систематический Указатель к циркулярам, о
делениям и решениям Верхсуда СССР, Верхсуда РСФСР, опублик. за время с 192
по март 1925 г., ц. 3 р. **И. Т. Бубнов.** Простой вексель и операции с ним, ц. 7
Б. В. Иванов. Практические вопросы гербового сбора, ц. 80 к. **И. Т. Буб**
и **А. Я. Миллер.** Гербовый сбор в кредитных учреждениях. Под ред. П. Ф.
рюжинского. Ц. 2 р. 70 к. **П. А. Крюков.** Наглядное пособие к Гербовому Уста
ц. 20 к. **Эр. Анушат.** Искусство раскрытия преступлений и законы логи
Перев. с нем. под ред. С. М. Потапова. ц. 1 р. **Р. Гейндль.** Уголовная техни
Из мастерской Уголовного Розыска. Перевод с немец. под ред. П. И. Любл
ского, ц. 90 к. **Г. Шнейкерт.** Тайна преступника и пути к ее раскрыт
Перев. с нем. под ред. проф. Люблинского, ц. 60 к.

Серия научно-популярных изданий: **„В защиту детства".** Вып. I.
Т. Е. Сегалов. Психопатология имущественных преступлений у детей, ц. 35
Вып. II. Проф. П. И. Люблинский, Кинематограф и дети, ц. 60 к. Вып. III В.
Куфаев. Систематический указатель русской юридической и педагогичес
литературы по детской беспризорности, ц. 75 к. Проф. М. М. Рубинште
Соц.-правовые представления и самоуправление у детей. Ц. 1 р. 80 к.